

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2022 – 3 (325)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2022**

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»**

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

Мирзеханов В.С. – д-р ист. наук, профессор, научный консультант (ИВИ РАН, ИНИОН РАН), *Дмитриева Е.Л.* – главный редактор, *Бибикина О.П.* – канд. ист. наук, первый зам главного редактора (ИВ РАН), *Гинесина Н.В.* – отв. за выпуск на англ. яз., *Ниязи А.Ш.* – канд. ист. наук, зам главного редактора (ИВ РАН), *В.Н. Счен-снович* – отв. секретарь

Аликберов А.К., д-р ист. наук, директор ИВ РАН
Аватков В.А., д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД РФ
Белинский А.В., канд. полит. наук, ИНИОН РАН
Белозёров В.К., д-р полит. наук, МГЛУ
Гордон А.В., д-р ист. наук, ИНИОН РАН
Добаев И.П., д-р филос. наук, канд. полит. наук, эксперт РАН, ЮФУ
Кашаф Ш.Р., магистр теологии, ИВ РАН
Кузнецов И.И., д-р полит. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова
Малашенко А.В., д-р ист. наук, ИМЭМО РАН
Малышева Д.Б., д-р полит. наук, ИМЭМО РАН
Следзевский И.В., д-р ист. наук, Институт Африки РАН
Флиши де ла Невиль Т. (Швейцария), канд. юр. наук, Университет в Пуатье, Реннская школа бизнеса (Франция)

Россия и мусульманский мир : научно-информационный бюллетень / ИНИОН РАН, Отдел Азии и Африки. – Москва, 2022. – № 3 (325). – 133 с.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.00

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: №04-32298 от 11.04.2022

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES**

**RUSSIA
AND
THE MOSLEM WORLD**

2022 – 3 (325)

Science-information bulletin

Published since 1992

**Moscow
2022**

**Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)**

Division of Asia and Africa

Editorial Board:

Velihan Mirzehanov – Scientific Consultant, INION, Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Elena Dmitrieva* – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Olga Bibikova* – First Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Aziz Niyazi* – Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Valentina Schensnovich* – Executive Secretary, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Natalia Ginesina* – Managing Editor, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alikber Alikberov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Avatkov, INION, Russian Academy of Sciences, Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Andrey Belinsky, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vasily Belozеров, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Igor Dobayev, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Alexander Gordon, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shamil Kashaf, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Igor Kuznetsov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Alexey Malashenko, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dina Malysheva, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Igor Sledzevsky, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Thomas Flichy de La Neuville (Switzerland), Institute for the History of Law (University of Poitiers), Rennes School of Business, France

**Russia and the Moslem World: Science Information Bulletin / INION
RAN, Division of Asia and Africa. – Moscow, 2022. – N 3 (325). – 133 p.**

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.00

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of Registration № 04-32298 dated 11.04.2022

Journal is indexed in the Russian Science Citation Index
© FSIBS «Institute of Scientific Information for Social Sciences, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Гузаеров Р.И.</i> Россия и исламский мир: молодежное сотрудничество.....	9
<i>Сченснович В.Н.</i> Проблемы миграции населения: опыт России и стран Центральной Азии	20

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Добаев И.П.</i> Кавказский макрорегион в перекрестье геополитических напряжений.....	32
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Влияние специальной военной операции ВС РФ на Украине на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе. (Сводный реферат).....	40
<i>Атамали К.Е.</i> Отношения Азербайджана и Турции: геополитические и экономические факторы. (Аналитический обзор).....	47
<i>Кудяров К.А.</i> Ситуация в области незаконного оборота наркотиков в Киргизии.....	55
<i>Сченснович В.Н.</i> Геополитика Таджикистана в современных условиях и стратегические задачи государства. (Аналитический обзор).....	68

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Кудаяров К.А.</i> Большая стратегия Турции в процессе глобальных изменений. (Аналитический обзор)	85
<i>Бибикова О.П.</i> Харки – незаживающая рана алжирского народа.....	101
<i>Погорельская С.В.</i> Германия. Институциональные вопросы интеграции ислама на примере Исламской Конференции ФРГ	112

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Садыкова Э.Л.</i> К вопросу о роли межрелигиозного диалога в контексте проблем универсальности прав человека	122
--	-----

CONTENTS

MODERN RUSSIA: IDEOLOGY, POLITICS, CULTURE AND RELIGION

<i>Razil Guzaerov</i> . Russia and the Islamic world: youth cooperation.....	9
<i>Valentina Schensnovich</i> . Problems of population migration: the experience of Russia and Central Asian countries	20

PLACE AND ROLE OF ISLAM IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE CAUCASSUS AND CENTRAL ASIA

<i>Igor Dobaev</i> . The caucasian macroregion in the crosshairs of geopolitical tensions	32
<i>Elena Dmitrieva</i> . The impact of the Special Military Operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine on the geopolitical situation in the Caspian region. (Condensed abstract).....	40
<i>Ksenia Atamali</i> . Relations between Azerbaijan and Turkey: geopolitical and economic factors. (Analytical review).....	47
<i>Kanybek Kudayarov</i> . The situation in the field of illegal drug trade in Kyrgyzstan	55
<i>Valentina Schensnovich</i> . Geopolitics of Tajikistan in modern conditions and strategic tasks of the state. (Analytical review)	68

ISLAM IN FOREIGN COUNTRIES

<i>Kanybek Kudayarov</i> . Turkey's grand strategy in the process of global changes. (Analytical review)	85
<i>Olga Bibikova</i> . Harki – an non-healing wound of the Algerian people.....	101
<i>Swetlana Pogorelskaya</i> . Germany. Institutional issues of integration of Islam on the example of the Islamic conference of Germany	112

THE MOSLEM WORLD: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

<i>Elmira Sadykova</i> . On the role of interreligious dialogue in the context of the problems of the universality of human rights	122
--	-----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Гузаеров Р.И.*
РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР:
МОЛОДЕЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.01

***Аннотация.** Международное молодежное сотрудничество начинает играть все более значимую роль в процессе продвижения имиджа страны на международной арене. Молодежная политика России имеет долгий и сложный путь становления и до сих пор находится на стадии трансформации. Однако этот факт не помешал набрать хороший опыт в молодежном сотрудничестве с другими странами. В данном процессе активную роль играет Республика Татарстан, которая на протяжении долгого времени выстраивает международное молодежное сотрудничество со странами Исламского мира. Опыт Республики необходимо распространить и на другие регионы России для равномерного развития страны.*

***Ключевые слова:** международное молодежное сотрудничество; Россия; Исламский мир; молодежная политика; Республика Татарстан.*

В современную эпоху молодежь начинает играть все большую роль в развитии государства, что требует тщательно проработанной государственной молодежной политики. Одним из значимых направлений молодежной политики является международное сотрудничество. Активное международное молодежное сотрудничество становится фактором повышения конкурентоспособности государств на международной арене, устойчивости государства и формирования кадрового резерва. В России особое внимание этому

* Гузаеров Р.И., младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока, ИНИОН РАН, e-mail: guzaerov99@bk.ru

аспекту уделяют некоторые регионы, чей позитивный опыт налаживания международного молодежного сотрудничества можно использовать в качестве ориентира для развития этого направления молодежной политики.

Молодежная политика России: законодательная и институциональная база

После распада Советского Союза в России начался поиск нового формата проведения молодежной политики. Предлагалось множество вариантов: от сохранения советской системы до предоставления молодежи полной свободы, или вовсе отрицалась необходимость системной работы в области молодежной политики. За это время было создано более 10 федеральных органов, ответственных за молодежную политику¹. Постоянная трансформация подходов к государственной молодежной политике, смена институтов привели к отсутствию преемственности в деятельности этих органов.

В настоящее время за молодежную политику ответственны следующие органы:

– Департамент государственной политики и воспитательной деятельности Минобрнауки России вырабатывает государственную политику и нормативно-правовую базу в сфере молодежной политики; поддерживает развитие молодежных общественных объединений и реализацию их инициатив; содействует международному молодежному сотрудничеству и т.д.²;

– Комитет Государственной Думы по молодежной политике обеспечивает рассмотрение законопроектов в области молодежной политики и готовит их к рассмотрению в Государственной Думе, проводит парламентские слушания, анализирует практику законоприменения. В ведении Комитета находятся вопросы поддержки молодежных инициатив, содействия общественной деятельности,

¹ Харченко В.В. Состояние и перспективы международного сотрудничества в молодежной сфере в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. №1. С. 100–112.

² Положение о Департаменте государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/ee6/p0gz18eo54924673ec24b4oc6vw5xuo2.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).

поддержки молодежных объединений, содействия международному сотрудничеству и т.д.¹;

– Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) – федеральный орган исполнительной власти. Росмолодежь оказывает государственные услуги в сфере молодежной политики. В полномочия агентства входит: разработка и реализация мероприятий, направленных на поддержку талантливой молодежи, развитие гражданской активности молодежи, защиты её социально-правовых интересов. Росмолодежь развивает международное молодежное сотрудничество, вовлекает молодежь в международные проекты²;

– Важную роль также играют органы государственной власти субъектов России, органы местного самоуправления, различные ассоциации, например, Национальный Совет молодежных и детских объединений России.

Законодательная база в области государственной молодежной политики носит фрагментарный характер и не имеет общей концептуальной базы. Деятельность в этой сфере регулируется путем «точечного» регулирования на основе указов Президента России, постановлений Правительства³. На данный момент основы молодежной политики России определены в распоряжении Правительства РФ «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»³. Стратегия направлена на создание долгосрочных целей развития молодежи, поиск ответов на вызовы перед вопросами молодежного развития, определение параметров вложения государственных денег в молодежные проекты и т.п.

Основными вызовами для реализации молодежной политики считаются следующие проблемы:

- снижение общего количества молодежи в России;
- отток талантливой молодежи;
- высокая заболеваемость молодежи;

¹ Положение о Комитете Государственной Думы по молодежной политике [Электронный ресурс] // Комитет ГД по молодежной политике. URL: <http://molpol.km.duma.gov.ru/Polozhenie/item/28293993/> (дата обращения: 14.04.2022).

² Положение «О Федеральном агентстве по делам молодежи» [Электронный ресурс] // Росмолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/docs/position> (дата обращения: 14.04.2022).

³ Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 46–56.

– рост ксенофобии, национализма, маргинализация молодежи и др.¹

Последний пункт особо важен в контексте ислама и взаимодействия России с Исламским миром. Опрос Фонда «Общественное мнение», проведенный в 2015 г., продемонстрировал следующие результаты:

– 9% респондентов ассоциируют ислам с терроризмом, бандами, 7% – воспринимают как чуждую для себя религию, 5% – относятся с неприязнью;

– 26% опрошенных отнеслись бы негативно к факту принятия ислама близким знакомым (положительно – 16%);

– 18% относятся к исламу отрицательно;

– у 10% отношение к исламу за последний год ухудшилось;

– для 32% ислам в России играет отрицательную роль, а для 40% – отрицательную в мировом масштабе².

Даже несмотря на большое число граждан России, исповедующих ислам, в части общества сохраняется негативное отношение к Исламу. Существует риск роста исламофобских настроений. При этом страх перед Исламом рождается в обществе из-за банальных стереотипов, что проявляется в первую очередь в бытовой исламофобии³. Данный факт представляется одним из фактов ограничения контактов с исламским миром. С этой точки зрения становится важным развитие международной молодежной деятельности по направлению Россия – Исламский мир. Расширение молодежных связей со странами Исламского мира не только позволяет познакомить иностранцев с культурой и бытностью России, но и помогает российской молодежи познать этот мир. Подобный опыт необходим молодому поколению для выстраивания межкультурного и межкулицизационного диалога в будущем, для налаживания гармоничных отношений с этими странами.

¹ Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Росмолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

² Ислам – «соседняя дружественная религия» [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12121> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Сидоров Д.В. Исламофобия современной России // Обозреватель – Observer. 2014. №5 (292). С. 34–41.

Опыт Республики Татарстан в молодежном сотрудничестве с исламскими странами

Республика Татарстан обладает большим опытом в международном молодежном сотрудничестве. Татарстан – один из ведущих регионов России, образующий уникальный синтез исламской и православной культур. Продолжительное время власти республики развивают связи со странами мусульманского мира. Сотрудничество происходит в том числе в молодежной сфере.

В 2006 г. по инициативе Е.М. Примакова и М.Ш. Шаймиева была создана Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». В рамках встреч Группы обсуждаются широкий комплекс проблем на пространстве Ближнего и Среднего Востока и весь спектр отношений России и Исламского мира.

С 2018 г. под эгидой ГСВ ежегодно проводится Международная летняя школа в городе Болгар. Цель школы – развитие международной площадки для диалога цивилизаций, познание иностранными участниками богатой культуры России. В ходе панельных сессий иностранцы знакомятся с российской точкой зрения по вопросам развития мусульманского мира и его взаимодействия с Россией. Общение со сверстниками из России позволяет им лучше понять Россию, избавиться от стереотипов. Традиционно в Школу прибывают участники из Турции, Ирана, Сирии и т.д.

В 2019 г. была организована Всероссийская модель ОИС. Мероприятие несло цель ознакомления студентов-международников с принципами работы Организации Исламского сотрудничества. В ходе работы комитета обсуждались наиболее значимые для Организации вопросы, предлагались варианты решения и составлялась общая резолюция по повестке дня.

Используя этот опыт, в этом же году в Казани организовали Первую международную модель ОИС – Евразия. В ней присутствовали более 100 участников из России, Малайзии, Пакистана, Индонезии, Азербайджана и других стран. Они обсудили актуальные вопросы международной повестки, участвовали в моделировании заседаний ОИС. Помимо выработки определенных дипломатических знаний, навыков, подобные модели способствуют активному межкультурному диалогу. Общая резолюция создается в ходе дебатов, обсуждений, участники знакомятся с мнением представителей других стран, расширяя свой кругозор. К тому же, молодые студенты-международники прорабатывают необходимые

компетенции для работы со структурами ОИС, представителями мусульманских государств. Все эти мероприятия включают в себя культурную программу, знакомя иностранцев с Россией.

Традиционным стал Казанский форум молодых предпринимателей стран ОИС, который проводится ежегодно с 2014 г. Форум собирает разработчиков из России и стран ОИС, которые заинтересованы в инвестициях для реализации своих стартапов. За время проведения форума в нем приняли участие более 1000 представителей из 50 стран, а сумма инвестиций составила 2 млн долл.¹ Участники прослушивают лекции руководителей стартапов, венчурных капиталистов, руководителей технологических фирм. Далее они работают совместно с наставниками, которые помогают им проработать свои идеи. По итогу заочного участия авторы лучших 30 стартапов съезжаются в Казань, где представляют свои идеи перед экспертами.

В 2020 г. в Казани был создан Проектный офис международного молодежного сотрудничества по направлению «Россия – Организация Исламского сотрудничества». Соглашение об осуществлении подобного федерального проекта подписали руководитель Росмолодежи А. Бугаев и глава Министерства по делам молодежи РТ Д. Фаттахов. Инициативу создания офиса активно поддержал МИД РФ. Главная цель офиса – содействие проектам по линии Россия – ОИС в молодежной сфере.

В это же время Офис провел Образовательный интенсив Россия – ОИС. В рамках интенсива участники из российских вузов представили свои проекты по развитию молодежного сотрудничества со странами Исламского мира. В дальнейшем представленные проекты легли в календарь мероприятий Проектного офиса, а участники интенсива стали активом офиса. Таким образом, подобный проект позволяет инициативной молодежи реализовывать собственные задумки и идеи.

На данный момент Проектный офис провел два международных мероприятия: Международный молодежный фестиваль современной мусульманской культуры и Международный молодежный лагерь «Россия – ОИС». Фестиваль объединил деятелей культуры из России и стран Организации Исламского сотрудниче-

¹ VII Казанский форум молодых предпринимателей стран ОИС [Электронный ресурс] // Реальное время. 2021. URL: <https://realnoevremya.ru/events/1469> (дата обращения: 15.04.2022).

ства – 100 участников из 10 стран¹. Участники были разделены по шести направлениям: театр, кино, музыка, хореография и т.д. Участники смогли продемонстрировать всю красоту своей культуры, ее аутентичность и колоритность. Иностранцы, в свою очередь, окунулись в российскую культуру. Подобный культурный диалог между молодежью снимает барьеры в межкультурном взаимодействии и способствует популяризации российской культуры за рубежом.

В международном лагере находились 100 человек из 19 стран, среди которых Пакистан, Индонезия, Египет, Тунис и др. Главной темой лагеря стал проектный менеджмент. Участники заранее прошли онлайн обучение и рамках секции прорабатывали эту тему в сфере волонтерства, образования, предпринимательства и туризма. Подобная тематика связана с желанием офиса запустить сотрудничество с подобными проектами в странах мусульманского мира. Участники лагеря, используя весь багаж полученных на мероприятии знаний, смогут содействовать данному процессу. При этом данная деятельность должна сопровождаться экспертным контролем ведомств МИД России, общественных деятелей и бизнесменов². Создание аналогичных офисов в зарубежных странах будет способствовать тесной координации общественных организаций, НКО и других, желающих реализовать мероприятия по данному направлению. Что более важно, таким образом Россия получит возможность реализации собственных инициатив за рубежом, активно работая с молодежью мусульманских стран.

Также ежегодно в Татарстане проводится международный экономический саммит «Россия – Исламский мир: KazanSummit». Саммит выступает в качестве переговорной площадки для представителей России и стран мусульманского мира, укрепляя между ними торговые, научные, социальные и культурные связи. Каждый саммит не обходится без участия молодежи. Студенты участвуют в мероприятии в качестве атташе, переводчиков, волонтеров и даже организаторов. Благодаря этому молодое поколение учится взаимодействовать с представителями политики и бизнеса му-

¹ Праздник дружбы народов: в Казани завершился фестиваль современной мусульманской культуры [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодежи РТ. 2021. URL: <https://minmol.tatarstan.ru/index.htm/news/2034685.htm>

² Международный лагерь «Россия – ОИС» собрал молодежь из 19 стран [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. URL: <https://ria.ru/20210929/lager-1752263358.html> (дата обращения: 14.04.2022).

сультанских стран, обретает новые навыки и необходимый опыт для будущей профессиональной деятельности.

В рамках Саммита организовывается Форум молодых дипломатов стран ОИС. В рамках форума выстраивается неформальный горизонтальный диалог между молодым поколением дипломатов и опытными представителями дипломатии и власти. Диалог молодежи, которая в будущем будет определять политику своей страны, необходим для установления доверительных отношений между молодыми дипломатами, что поспособствует тесному взаимодействию стран. В рамках сессии представителям мусульманских стран разъясняется позиция России по наиболее важным вопросам взаимодействия государств. Форум содействует продвижению интересов России за рубежом и вносит вклад в укрепление связей между странами. По словам Е. Примакова, форум является одной из самых эффективных площадок для обсуждения широкого спектра вопросов, касающихся России и Исламского мира¹.

Подобные усилия со стороны Татарстана в работе со странами Исламского мира оправдались. В 2022 г. Казань была объявлена молодежной столицей Организации Исламского сотрудничества. Подобный статус присуждается правлением молодежного форума ОИС. По словам министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, факт присуждения подобного статуса Казани служит развитию диалога России и ОИС.²

В течение года в Республике Татарстан запланированы мероприятия по линии Россия – ОИС: культурные фестивали, молодежные форумы, глобальный молодежный саммит, научные конференции, соревнования по киберспорту и т.д. Мероприятия охватят весь спектр международного молодежного сотрудничества и откроют новые возможности для познания России молодежью мусульманских стран.

Помимо этого, деятельность в рамках статуса молодежной столицы будет направлена и на межправительственное сотрудничество. Уже подписаны новые соглашения в этой сфере с Казах-

¹ V Форум молодых дипломатов стран ОИС [Электронный ресурс] // Совет молодых дипломатов МИД России. 2021. URL: <https://www.smd-mid.ru/news/567-v-forum-molodykh-diplomatov-stran-ois> (дата обращения: 15.04.2022).

² Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на церемонии инаугурации «Казань – молодежная столица ОИС-2022» [Электронный ресурс] // МИД России. 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1804384/ (дата обращения: 15.04.2022).

станом, Киргизией и Таджикистаном¹. Ведется активная работа профильных ведомств по расширению связей по парламентской линии.

Таким образом, в Татарстане выработали четкие механизмы взаимодействия с другими странами в сфере молодежного сотрудничества. Традиционные и ежегодные мероприятия дополняются новыми форматами взаимодействиями, авторами которых зачастую становятся сами студенты. Все это помогает поддерживать созидательный потенциал студенчества и продвигать положительный образ страны за рубежом.

* * *

В условиях трансформации международной системы и переноса центра международных отношений на Восток, Россия должна увеличивать активность в Исламском мире. Помимо традиционных торгово-экономических, политических связей, необходимо развивать сотрудничество в молодежной сфере. Проведение молодежных мероприятий в России дает возможность для молодежи из исламских стран изнутри открыть для себя страну, наладить диалог с ее молодежью, увидеть все возможности, раскрываемые при сотрудничестве с ней.

В данном ключе заслуживает внимание опыт взаимодействия Татарстана и государств Исламского мира в молодежной сфере. Республика смогла наладить активное сотрудничество по межпарламентской линии с общественными организациями. В ходе мероприятий участников знакомят с местной культурой, на лекциях объясняют позицию России по значимым вопросам.

Безусловно, Татарстан смог перехватить лидерство в данной сфере и основная масса мероприятий по линии Россия – Исламский мир проходит в Республике. Однако необходимо расширять географию мероприятий. В России много регионов с большим числом мусульманского населения, которые могут стать центрами притяжения для молодежи. Увеличение количества мероприятий и расширение их географии улучшат положение в сфере молодеж-

¹ Тимур Сулейманов: присвоение Казани статуса молодежной столицы ОИС – возможность глобального диалога, новая точка опоры для конструктивного взаимодействия молодежи всего мира [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодежи РТ. 2022. URL: <https://minmol.tatarstan.ru/index.htm/news/2036572.htm> (дата обращения: 16.04.2022).

ной политики в регионах. Помимо постоянного улучшения необходимой инфраструктуры, эти же мероприятия сделают возможным привлечение к международной деятельности большего количества российской молодежи. К тому же, данные форматы можно приспособить и для других регионов мира. Российские студенты в регионах смогут стать частью международной деятельности своей страны, внося в нее свой вклад. Молодежь мусульманского мира, посещая Россию, будет открывать ее для себя с новой стороны, что положительно скажется на международном имидже страны в будущем.

Список источников и литературы

1. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на церемонии инаугурации «Казань – молодежная столица ОИС-2022» [Электронный ресурс] // МИД России. 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1804384/ (дата обращения: 15.04.2022).
2. Международный лагерь «Россия – ОИС» собрал молодежь из 19 стран [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. URL: <https://ria.ru/20210929/lager-1752263358.html> (дата обращения: 14.04.2022).
3. Положение «О Федеральном агентстве по делам молодежи» [Электронный ресурс] // Росмолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/docs/position> (дата обращения: 14.04.2022).
4. Положение о Департаменте государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/ee6/p0gz18eo54924673ec24b40c6vw5xuo2.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).
5. Положение о Комитете Государственной Думы по молодежной политике [Электронный ресурс] // Комитет ГД по молодежной политике. URL: <http://molpol.km.duma.gov.ru/Polozhenie/item/28293993/> (дата обращения: 14.04.2022).
6. Праздник дружбы народов: в Казани завершился фестиваль современной мусульманской культуры [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодежи РТ. 2021. URL: <https://minmol.tatarstan.ru/index.htm/news/2034685.htm>
7. Россияне об исламе [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10652> (дата обращения: 15.04.2022).
8. *Ростовская Т.К., Князькова Е.А.* Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. С. 46–56.
9. *Сидоров Д.В.* Исламофобия современной России // Обозреватель – Observer. 2014. №5 (292). С. 34–41.
10. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Росмолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

11. Тимур Сулейманов: присвоение Казани статуса молодежной столицы ОИС – возможность глобального диалога, новая точка опоры для конструктивного взаимодействия молодежи со всего мира [Электронный ресурс] // Министерство по делам молодежи РТ. 2022. URL: <https://minmol.tatarstan.ru/index.htm/news/2036572.htm> (дата обращения: 16.04.2022).
12. Харченко В.В. Состояние и перспективы международного сотрудничества в молодежной сфере в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. № 1. С. 100–112.
13. V Форум молодых дипломатов стран ОИС [Электронный ресурс] // Совет молодых дипломатов МИД России. 2021. URL: <https://www.smd-mid.ru/news/567-v-forum-molodykh-diplomatov-stran-ois> (дата обращения: 15.04.2022).
14. VII Казанский форум молодых предпринимателей стран ОИС [Электронный ресурс] // Реальное время. 2021. URL: <https://realnoevremya.ru/events/1469> (дата обращения: 15.04.2022).

Guzaerov R.I.

**Russia and the Islamic world:
youth cooperation**

Razil I. Guzaerov,

Junior Research Associate,

Middle and Post-Soviet East Department, INION RAN

e-mail: guzaerov99@bk.ru

***Abstract.** International youth cooperation is beginning to play an increasingly important role in the process of promoting the country's image in the international arena. The youth policy of Russia has a long and difficult path of formation and is still at the stage of transformation. However, this fact did not prevent gaining good experience in youth cooperation with other countries. The Republic of Tatarstan plays an active role in this process, which has been building international youth cooperation with the countries of the Islamic world for a long time. The experience of the Republic should be extended to other regions of Russia for the uniform development of the country.*

***Keywords:** international youth cooperation; Russia; Islamic world; youth policy; Republic of Tatarstan.*

Сченснович В.Н.*

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.02

***Аннотация.** На современном этапе остаются актуальными проблемы миграции населения. При этом важен опыт РФ и стран Центральной Азии. В статье рассмотрены типология миграции, её государственное регулирование, отношение мусульманских религиозных организаций к адаптации и интеграции мигрантов в принимающее российское общество, сферы трудовой деятельности мигрантов-мусульман, проблемы, с которыми они сталкиваются. Особое внимание уделено квалификации и образованию мигрантов.*

***Ключевые слова:** Россия; Таджикистан; Казахстан; Киргизия; Узбекистан; трудовая миграция; заработки; высококвалифицированные специалисты (ВКС); высококвалифицированные мигранты (ВКМ); регулирование миграции; адаптация и интеграция мигрантов; отношение местного населения к мигрантам; миграция в период пандемии COVID-19; мечети и молельные дома; просветительское влияние духовенства.*

Введение

Современная миграционная ситуация в мире вызывает немалые угрозы в сфере безопасности (международный терроризм, экстремизм). В этой связи миграционные перемещения нуждаются в строжайшем контроле и государственном регулировании их последствий. Однако ни одна государственная структура не в состоянии гарантировать безопасность миграционных процессов, так как нелегальные мигранты проникают порой на территорию РФ нелегально, якобы для занятий трудовой деятельностью, а на деле готовятся к террористическим актам.

Тема внешней трудовой миграции в общественно-политическом дискурсе сегодня представляет значительный интерес. Если эксперты в целом положительно оценивают внешнюю миграцию, то часть российского общества видит в ней угрозу распространения наркотрафика, терроризма, экстремизма и бытовой преступности [4].

* Сченснович В.Н., научный сотрудник, Отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

В период пандемии COVID-19 трудовая иммиграция в России пошла на убыль. При этом сузились легальные пути для трудоустройства, возросло включение трудовых мигрантов в теневые схемы найма работников, расширились масштабы их незаконной занятости. В регионах усилились диспропорции между потребностью в рабочей силе и ее предложением. С одной стороны, в сфере занятости сформировалось множество «застрявших» трудовых мигрантов, лишенных средств на покупку продуктов питания, жилья, лекарств, оплату транспортных расходов и другие насущные нужды, что увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций. С другой стороны, в ряде регионов из-за отъезда мигрантов на родину и сокращения «возвратной миграции» отдельные отрасли – главным образом, строительство, сельское хозяйство и ЖКХ – стали испытывать нехватку рабочих кадров [10].

Типология миграции

Внешняя трудовая миграция в России подразделяется на две категории: безвизовую и визовую. В Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. отмечено, что с 2015 г. временная трудовая деятельность в России осуществляется по трем «страновым» критериям: 1) максимальные преференции отданы мигрантам из стран ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия); 2) к мигрантам из стран СНГ, не входящим в ЕАЭС (Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан), применяются правила «патентирования»; 3) мигрантам из остальных государств для осуществления временной трудовой деятельности нужно получить визу или патент (разрешение) на работу. Причем, согласно официальным данным МВД РФ, необходимые документы имеют лишь около 36%. Очевидно, что не оформившие документы мигранты занимаются временной трудовой деятельностью нелегально.

Большая часть мигрантов становятся нелегалами по комплексу причин. Сведения о российском трудовом законодательстве они, как правило, получают от знакомых и родственников или в социальных сетях, но эти данные часто недостоверны. К тому же для оформления документов у мигрантов есть всего 30 дней. Чтобы ускорить процесс, они часто обращаются к сомнительным посредникам, занимающимся мошенничеством. Спустя месяц некоторые предприниматели сами переводят мигрантов на нелегальное поло-

жение, имея возможность манипулировать такими работниками, и в ряде случаев не выплачивают им зарплату [14].

Государственное регулирование миграции

Концепция государственной миграционной политики ставит задачи содействия переселению соотечественников, привлечения и адаптации востребованных категорий трудовых мигрантов из визовых стран. При любом развитии социально-экономической ситуации в РФ, увеличении или снижении потребности в иностранной рабочей силе (ИРС) прогноз динамики спроса и предложения на нее на российском рынке труда становится насущной проблемой для дальнейшего развития страны [9]. В.В. Комаровский считает, что система регулирования приема и отсева визовых трудовых мигрантов требует существенного реформирования. Необходим полный набор инструментов регулирования миграционного притока ИРС – «от механизмов привлечения и рекламы», до комплекса «ограничительных мер при избытке предложения» или «недостатке спроса на рынке труда» [6, с. 31].

Адаптация и интеграция мигрантов-мусульман в российское общество

Непосредственные задачи по социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ и обеспечению межнационального мира и согласия возложены на Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Вместе с тем необходимо учитывать, что значительная часть мигрантов не ориентирована на интеграцию, нередко они не принимают нормы жизни и традиции России. Причину этого социологи видят в высокой степени анклавизации, когда у приезжих нет потребности общаться с местным населением. А горожане боятся таких «анклавов», не могут чувствовать себя рядом с ними безопасно. Исследователи отмечают незаинтересованность местного населения в интеграции мигрантов. Поскольку интеграция предполагает межэтнический диалог между принимающим сообществом и мигрантами, лучшей средой для такого диалога, подчеркивает О.В. Кульбачевская, являются образовательные учреждения [11].

Анализируя роль религиозного фактора в вовлечении мигрантов в социокультурную, языковую и этнорелигиозную среду принимающего сообщества, доктор социологических наук В.Ю. Леденева

(ФНИСЦ РАН, г. Москва) и докторант Б.Т. Бегасилов (Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан) [13] оценивают роль диаспор в формировании религиозной идентичности мигрантов. Основным механизмом адаптации мигрантов в России служат клановые, родственные и национальные связи, когда делается «выбор в пользу этнического сообщества» [13, с. 124]. Трудовая миграция во многом является почвой для развития транснациональных религиозных сетей. Проблемы трудоустройства мигрантов часто решаются именно религиозными сетями.

В России действуют советы по взаимодействию с религиозными организациями, централизованные религиозные организации, общественные национальные сообщества, которые могут координировать работу по адаптации мигрантов. Мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, из-за нехватки мечетей, молельных домов оказываются вне сферы влияния представителей мусульманского духовенства. Тогда как, по мнению доктора философских наук Т.С. Прониной (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург), «просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы способствовать адаптации и препятствовать тенденциям добровольной сегрегации мигрантских сообществ» [16, с. 238]. Это мнение разделяет аспирант Финансового университета при Правительстве РФ С.А. Водопетов (г. Москва) [2]. Интеграция мигрантов в социокультурные рамки российского общества возможна, считает он, если не допускать появления «обособленных агломераций, не стремящихся к внедрению в гражданские институты России», следует ввести тест на знание русского языка при трудоустройстве. Для решения этих задач необходимо обновить концепцию миграционной политики РФ и привести ее «в соответствие с текущими вызовами» [2, с. 25].

Проблемы мигрантов при трудоустройстве в России

Дискриминация выходцев из Азии происходит главным образом из-за другого менталитета, они придерживаются иных традиций и обычаев, не принимают уклад жизни россиян, живут обособленно. Кроме того, существенную роль играют опасения об их возможной причастности к террористическим структурам. Негативное отношение местного населения к мигрантам связано и с мнением, что они занимают рабочие места россиян. Нередки сегодня и факты коррупции при трудоустройстве мигрантов. Вот толь-

ко часть проблем, с которыми сталкиваются мигранты при устройстве на работу в России.

Сферы деятельности мигрантов из ЦА на рынке труда

Главной причиной роста иммиграции из государств СНГ в Россию, по мысли М.Г. Хохловой [17, с. 221], стала «демографическая яма», образовавшаяся в 1990-е годы и приведшая к нехватке специалистов: за последние 10 лет население РФ в возрасте 20–24 лет значительно сократилось (с 12 млн до 7 млн человек). Кандидат социологических наук Н.В. Латова [12] (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) рассматривает имеющийся в стране потенциал для частичного урегулирования проблемы «квалификационной ямы» и связанного с ней использования человеческого капитала. При этом исследователь отмечает, что проблема миграции как актуализации человеческого капитала более существенна и актуальна для высокообразованной, профессионально подготовленной группы специалистов.

Если в 1990-е годы в Россию в поисках работы из стран СНГ прибывала чаще всего малоквалифицированная рабочая сила, то распространение Интернета привело к росту количества иммигрантов-программистов. В 2021 г. увеличилось число запросов на работу в России от IT-разработчиков из стран СНГ.

Причиной дефицита рабочей силы на российском рынке труда оказался в том числе отток мигрантов, преимущественно занятых в производственном секторе, в связи с пандемией COVID-19. В отличие от них, в IT-секторе «дистанционная работа» нередко стала преобладать из-за готовности мигрантов трудиться за меньшую зарплату [17, с. 222]. Новые формы занятости, позволяющие работать дистанционно, делают возможным обучение профессиям нематериального производства без значительных затрат средств [17, с. 226].

Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда

Доктор социологических наук В.И. Мукомель [15] (г. Москва) рассматривает особенности занятости мигрантов высокой квалификации из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Анализ

показал, что основная масса трудовых мигрантов из этих стран имеют среднюю квалификацию (84,3%), доля высококвалифицированных трудовых мигрантов (ВКМ) – 12,1%, а низкоквалифицированных – 3,6%. Доля ВКМ в Киргизии составляет 15%, в Таджикистане – 14, в Узбекистане – 10%. При этом женщины существенно образованнее мужчин: если только 10% мужчин имеют высшее и неполное высшее образование, то среди женщин их – 17,8%. В Россию, как правило, едут работать наиболее образованные женщины и менее образованные мужчины из стран-доноров.

Несмотря на то что значительная часть среднеазиатских ВКМ заняты на неквалифицированных работах, чаще всего они позитивно оценивают свою работу в России. Учитывая неопределенность перспектив возвращения ВКМ из других государств постсоветского пространства на российский рынок труда, В.И. Мукомель прогнозирует: «В ближайшие годы мигрантские ниши труда высокой квалификации будут заполняться из основных стран-доноров» – государств Средней Азии [15, с. 201].

Внешняя миграция населения Казахстана за годы независимости

Кандидат экономических наук З.К. Чуланова [18] (Институт экономики Республики Казахстан) отмечает специфику современного миграционного процесса в Казахстане. В течение длительного периода внешняя миграция населения республики носила в основном эпизодический характер с целью служебных командировок и туристических поездок. Активизация миграции населения из Казахстана в другие государства произошла с приобретением независимости. Проводимая политика «открытости» страны, либерализация взглядов в отношении эмиграции способствовали усилению миграционных процессов из Казахстана в другие страны, что привело к потере трудового потенциала. За период 1996–2000 гг. большое число эмигрирующих пришлось на Россию, Германию, Узбекистан, Украину, Беларусь, Киргизию и Израиль.

Поскольку из Казахстана мигрируют преимущественно люди с высшим образованием, актуальной для страны является «утечка мозгов». Изменить ситуацию с эмиграцией научных кадров и высококвалифицированных специалистов могут политическая и экономическая стабильность, накопление ресурсов для инвестиций в науку и инновационную деятельность.

Значимым трендом в республике является образовательная миграция. Каждый десятый казахстанский студент получает высшее образование за границей. Потенциал «невозвратной миграции» молодых людей, выехавших из стран региона на работу или учебу, оценивается в 30–35% с тенденцией к росту. Около 20 тыс. студентов, обучающихся за рубежом, в дальнейшем могут остаться за границей. «Образовательная миграция рассматривается значительной частью молодых граждан государств Центральной Азии, как трамплин для последующей эмиграции из страны» [18, с. 44].

Исследователь делает выводы: в настоящее время в миграции населения Казахстана определяющую роль играют «социально-экономические факторы, прежде всего: низкий уровень промышленного производства в республике; изменения в структуре экономики, превалирование сферы торговли и услуг как следствие невостребованности квалифицированных кадров; высокий уровень безработицы – как явной, так и скрытой; рост молодежной безработицы; несоответствие профессиональной и квалификационной подготовки выпускников учебных заведений требованиям рынка труда, переизбыток гуманитарных специальностей; отставание в уровне и качестве жизни от экономически развитых регионов РФ [18, с. 44].

Внешние трудовые мигранты из Киргизии

Доктор исторических наук А.Р. Джоошбекова [3] (г. Бишкек) отмечает, что в начале 1990-х годов в Киргизии миграционные обмены населением с соседними странами уменьшились, но возросли с рядом стран вне СНГ. Для трудовых мигрантов из Киргизии наиболее привлекательными являются Россия, Казахстан, Турция, европейские страны, Южная Корея. Миграционные перемещения из Киргизии показывают доминирование личных мотивов, они сводятся к поиску более предпочтительных условий для жизни. При этом превалируют социально-экономические факторы, призванные повысить уровень и качество жизни выбывающей семьи.

С середины 2000 г. в республике наблюдается тенденция к увеличению интенсивности миграционного оттока населения и трансформации мотивов территориального перемещения, она является следствием ухудшения социально-экономического положения в Киргизии. Прежде всего, это несбалансированность рынка труда, нехватка рабочих мест, низкий прожиточный минимум занятого населения, недостаточный уровень социального обеспечения.

За последний период в распределении эмигрантов по уровню образования отмечается повышение удельного веса лиц с высшим и средне-специальным образованием. Увеличение оттока из республики квалифицированных кадров подтверждает развитие неблагоприятных для общества тенденций, следствием которых может стать дефицит на профессиональную рабочую силу [3, с. 257].

Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части России

Кандидат исторических наук А.А. Авдашкин [1] (Челябинский гос. ун-т) рассматривает миграцию из Таджикистана в Уральский и Сибирский регионы России. В особо сложном положении оказалось население Таджикистана в период пандемии COVID-19. Перед началом пандемии республика являлась одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы (ИРС) на российский рынок труда. Поскольку темпы создания новых рабочих мест в Таджикистане намного ниже темпов естественного прироста населения, в этих условиях заработки в России во многом служат выходом для республики.

Однако нужно иметь в виду, что приезжие из Средней Азии слабо защищены от дискриминации, проживают изолированно, составляя группу мигрантов, наименее интегрированных в общество. Кроме того, в России отношение к иноэтничным мигрантам часто характеризуется как негативно-безразличное. Для Урала и Сибири, переживающих миграционную и естественную убыль, вероятным источником роста этнофобий служит тренд на сокращение численности «славянского» населения».

Значительное сокращение населения, особенно в азиатской части страны, ставит вопрос об источниках восполнения дефицита рабочей силы. Компенсировать нарастающую убыль возможно, по убеждению А. Авдашкина, только за счет миграции: «Среднеазиатское направление на ближайшие годы является одним из приоритетных, даже несмотря на сокращение миграционного притока» [1, с. 147].

Внешняя трудовая миграция в Узбекистане

О необходимости эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан пишет кандидат экономических наук Ш.Н. Исакулов [5] (Академия государственного

управления при Президенте Республики Узбекистан, г. Ташкент). Автор статьи анализирует демографические тенденции в республике, выявляет движущие факторы миграции, определяет проблемные вопросы в ее регулировании.

Демографические тенденции в Узбекистане (за последние 50 лет население страны увеличилось в 2,86 раза, составив 35 млн человек) и высокий прирост трудовых ресурсов (на 500–600 тыс. человек в год) создают нагрузку на внутренний рынок труда. В связи с этим наблюдается большой поток трудовых мигрантов в зарубежные страны, в котором ведущее место занимает Россия. Кроме того, в условиях независимости Узбекистан столкнулся с новыми видами миграций, такими как вынужденная миграция, потоки беженцев в страну, незаконная миграция. В этой связи учет, регулирование, снижение негативных факторов миграции являются важными задачами государства. В Стратегии действий Узбекистана на период 2017–2021 гг. были предусмотрены разработка и утверждение законопроектов, направленных на эффективное использование и предотвращение утечки за рубеж высококвалифицированных кадров для государственной службы и занятости в отраслях экономики, разработка проекта «Закона о внешней трудовой миграции».

В целом Узбекистан является одним из наиболее обеспеченных трудовыми ресурсами государств. На его долю приходится более 40% трудовых ресурсов Центральной Азии, что определяет значимость трудового потенциала в регионе. По убеждению Ш. Исакулова, ежегодно высокий прирост населения «необходимо эффективно использовать в национальных интересах, в первую очередь, на внутреннем рынке труда, а избыточные ресурсы оптимально размещать на высокопродуктивных рынках зарубежных стран, направлять на наращивание человеческого капитала страны в процессе временной внешней трудовой миграции в индустриально развитые страны мира» [5, с. 165].

Социологические опросы подтверждают: для большинства узбекистанцев в целях трудоустройства наиболее привлекательной является Россия, о чем заявили более 60% респондентов. Это во многом является следствием наличия безвизового режима между Узбекистаном и Россией, развитости мигрантских сетей и этнической диаспоры. В последние годы налаживаются организованные централизованные направления трудовых миграций из Узбекистана в Россию, Казахстан, Республику Корея, Турцию. Из общего количества трудовой миграции в России работают 1192,8 тыс.

граждан Узбекистана (71%), в Казахстане – 209,3 тыс. (12%), в Южной Корее – 62,3 тыс. (4%), в Турции – 43,2 тыс. (3%) узбекистанцев.

Заключение

Перед началом пандемии COVID-19 Таджикистан являлся одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы на российский рынок труда. Пандемия изменила динамику миграционных процессов в Казахстане: впервые за последние годы сократилось количество выезжающих.

Экономические факторы обусловили рост внешней миграции в Киргизии. Интенсивность миграционного оттока населения явилась следствием ухудшения общего социально-экономического положения в республике. Россия является основной страной притяжения для трудовых мигрантов из Узбекистана. Пандемия COVID-19 привела к снижению миграционных потоков в мире. В итоге многие трудовые мигранты приняли решение о возвращении в свои страны, в том числе и в Узбекистан.

Мигранты стали одной из наиболее уязвимых групп в период пандемии. Вместе с тем высококвалифицированные мигранты продемонстрировали высокий потенциал адаптации к трансформации рынка труда. В условиях практического отсутствия на российском рынке труда мигрантов из Белоруссии, Молдовы и Украины в средне-срочной перспективе возможен рост миграции из государств Центральной Азии.

Граждане республик Центральной Азии стремятся уехать за рубеж в тех случаях, когда не могут найти себе применения на рынках труда на родине. При этом решающее значение имеют полученное ими образование и квалификация. Поскольку государствам ЦА присущ разный уровень социально-экономического развития, миграционные процессы в них существенно отличаются. Необходимо учитывать, что образование и квалификация мигрантов из региона Центральной Азии не всегда котируется в странах Европы. Поэтому чаще всего они едут работать в Южную Корею, Турцию, а главное предпочтение отдают России.

Литература

1. *Авдашкин А.А.* Миграция из Таджикистана в регионы азиатской части России: современная ситуация и риски // Вестник Омского ун-та. 2021. С. 143–151.

2. *Водопетов С.А.* Миграционные процессы как фактор обеспечения демографической безопасности Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 22–25.
3. *Джоошибекова А.Р.* Социально-демографический портрет внешних трудовых мигрантов из Кыргызстана // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы. Сб. научных статей международного научно-образовательного форума. Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург. 2021. С. 254–259.
4. *Зорин В.Ю., Бурда М.А.* Формирование и институализация государственной миграционной политики в современной России // Politbook. 2020. № 1. С. 113–128.
5. *Исакулов Ш.Н.* Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 161–174.
6. *Комаровский В.В.* Роль внешней трудовой миграции в миграционной политике России // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 19–32.
7. *Комаровский В.В.* Роль и место внешней трудовой миграции в структуре иностранной рабочей силы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 41. (4). С. 80–93.
8. *Комаровский В.В.* Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 105–110.
9. *Комаровский В.В.* Россия и СНГ: динамика миграционных потоков // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2 (47). С. 151–170.
10. *Красинец Е.С., Шевцова Т.В.* О последствиях влияния пандемии COVID-19 для трудовой миграции в Россию // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. М., 2021. С. 234–237.
11. *Кульбачевская О.В.* Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 136–152.
12. *Латова Н.В.* Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4 (164). С. 429–450.
13. *Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т.* Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.
14. *Михайлова О.В., Бурда М.А., Гришин О.Е.* Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 4 (142). С. 9–15.
15. *Мукомель В.И.* Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии в России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 186–204.
16. *Пронина Т.С.* Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 225–240.
17. *Хохлова М.Г.* Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда // Россия новые государства Евразии. 2021. № 4 (53). С. 221–227.

18. Чуланова З.К. Внешняя миграция населения Казахстана за годы независимости // The Scientific Heritage. 2021. № 76-2 (76). С. 37–45.

Schensnovich V.N.

**Problems of population migration:
the experience of Russia and Central Asian countries**

Valentina N. Schensnovich,

Research Associate, Asia and Africa Department,

INION RAN,

e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Abstract. At the present stage, the problems of population migration remain relevant. At the same time, the experience of the Russian Federation and Central Asian countries is important. The article examines the typology of migration, its state regulation, the attitude of Moslem religious organizations to the adaptation and integration of migrants into the host Russian society, the spheres of labor activity of Moslem migrants, the problems they face. Special attention is paid to the qualifications and education of migrants.

Keywords: Russia; Tajikistan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; labor migration; earnings; highly qualified specialists; highly qualified migrants; migration regulation; adaptation and integration of migrants; attitude of the local population to migrants; migration during the COVID-19 pandemic; mosques and prayer houses; educational influence of the clergy.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Добаев И.П.*

КАВКАЗСКИЙ МАКРОРЕГИОН В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ НАПРЯЖЕНИЙ

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.03

***Аннотация.** В статье рассматриваются геополитические процессы в Кавказском макрорегионе и вокруг него, выявляются интересы мировых и региональных центров силы на Кавказе в исторической ретроспективе и на современном этапе. Анализируется значимость региона для России в прошлые века и в настоящее время. Рассматривается динамика внешней и внутренней политики в постсоветский период суверенных и частично признанных государств Южного Кавказа. Выделяются группы конфликтогенных факторов на Северном Кавказе, определяется роль федерального центра в их преодолении.*

***Ключевые слова:** Абхазия; Азербайджан; Армения; Грузия; Южная Осетия; Россия; Северный Кавказ; исламизм; геополитика; геополитические процессы.*

Важное стратегическое и торговое положение Кавказа (Северного и Южного) с древнейших времен ставило его в центр борьбы между великими державами: Древней Грецией и Персией, Римом и Боспорским царством, Сасанидской Персией и Арабским халифатом, Хазарским каганатом и Византийской империей¹.

* Добаев И.П., доктор филос. наук, профессор, эксперт РАН, руководитель Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

© Добаев И.П., 2022

¹ Добаев И.П. Геополитика и геополитические процессы в Черноморско-Каспийском регионе. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2022. С. 161–170.

В XVI–XVII вв. Кавказ превращается в объект соперничества Персидской империи с Османской и ее вассалом – Крымским ханством. Россия, пребывая в слабом военном и экономическом состоянии, выстраивала свою политику на Кавказе, играя на персидско-османских противоречиях. Качественное изменение происходит в начале XVIII в., в ходе Каспийского похода 1722 г. Петра I. В этот период Кавказ превращается для России в важнейшую внешнеполитическую проблему, а на первый план выдвигается задача присоединения Кавказа к России.

Для России Кавказ всегда являлся целостным объектом сначала внешней, а затем внутренней геополитики, но в то же время представлял собой крайне противоречивый конгломерат народов и территорий с различным социально-экономическим и культурным уровнем развития, поликонфессиональностью, менталитетами, остротой социальной внутриэтнической и межэтнической борьбы.

Русско-османские войны второй половины XVIII в. привели к присоединению Крыма к России, переходу в сферу влияния России части Кавказа и Северного Причерноморья. Победные для России русско-персидские и русско-османские войны и Отечественная война первой половины XIX в. предопределили для Российской империи фактически статус сверхдержавы того времени. Заключение мирных договоров с Персией и Османской империей (Бухарестский – 1812 г., Гюлистанский – 1813 г., Туркманчайский – 1828 г., Андрианопольский – 1829 г.) закрепили переход Кавказа под юрисдикцию Российской империи.

Бурная реакция Великобритании на присоединение Кавказа подталкивала Россию к форсированному установлению контроля над регионом и введению здесь военной и гражданской администрации империи. Это стало одной из причин Кавказской войны (1817–1864), в которой России пришлось вести борьбу не только с имаматом Шамиля и адыгами Северо-Западного Кавказа, но и с вмешательством Османской империи, Великобритании, польских, венгерских и других европейских революционеров и авантюристов. Особенно обострилась ситуация в период Крымской войны 1853–1856 гг., когда кавказский вопрос внешние силы стремились использовать для реализации планов по расчленению России. Однако ставившаяся цель, несмотря на военное поражение России, не была достигнута, что нашло отражение в решениях Парижского конгресса 1856 г., зафиксировавших принадлежность Кавказа России как международно-правовую реальность. Очередная попытка османов и стоящих за ними британцев силового решения Кавказ-

ского вопроса (1877–1878) завершилась неудачей для ее инициаторов. Таким образом, кавказский вопрос для России из проблемы внешней политики перешел в состояние внутренней геополитики. Этому способствовали успехи Российской империи на Южном Кавказе¹.

В 1783 г. царь Картли и Кахетии (восточные территории нынешней Грузии. – *И. Д.*) Ираклий II подписал Георгиевский трактат, призвав на помощь Россию в борьбе с Персией, тем самым обеспечив протекторат Российской империи. В 1801 г. это царство было упразднено. Другие территориальные образования на территории Грузии вошли в состав Российской империи самостоятельно, в том числе и Абхазия. Постепенно вся территория Грузии стала частью России в качестве Тифлисской губернии.

Что касается Азербайджана, следует отметить, что в XVIII–XIX вв. на территории современного Азербайджана, Армении и персидского Азербайджана появился целый ряд государственных образований (в основном, ханств с тюркскими династиями). Всего их было 24, в том числе Бакинское, Дербентское, Карабахское, Нахичеванское, Эриванское и др.

После присоединения к России части этих ханств (за исключением персидской провинции Азербайджан) на территории современного Азербайджана и Армении появились Бакинская, Елизаветпольская и Эриванская губернии.

Революции 1917 г. и последовавшая гражданская война существенным образом изменили геополитическую ситуацию на Кавказе. В Закавказье в 1918 г. были провозглашены Азербайджанская Демократическая Республика (преимущественно на землях Бакинской и Елизаветпольской губерний и Закатальского округа), Армянская Республика, Грузинская Демократическая Республика. К власти пришли националисты: мусаватисты в Азербайджане, дашнаки – в Армении, меньшевики в Грузии. В этот же период происходит интервенция британских войск в регион.

Однако уже в 1920 г. на территорию Азербайджана и Армении входят части Красной Армии, процесс советизации Грузии начался немного позже, в 1921 г.

В декабре 1922 г. Азербайджан, Армения и Грузия образовали Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, которая в том же году вошла в состав СССР. В 1936 г.

¹ *Добаев И.П.* Черноморско-Каспийский регион в фокусе стратегических интересов мировых держав // Ориентир. – 2015. – № 12. – С. 10–14.

ЗСФСР была упразднена, тогда же были образованы союзные республики – Азербайджан, Армения и Грузия. Таким образом, границы всех закавказских республик были сформированы в советское время.

В результате распада Советского государства в 1991 г. на Южном Кавказе появляются три суверенных государства – Азербайджан, Армения и Грузия. Регион переходит в зону внешней геополитики России, а Северный Кавказ остается в составе РФ. Общая площадь государств Южного Кавказа составляет немногим более 185 тыс. кв. км, а общая численность населения – порядка 17 млн человек.

К власти в государствах Южного Кавказа приходят националисты. В Азербайджане после непродолжительного периода правления прежнего коммунистического функционера Аяза Муталибова, в июне 1992 г. появляется лидер националистического Народного фронта Азербайджана Абульфаз Эльчибей; в этот период времени идет ожесточенная война между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха. При этом Азербайджан терпит военное поражение, а Нагорный Карабах и еще ряд азербайджанских районов, полностью или частично, переходят под контроль Армении.

В 1993 г. Эльчибея сменил бывший советский функционер Гейдар Алиев, при нем в 1994 г. в Бишкеке были подписаны мирные соглашения по Нагорному Карабаху. Однако под контролем Армении, как уже отмечалось, осталась не только территория Карабаха, но еще семь районов Азербайджана (два из них – частично), что составило 12% территории этого государства. После смерти Гейдара Алиева в 2003 г. президентом стал его сын – Ильхам Алиев.

В Армении первым президентом стал либерально настроенный Тер-Петросян, затем ему на смену пришли представители Нагорного Карабаха – Роберт Кочарян и Серж Саргсян.

В Грузии первым президентом стал националист Звиад Гамсахурдия, взявший курс на построение государства – этнонации. В результате в 1991–1992 гг. фиксируется южноосетинская война, а в 1992–1993 гг. прошла грузино-абхазская война, завершившаяся поражением Грузии. В 1993 г. Гамсахурдия был убит, а в 1995 г. президентом становится бывший советский функционер Эдуард Шеварднадзе. Его, в свою очередь, свергают в 2003 г. в ходе так

называемой «революции роз»¹, а президентом стал прозападный политик новой формации М. Саакашвили. В результате развязанной им военной авантюры против Южной Осетии в августе 2008 г. грузинская армия потерпела поражение, а Южная Осетия и Абхазия окончательно вышли из состава Грузии, став частично признанными государствами.

Серьезные изменения в политических системах государств Южного Кавказа произошли во втором десятилетии XXI в.

В Азербайджане с 2016 г. происходит укрепление властной вертикали. Результаты референдума, состоявшегося 26 сентября 2016 г., позволяют президенту избираться неограниченное число раз. Были введены несколько постов вице-президента, в результате первым вице-президентом стала жена Алиева – Мехрибан (дев. – Пашаева). Таким образом был усилен альянс ведущих азербайджанских кланов Алиевых – Пашаевых. Еще раньше были ликвидированы многие западные и прозападные НПО и НКО, а их лидеры отправились в тюрьму, а затем некоторые из них были выдворены из страны. Все это, наряду с позитивными экономическими показателями, улучшило ситуацию в Азербайджане и вокруг него (отношения с Россией, Турцией). Однако отношения с Ираном чаще всего были неровными, в очередной раз они осложнились осенью 2020 г. из-за войны в Нагорном Карабахе, инициированной Азербайджаном при масштабной и разноплановой поддержке Турции. Турецкая Республика и является основным партнером Азербайджана, действуя в контексте положения «один народ – два государства».

В Армении, напротив, в последние годы фиксируется ослабление властной вертикали. Серж Саргсян, рассчитывая сохранить власть, пошел на изменение формы правления с президентской на парламентскую. В результате этого процесса в 2018 г. в Армении проходит «бархатная революция» и к власти при поддержке Запада, прежде всего США, приходит представитель не системной оппозиции – Никол Пашинян, занявший пост премьер-министра. С учетом неудовлетворительной экономической ситуации в республике вызревали социальные протесты, серьезный удар был нанесен по вооруженным силам страны. Неудивительно поэтому сокрушительное поражение Армении в очередной войне за Нагорный Ка-

¹ Добаев И.П. Механизмы и технологии осуществления Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2008. № 1. С. 128–141.

рабах. Позиции России в Армении обеспечиваются военной базой, дислоцирующейся в Гюмри. Однако в целом можно говорить о турбулентности и нестабильности политических процессов в этой республике. Причины поражения Армении в последней войне разнообразны: политические – в том числе ориентация руководства на США; ухудшение отношений с Ираном и в известной степени с Россией; военные, экономические и т.д. Следует также упомянуть сложившуюся эффективную систему власти в Азербайджане и ущербную в Армении. Последствия поражения Армении в войне за Нагорный Карабах могут усугубиться в ближайшей и среднесрочной перспективе.

В Грузии М. Саакашвили после двух сроков президентства, так же, как и позже в Армении, пошел на реформатирование республики в парламентское государство. Однако на выборах в 2013 г. руководимая им партия «Единое национальное движение» проигрывает парламентские выборы оппозиционному блоку партий «Грузинская мечта» во главе с миллиардером Бидзиной Иванишвили. В ноябре 2020 г. выборы вновь выигрывают представители «Грузинской мечты». Реально же республикой руководит не парламент с премьер-министром и президентом, а олигархи во главе с Иванишвили. Социально-экономическая ситуация в Грузии сложная, а руководство продолжает курс на вступление в НАТО и ЕС. Соответственно, главным «союзником» Грузии являются США.

Абхазия и Южная Осетия после поражения Грузии в пятидневной войне в августе 2008 г. были признаны Российской Федерацией, а затем ограниченным кругом других государств, став, таким образом, частично признанными государствами. Территории этих стран небольшие, численность населения невелика. Однако они имеют серьезное геостратегическое значение. Южная Осетия представляет собой территорию, располагающуюся в центральной части Южного Кавказа, а Абхазия имеет выход к Чёрному морю, занимая примерно 200 км береговой полосы. Национальную безопасность этих государств обеспечивает РФ, дислоцировав здесь свои военные базы.

Вместе с тем общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в республиках далека от идеала. Особенно это касается Абхазии. Со времени признания этого государства прошло 14 лет, но общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Республике Абхазия до сих пор насыщена турбулентными процессами. Основные причины, по нашему мнению, заключаются в следующем: в Абхазии, поли-

этнической по составу населения, вся полнота политической и экономической власти сконцентрирована в руках абхазов. В свою очередь, этот коренной народ расколот по политическим предпочтениям, экономическим интересам, ориентации на тех или иных лидеров и т.д. В результате внутренней борьбы абхазских элит политическая ситуация в республике не стабильна, а насильственная, по сути, смена лидеров не приводит к положительным результатам. Таким образом, можно говорить о турбулентности абхазских внутриполитических процессов. Кроме того, следует учитывать то, что на протяжении веков абхазы придерживались языческих верований. До сих пор в республике имеются жрецы, осуществляющие жреческие (языческие) обряды¹. Они пользуются авторитетом в абхазской среде и оказывают определенное влияние на динамику политических процессов в этом государстве.

Можно с уверенностью говорить о том, что турбулентность является неотъемлемой частью политических процессов в Абхазии. Относительно спокойные периоды сопровождаются протестной активностью оппозиционных сил. Одной из причин этих потрясений, по нашему мнению, является архаичный уклад общественно-экономической и политической жизни, который является фактором саморегулирования абхазского общества, так как «фасадные» властные институты не могут эффективно функционировать и обеспечивать благополучие государства.

На Южном Кавказе, как представляется, отсутствует государство-лидер. В этой связи здесь вряд ли возможна какая-либо региональная интеграция. Государства региона не являются и не смогут стать субъектами не только глобальной, но даже региональной геополитики. Реально они выступают в качестве объектов происходящих геополитических процессов. За геополитическое доминирование идет борьба глобальных (Россия и Запад, преимущественно США) и региональных центров силы (Турция, Иран), а также нетрадиционный игрок на этом поле – Саудовская Аравия и идущие в фарватере ее внешней политики некоторые монархии Персидского залива. Россия поддерживает союзнические отношения с Арменией, Абхазией и Южной Осетией, США усиливают свое влияние в Грузии, для Турции главный геополитический

¹ Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М.: ИВ РАН, 2001.

партнер – Азербайджан. Что касается КСА, она пытается упрочить свои позиции в регионе, педалируя исламский фактор¹.

Другой частью кавказского макрорегиона является Северный Кавказ, под которым в сокращенном виде мы будем понимать территории национальных республик, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) и в состав Южного федерального округа (Адыгея). После развала Советского Союза здесь повсюду фиксировались сепаратистские процессы, апогеем которых стали известные события в Чечне².

В настоящее время, после крушения сепаратистских проектов, поддерживавшихся внешними силами, ситуация на Северном Кавказе заметно улучшилась. Тем не менее, пусть и с меньшим разрушительным потенциалом, продолжают наличествовать следующие блоки конфликтогенных фвкторов: политические (до конца так и не разрешенные этно-политические конфликты, этноэтатизм и этноклановость, наличие разделенных народов и т.д.); социально-экономические (падение промышленного производства, высокий уровень безработицы и, как следствие, множество социальным проблем); этноконфессиональные (политизация этничности, отток русского населения, появление и развитие радикального исламистского движения, переросшего в религиозно-политический экстремизм и терроризм³, прикрывающийся исламским вероучением)⁴ и демографо-миграционные (в результате повышенной демографической активности наблюдается рост миграционных потоков, как в рамках той или иной республики, так и выходящих за рамки Северо-Кавказского региона). Разумеется, потенциал указанных конфликтогенных факторов в последние годы благодаря политике федерального центра неуклонно снижается, но они никуда не исчезли, перейдя лишь на латентный уровень.

¹ Добаев И.П. Геополитические интересы мировых держав в кавказском макрорегионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2006. № 3–4. С. 128–139.

² Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. Ростов–на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

³ Добаев И.П. Священная война в исламе в концепциях такфиристов-джихадистов // Кавказские чтения / Южнороссийское обозрение. Вып. 100. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2021. С. 113–123.

⁴ Добаев И.П. Ислам и исламизм в современном мире. Ростов- на-Дону: Фонд науки и образования, 2021.

Dobaev I.P.

**The Caucasian macroregion
in the crosshairs of geopolitical tensions**

Igor P. Dobayev,

DSc (Philosophy), Professor,
Expert of Russian Academy of Sciences,
Director of Center of Regional Studies,
Institute of Sociology and Religion,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

***Abstract.** The article examines the geopolitical processes in and around the Caucasian macroregion, identifies the interests of the world and regional centers of power in the Caucasus in historical retrospect and at the present stage. The significance of the region for Russia in the past centuries and at the present time is analyzed. The dynamics of foreign and domestic policy in the post-Soviet period of sovereign and partially recognized states of the South Caucasus is considered. Groups of conflict-causing factors in the North Caucasus are identified, the role of the federal center in overcoming them is determined.*

***Keywords:** Abkhazia; Azerbaijan; Armenia; Georgia; South Ossetia; Russia; North Caucasus; Islamism; geopolitics; geopolitical processes.*

Дмитриева Е.Л.*

**ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
ВС РФ НА УКРАИНЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ
СИТУАЦИЮ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ.
(Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.04

1. Белащенко Д.А., Сикираж В.В. Украинский кризис как катализатор трансформации постсоветского пространства // *Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы VI Международной научно-практической конференции,*

* Дмитриева Е.Л., ст. научный сотрудник, Отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, eldmi@list.ru

Витебск, 19–20 мая 2022 г. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. 345 с.

2. Кондратьев В.В. Украинский кризис и его влияние на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе // *Каспий и глобальные вызовы. Материалы Международной научно-практической конференции. Составители: О.В. Новиченко [и др.]. Астрахань, 2022. С. 636–641.*

Ключевые слова: Россия; безопасность; Каспийский регион; постсоветское пространство; геополитика; Специальная военная операция ВС РФ; национальные интересы; США.

Белащенко Д.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сикираж В.В., магистрант Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Кондратьев В.В., аспирант, Астраханский государственный университет, главный редактор Информационно-аналитического портала «Каспийский вестник» (г. Астрахань)

Д.А. Белащенко и В.В. Сикираж [1], анализируя ситуацию на постсоветском пространстве в XXI в., отмечают существенное ее изменение, связанное как с развитием внутренних процессов, так и с влиянием внешних факторов. Авторы считают, что регион столкнулся с фрагментацией и фактическим расколом на основе противостояния европейского и евразийского интеграционных проектов («дилемма интеграций»), с многочисленными «цветными» революциями, с эскалацией замороженных конфликтов и возникновением новых «горячих точек», с территориальными изменениями и прочими серьезными потрясениями.

По мнению авторов, с развитием кризиса на Украине и нового этапа «дилеммы интеграций» пространство для маневра у России на постсоветском пространстве серьезно сужалось, и она оказалась перед выбором дальнейшей модели поведения в регионе.

В первом варианте игнорирование постоянного вмешательства внерегиональных акторов в традиционные для России геополитические и геоэкономические сферы (Кавказ, Каспийский регион, Центральная Азия и др.) привело бы в итоге к «сложению полномочий» России без перспективы их дальнейшего восстановления. Второй вариант предполагал активное сопротивление экспансии коллективного Запада.

Действия России продемонстрировали, что была сделана ставка на постепенную реализацию второго варианта. Однако этот процесс существенно осложнялся влиянием кризиса на Украине, усугубившего раскол постсоветского пространства, а также повлиявшего на позиции руководства ключевых партнёров Москвы – Белоруссии и Казахстана. Прежде всего, это касалось восприятия в этих странах событий в Крыму и на Донбассе, поскольку элиты постсоветских государств традиционно настороженно относились к любым геополитическим изменениям в регионе.

В целом, можно выделить два ключевых направления, в рамках которых Россия активизировала свою деятельность на постсоветском пространстве. Первое касалось непосредственно украинского кризиса, в котором Москва выступала в качестве одного из главных акторов, формально не являясь при этом стороной конфликта на Донбассе. Второе направление политики России на постсоветском пространстве заключалось в реализации евразийского интеграционного проекта с созданием Евразийского экономического союза. Отдельного упоминания также заслуживает интенсификация строительства Союзного государства России и Белоруссии в конце 2020 г. Кроме того, Россия усилила взаимодействие со своими стратегическими внерегиональными партнерами в рамках ШОС и БРИКС, что также способствовало укреплению статуса лидера постсоветского пространства.

Исходя из проведенного анализа, авторами делаются выводы, что с началом Специальной военной операции ВС России на территории Украины «ставки в игре» на постсоветском пространстве были максимально повышены. От исхода и итогов нынешнего этапа украинского кризиса во многом зависят как будущий статус России, так и расклад сил на постсоветском пространстве и в действующей системе международных отношений в целом. Перспектива существования постсоветского пространства в качестве единого региона зависит именно от результатов СВО.

В статье В.В. Кондратьева [2] рассматриваются ключевые аспекты влияния происходящих в настоящее время событий на

Украине на геополитику и безопасность Каспийского региона. Автор полагает, что с началом Специальной военной операции (СВО) Вооруженных сил Российской Федерации на Украине сложившийся после Второй мировой войны глобальный мировой порядок вступил в стадию коренной перестройки. Россия переходит от слов к делу, поэтапно наращивая свою активность по отстаиванию национальных интересов по периметру своих границ. Первым серьезным шагом в этом направлении стала операция 2008 г. в Грузии, а спустя шесть лет Москва не позволила враждебному для нее политическому режиму в Киеве утвердить свое присутствие на западных российских границах. В 2020 г. Россия оказала поддержку руководству Белоруссии в период острого политического кризиса. А в январе 2022 г. возглавляемые Россией силы ОДКБ не позволили дестабилизировать обстановку в Республике Казахстан, с которой Москва имеет самую протяженную в мире сухопутную границу. В этой связи действия российской стороны на Украине в 2022 г. являются логичным и прогнозируемым шагом в ответ на враждебные действия украинских властей.

В складывающихся реалиях, по мнению автора, важно понять, как российско-украинский конфликт скажется на ситуации в Каспийском регионе – одном из самых важных и сложных с точки зрения геополитики и геоэкономики. Если с середины XVIII в. и по 90-е годы XX в. Россия, а затем и СССР совместно с Ираном фактически «контролировали» Каспийский регион, то в результате появления на карте мира «новых» независимых прикаспийских государств – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана – произошло преобразование каспийского геополитического пространства.

Прикаспийские страны столкнулись с рядом нерешенных проблем: международно-правовым статусом Каспийского моря, комплексом национальных и региональных проблем политического, экономического, социального и экологического характера, увеличением конфликтного потенциала региона, процессами милитаризации Каспийского моря вследствие активного перевооружения ВМС прикаспийских государств.

Новый этап добычи углеводородов на Каспийском море, начавшийся в первой половине 1990-х годов, вызвал геополитический интерес у ведущих мировых стран. В числе первых в Каспийский регион пришли американские компании. Далее интерес к региону проявили Европейский союз, Китай, Индия, Турция, арабские страны и т.д.

Определенное влияние на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе оказывала и Украина. После обострения российско-украинских отношений в 2013–2014 гг. были нарушены отложенные годами транспортно-логистические связи между Украиной и ее торговыми партнерами на постсоветском пространстве. Украина больше не смогла использовать транспортную инфраструктуру России для поставки товаров в страны ЦА и Южного Кавказа, также была существенно затруднена её торговля с Ираном. Киев вынужден был активизировать поиск новых направлений торговли со своими партнерами, которые бы исключали необходимость использования российской территории. В тот период Украина возлагала большие надежды на отношения с Ираном, с которого на тот момент был снят ряд санкций. Товарооборот между Ираном и Украиной начал стабильно расти. Наиболее динамично развивающимися сферами сотрудничества государств стали транспорт, энергетика и сельское хозяйство.

С участием украинских и иранских транспортных компаний началась разработка ряда перспективных международных транспортных коридоров (МТК). В качестве примера можно привести создаваемый Индией, Ираном, Азербайджаном, Грузией, Украиной и Польшей коридор «Юг–Запад». Данный проект является прямым конкурентом проходящему по территории России МТК «Север – Юг». Одновременно украинская сторона предприняла меры по вхождению в состав участников Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), предполагающего развитие торгово-экономических связей Китая и стран Европейского союза транзитом через территории Казахстана и Азербайджана в обход российской территории. Украинские официальные лица начали работу по кооперации железных дорог Азербайджана, Грузии и Украины для выработки железнодорожного маршрута из Китая в Европу через Каспий. При помощи азербайджанских паромов в Каспийском море и украинских в Чёрном море предполагалось выработать единый маршрут и направить все грузы с Каспия через Украину.

Определенные надежды украинская сторона возлагала и на сотрудничество с Туркменистаном, руководство которого в последние годы активно работает над развитием транзитной транспортной инфраструктуры, предназначенной для доставки товаров в страны Центральной и Южной Азии, прежде всего в Афганистан. Однако СВО, начавшаяся в февраля 2022 г., сводит на нет в

обозримой перспективе все усилия Киева по встраиванию в схему транспортно-логистических маршрутов на Каспийском море.

Другим важным вопросом в контексте проведения Россией СВО на Украине являются перспективы развития отношений с партнерами в Каспийском регионе. Наложённые на Россию экономические санкции будут способствовать углублению отношений между Москвой и Тегераном. Духовный лидер Исламской революции аятолла Али Хосейни Хаменеи косвенно выразил понимание и поддержку тех мотивов, которые побудили Москву принять решение о проведении СВО на Украине. А по итогам состоявшегося в конце января 2022 г. визита в Москву президента Ирана следует ожидать, что Россия и Иран в ближайшей перспективе существенно нарастят торговлю.

Что касается непосредственных соседей России в регионе – Азербайджана и Казахстана, то здесь также следует ожидать дальнейшего наращивания сотрудничества. Признание Москвой независимости Донецкой и Луганской народных республик не стало препятствием для главы Азербайджана подписать с Россией Декларацию о союзническом взаимодействии. Казахстан занял нейтральную позицию в российско-украинском конфликте, но власти страны не отказываются от дальнейшего сотрудничества с Москвой на Каспии в сфере добычи и переработки каспийских нефтегазовых ресурсов.

При анализе влияния украинских событий на ситуацию на Каспии следует также учитывать фактор региональной политики США, который вероятно попытаются использовать в целях активизации сотрудничества со странами региона в торгово-экономической сфере, а также по вопросам безопасности. Спустя несколько дней после начала СВО по инициативе американской стороны состоялась онлайн-встреча высокого уровня в формате C5+1 с участием министра иностранных дел Казахстана М. Тлеуберди, глав внешнеполитических ведомств Киргизии Р. Казакбаева, Таджикистана С. Мухриддина, Узбекистана А. Камилова и госсекретаря США Э. Блинкена. Подробности дискуссии не освещались, однако, как сообщил МИД Казахстана, стороны обсудили актуальные вопросы международной и региональной повестки дня, в том числе ситуацию в Украине и ее влияние на регион Центральной Азии. Составить представление о тональности состоявшихся переговоров можно, исходя из оценок, которые дают американские эксперты по Каспийскому региону. Бывший американский дипломат, а ныне член попечительского совета Каспийского политического центра Р. Хоугланд заявил, что независимые страны Каспийского региона

находятся под угрозой исчезновения, нуждаются в немедленной защите и настал тот момент, когда правительство США должно продемонстрировать им поддержку и на фоне происходящих на Украине событий должно предпринять реальные действия по укреплению своих политических и экономических позиций на Каспии.

Подводя итог вышесказанному, автор статьи делает следующие выводы.

Во-первых, вооруженный конфликт на Украине подводит черту под усилиями Киева закрепитесь на Каспии в качестве торгового партнера стран региона.

Во-вторых, события на Украине, по всей видимости, будут способствовать существенному углублению российско-иранского сотрудничества как в Каспийском регионе, так и на других направлениях.

В-третьих, традиционные партнеры России в регионе – Казахстан, Азербайджан и Туркмения – могут получить выгоды от попавшего под санкции крупного российского бизнеса, который будет заинтересован в новых крупных экономических проектах с прикаспийскими странами.

В-четвертых, следует ожидать, что США с целью сохранения созданных на Каспии за последние три десятилетия геополитических позиций активизируют контакты со странами Каспийского региона, Южного Кавказа и ЦА по вопросам экономического сотрудничества и безопасности для недопущения их перехода в сферу влияния России.

Dmitrieva E.L.

**The impact of the Special Military Operation
of the Armed Forces of the Russian Federation
in Ukraine on the geopolitical situation
in the Caspian region. (Condensed abstract)**

Elena L. Dmitrieva,

Senior Research Associate,
Asia and Africa Department member,
INION RAN
e-mail: eldmi@list.ru

Keywords: *Russia; security; Caspian region; post-Soviet space; geopolitic; Special military Operation of the Armed Forces of the Russian Federation; national interests; USA.*

Атамали К.Е.*
ОТНОШЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА И ТУРЦИИ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ. (Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.05

***Аннотация.** Центральной темой обзора являются взаимоотношения Азербайджана и Турции в области энергетики, геополитики и экономики. Рассматриваются политика Турции в Каспийском регионе и в особенности двусторонние отношения с Азербайджаном. Также поднимается тема Нагорного Карабаха, урегулирования споров с Туркменистаном на Каспии и роли Азербайджана и Турции как ресурсной базы и транспортно-логистического хаба.*

***Ключевые слова:** Азербайджан; Турция; Каспийский регион; внешняя политика; постсоветское пространство; региональная политика; конфликт; энергетическая политика; трубопроводы; нефть; газ; вторая карабахская война; «Контракт века».*

Введение

Распад Советского Союза и окончание холодной войны дали Турции возможность вести более активную внешнюю политику, в особенности сформировать энергетическую политику в отношении Каспийского региона. Первые годы правления Партии Справедливости и Развития ознаменовали собой сближение Турции с ЕС и странами Ближнего Востока. В последующие годы наблюдалась активизация Турции и на Кавказе. Важную роль в политике Турции играет Азербайджан, который стремится открыть для продажи своих энергоресурсов новые рынки через Турцию. В энергетической сфере в определенной мере Турция зависит от Азербайджана. Азербайджанская государственная компания SOCAR имеет контракты на поставку авиационного топлива в крупнейшие турецкие аэропорты, а также фактически контролирует нефтепереработку в Турции, что создает возможности для влияния Азербайджана на турецкую экономику, а в перспективе – и на внутреннюю политику. Через реализацию серии трубопроводных проектов с

* Атамали К.Е., редактор, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: mrsxeniya@ya.ru

Азербайджаном и Грузией Турция получила доступ к ресурсам Каспия. Турция заинтересована в расширении своего присутствия в сфере энергетики на восточном побережье Каспийского моря – в Туркменистане и Казахстане. В обзоре также рассматриваются проекты по разработке нефтегазовых месторождений на Каспии и строительству транскаспийских трубопроводов.

Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе

Доктор политических наук С.С. Жильцов [1], рассматривая энергетическую политику Турции в Каспийском регионе, отмечает, что со времен распада СССР в Турции началась разработка проектов трубопроводов для доставки углеводородных ресурсов на внешние рынки. В начале 90-х годов речь шла, в первую очередь, о транспортировке азербайджанской нефти, а в перспективе и казахстанской. Турция рассчитывала получить надежный выход на западный и восточный берега Каспийского моря. Инвестиции в разработку месторождений и прокладку трубопроводов стали ключевыми инструментами в реализации планов Турции. Первым итогом переговоров Турции с Азербайджаном стало подписание в 1993 г. соглашения о строительстве нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД). Экономические интересы переплетались с геополитическими амбициями, т.е. стремлением повысить свою роль в Каспийском регионе. Но тогда Турция не смогла реализовать свои амбиции в полной мере, из-за нехватки геополитического веса и экономических возможностей. Также и Азербайджан в то время ориентировался в первую очередь на США. В сентябре 1994 г. Азербайджан подписал контракт с крупнейшими нефтяными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия («Контракт века»). Данные договоренности оказали большое влияние на выбор направления экспорта азербайджанских углеводородных ресурсов.

В середине 90-х годов Турция не оставляла попыток занять лидирующие позиции в Каспийском регионе. Помимо углеводородов Азербайджана, турецкую сторону привлекала нефть месторождения Тенгиз, которая добывалась в Казахстане. Турция планировала в перспективе объединить в один трубопровод азербайджанскую и казахстанскую нефть.

В 1997 г. в отношении маршрута Баку–Тбилиси–Джейхан было введено понятие «Основной экспортный трубопровод» (ОЭТ).

Геополитические интересы США и ЕС доминировали в принятии решений относительно новых трубопроводных проектов. А Турция в это время налаживала сотрудничество с Казахстаном и рассчитывала использовать его заинтересованность в получении надежного маршрута для экспорта своих углеводородных ресурсов, что шло вразрез с интересами казахстанской стороны. В силу различных обстоятельств Турция в дальнейшем сконцентрировала свое внимание на азербайджанских углеводородах, и в 2005 г. нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан был построен.

В 2007 г. был построен газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум, и Турция получила возможность экспортировать каспийские углеводороды. Турецкая политика была направлена на получение доступа к углеводородным ресурсам, которые добывали прикаспийские государства, расположенные на восточном побережье моря. Амбиции Анкары не отвечали интересам России и Ирана, также повышенный интерес к нефти и газу прикаспийских государств проявлял Китай. Пекин реализовал проект газопровода, который позволял Туркмении экспортировать свои ресурсы в восточном направлении. По этой причине в 2011 г. Турция поддержала трубопроводный проект, который инициировал ЕС. Проект должен был усилить политическое влияние на Азербайджан и расширить энергетическое сотрудничество с Туркменистаном. Сложности с реализацией проекта и заинтересованность Азербайджана в дополнительном экспорте своего газа на внешний рынок привели к разработке нового трубопроводного проекта, и в 2012 г. Азербайджан и Турция заключили договор о строительстве Трансанатолийского трубопровода (TANAP), получившего поддержку ЕС, который планировал диверсифицировать источники получения газа. В 2018 г. TANAP был запущен.

В проекте «Южный газовый коридор» приняли участие Азербайджан, Грузия, Турция, Греция, Болгария, Албания и Италия. Для Азербайджана открылась возможность транспортировать свой газ в европейские страны: Грецию и Италию. Создание Южного газового коридора отвечало интересам Турции, которая получила дополнительные возможности контролировать поставки газа в европейские страны. Пока поставки азербайджанского газа по построенным газопроводам незначительны. На увеличение пропускной способности окажет влияние не только уровень добычи углеводородного сырья в Азербайджане, но и уровень потребления газа в европейских странах.

Турция и западные страны в последнее время усилили внимание к проекту Транскаспийского газопровода. В 2020–2021 гг. идею продвигали США, чья политика способствовала расширению политического диалога Азербайджана и Туркменистана, в чем была заинтересована Турция, которая поддерживала продвижение данного проекта газопровода. В январе 2021 г. Туркменистан и Азербайджан урегулировали спор относительно некоторых месторождений на Каспии. За политикой Азербайджана, который уже сделал политические заявления о заинтересованности получать туркменский газ, стоят интересы Турции, которая хотела бы быть транзитёром туркменского газа в Европу.

Таким образом, каспийские углеводородные ресурсы вновь, как и 30 лет назад, оказались в фокусе внимания внерегиональных государств – США, ЕС и Турции.

Факторы развития энергетического сектора Азербайджана и Турции

Кандидат исторических наук В.В. Новиков [2] рассматривает энергетические комплексы Азербайджана и Турции, которые имеют значение не только для этих стран, но и для Закавказья и Ближнего Востока. Азербайджан – это крупнейший региональный экспортер углеводородного сырья в Европу, а Турция – транспортный коридор для экспорта азербайджанских энергоносителей. Азербайджан формирует имидж транзитера и экспортера, участвуя в железнодорожных проектах, инициативе «Один пояс – один путь», системе межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу. Эксперты делают вывод, что Азербайджан постепенно становится новым «хабом» не только регионального, но и евразийского масштаба. Важно отметить, что азербайджанская инфраструктура нефтегазового транзита значима не только для Баку, так, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан (БДТ) используется и для транзита казахстанской нефти. Но открытие новых больших нефтяных и газовых месторождений находится под вопросом, так как существует проблема истощения уже имеющихся запасов и прогнозируется появление импортной зависимости Азербайджана от ввоза жидкого топлива. Как следствие произойдет сокращение финансирования других секторов экономики. Кроме того, во второй половине 2010-х годов началось падение объема добычи нефти и газа, вопреки прогнозам экспертов об их увеличении. Азербайджан превратился в импортера газа, и эксперты отмечают возможные

проблемы с заполняемостью основных артерий – Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Супса. Неблагоприятные прогнозы по темпам добычи в сочетании с рядом других причин привели к выходу из «Контракта века» двух крупных международных нефтяных корпораций – Chevron и ExxonMobil. Азербайджанская сторона начала активно искать новые рынки сбыта. Основной географией таких поисков стала Восточная Европа и даже Юго-Восточная Азия (Вьетнам). Еще одним направлением деятельности азербайджанской компании SOCAR стало сотрудничество с Белоруссией.

В 2020 г. Азербайджан был вынужден снизить темпы нефтедобычи из-за начавшейся пандемии коронавируса и необходимости урегулировать в рамках сделки «ОПЕК+» вопрос борьбы со снижением нефтяных цен. Вторая карабахская война осенью 2020 г. формально никак не повлияла на энергетическую систему Азербайджана, так как не привела к атакам на нефте- и газотранспортную инфраструктуру и, соответственно, не отразилась на текущих контрактах на поставку энергоносителей в Грузию, на Украину и в Белоруссию, но она актуализировала вопросы необходимости значительных финансовых вложений. Достоверно известно о наличии в недрах Нагорного Карабаха цветных металлов, но эксперты также предполагают и наличие углеводородов, которые, по прогнозам, могут составлять 250–300 млн т. В данный момент эти территории находятся под контролем Азербайджана, и не исключено, что именно тезис о наличии в карабахских недрах запасов углеводородов может стать одним из факторов привлечения иностранных инвестиций в занятые районы бывшего «пояса безопасности» НКР.

Более актуальной для Азербайджана является проблема заполняемости тех энергетических транспортно-логистических проектов, в которых он участвует (TANAP и т.д.). Ключевой партнер здесь – Туркмения, однако здесь есть свои подводные камни. Азербайджанская госкомпания SOCAR и нидерландский нефтетрейдер Витол Групп (Vitol Group), являются конкурентами за транзит туркменской нефти, но в 2019 г. Vitol вытеснил SOCAR, и туркменские партнеры отказались от услуг Азербайджана. Vitol, получив монополию на туркменскую нефть, использовал в качестве транспортной артерии российский порт Махачкала и трубопроводную систему российской государственной компании «Транснефть», что выгодно российской стороне. Однако ситуация с монополией Vitol на экспорт туркменской нефти натолкнулась на проблему ограниченности наличия собственного танкерного флота. Итогом стало сокращение поставок туркменской нефти в 2 раза.

В конце 2020 г. SOCAR вернула свои позиции по экспорту туркменских углеводородов и потеснила позиции России.

Азербайджан в системе координат турецкой внешней политики

Политолог З.С. Саримсоков [3] отмечает особо важную роль Азербайджана в региональной политике Турции. Оба государства имеют общие границы с Россией, Грузией, Арменией и Ираном в Каспийском регионе, что говорит об общности интересов этих стран. Турция и Азербайджан определяют друг друга как «братские страны». В 1991 г. Турция одной из первых официально признала независимость Республики Азербайджан. В отношениях между двумя государствами началась новая эра. В последующие годы в отношениях между Турцией и Азербайджаном торговля энергоресурсами, где Турция выступает в качестве транзитной страны между Азербайджаном и Западом, стала одним из приоритетных направлений в двусторонних отношениях. В последующие годы в азербайджано-турецких отношениях были предприняты важнейшие шаги, направленные на разностороннее сотрудничество. На сегодняшний день показатель объема внешней торговли между Турцией и Азербайджаном находится на уровне чуть больше 2 млрд долл. В целом, в общем объеме товарооборота между двумя странами превалирует экспорт турецких товаров в Азербайджан. В Азербайджане работают более 2600 турецких компаний, которые предлагают возможности трудоустройства более чем 25 тыс. человек. С 2004 г. по сегодняшний день Турция оказала Азербайджану двустороннюю официальную помощь в целях развития на общую сумму 320 млн долл. Говоря об отношениях в области экономики, заметим, что особо важное место занимает сфера туризма. Главным препятствием в этой области был визовый режим между странами, который длился годы и был снят только в конце 2020 г. Военное сотрудничество между двумя странами было восстановлено Соглашением о сотрудничестве в области военной подготовки от 3 ноября 1992 г. Это соглашение оказало большое влияние в процессе создания Вооруженных сил Азербайджана. Второе важное соглашение об обучении, техническом и научном сотрудничестве в военной области было подписано 10 июня 1996 г. Оно охватывало такие виды деятельности, как обучение азербайджанской армии, военную помощь, продажу оружия и боеприпасов, совместное производство оружия, военные отношения между

двумя странами. Помимо двустороннего сотрудничества, Турция поддерживает Азербайджан в международных платформах и активно продвигает его интересы. Турция, как одна из важнейших стран – членов НАТО, делает многое для развития отношений между Азербайджаном и НАТО, поддерживая любые инициативы в этом направлении. Турция всячески демонстрирует свою поддержку Азербайджану в рамках территориальной целостности страны, а также суверенитета Азербайджана над Нагорным Карабахом. Конфликт в Нагорном Карабахе является одним из определяющих факторов турецкой внешней политики в регионе. Ситуация с Карабахским конфликтом усложняется и тем, что позиция Турции в этом конфликте зависит и от позиции Азербайджана в вопросе с Кипром. Между Азербайджаном и Турцией установлен прагматичный подход в контексте нагорно-карабахско-кипрской проблемы: обе стороны сдерживают себя от таких заявлений, которые имели бы негативные последствия для взаимоотношений между странами. Турция оказала широкомасштабную военную помощь Азербайджану, в результате которой Азербайджан вернул себе часть территорий в Нагорном Карабахе. Возвращение территорий было провозглашено как победа не только в самом Азербайджане, но и в Турции.

Турция и Азербайджан имеют тесное и плодотворное сотрудничество в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Совета сотрудничества тюркоязычных стран (Турецкий совет), Организации Объединенных Наций (ООН), Организации Исламского сотрудничества (ОИС), Организации Безопасность и сотрудничества в Европе (ОБСЕ), Совета Европы и т.д. Однако в данный момент отношения между Турцией и Азербайджаном остаются ниже ожидаемого уровня, в основном, в торгово-экономическом плане.

Недавние события в Нагорном Карабахе показали, что Азербайджан является одним из основных партнеров Турции не только в регионе, но и в мире. В свою очередь Турция показала себя как стратегический партнер и старший брат Азербайджана. Необходимо отметить возрастающую роль и важность Азербайджана в поддержании стабильности на Кавказе.

Заключение

Азербайджан и Турция в последние годы наращивают сотрудничество друг с другом в энергетической сфере. Само это

сотрудничество налажено таким образом, что Турция является транспортно-логистическим хабом, а Азербайджан – поставщиком и транзитером углеводородного сырья. Политико-экономический альянс между странами направлен на диверсификацию поставок российских энергоносителей и является конкурентом российских компаний, работающих в энергетической сфере. Речь идёт не только о глобальной конкуренции на рынках Европы, но и, например, о конкуренции в Каспийском регионе. При этом совершенно очевидно, что главной проблемой азербайджано-турецкого альянса в настоящее время является проблема заполняемости транспортно-логистических маршрутов. Турция, ЕС и США уделяют добыче и транспортировке нефти и газа из Каспийского региона на внешний рынок повышенное внимание. Турция стремится стать главным транзитером для каспийских ресурсов, а проблема сокращения азербайджанской ресурсной базы может быть решена за счет кооперации с третьей стороной (Ираном или Туркменией), а также благодаря освоению шельфа Средиземного моря.

Литература

1. Жильцов С.С. Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе // Геоэкономика энергетики. 2021. № 2 (14). С. 32–47.
2. Новиков В.В. Геополитические и экономические факторы развития энергетического сектора Азербайджана и Турции // Геоэкономика энергетики. 2021. № 1 (13). С. 157–174.
3. Саримсоков З.С. Азербайджан в системе координат турецкой внешней политики // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 2. С. 164–70.

Atamali K.E.

**Relations between Azerbaijan
and Turkey: geopolitical
and economic factors. (Analytical review)**

Ksenia E. ATAMALI,

Senior Editor, Asia and Africa Department member,
INION RAN
e-mail: mrsxeniya@yandex.ru

***Abstract.** The central topic of the review is the relations between Azerbaijan and Turkey in the field of energy, geopolitics and economics. Turkey's policy in the Caspian region and, in particular, bilateral relations with Azer-*

baijan are considered. The topic of Nagorny Karabakh, settlement of disputes with Turkmenistan in the Caspian Sea and the role of Azerbaijan and Turkey as a resource base and transport and logistics hub is also raised.

Keywords: Azerbaijan; Turkey; Caspian region; foreign policy; post-Soviet space; regional policy; conflict; energy policy; pipelines; oil; gas; the second Karabakh war; «Contract of the Century».

Кудаяров К.А.*

СИТУАЦИЯ В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В КИРГИЗИИ

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.06

***Аннотация.** Распад Советского Союза привел к значительным геополитическим изменениям на всем постсоветском пространстве. Новообразованные государства оказались предоставлены самим себе в деле государственного строительства, осуществлявшегося посредством полномасштабных реформ всей жизнедеятельности государства. При этом новым политическим образованиям пришлось столкнуться с определенными вызовами, стоящими на пути нациестроительства, среди которых не последнюю очередь занимала проблема незаконного оборота наркотиков и наркотрафика. В силу географического расположения наиболее подверженными его влиянию оказались государства Центральной Азии, непосредственно граничащие с главной наркоэкономикой мира — Афганистаном. Существующая с советских времен инфраструктура позволила за считанные годы наладить «Северный маршрут» наркотрафика, проходящего через страны региона в Россию и Европу. Десятилетия существования афганского наркотрафика привели к серьезным изменениям в Киргизии, выразившимся в виде роста наркопреступности и преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, формировании всесильных наркокартелей, способных продвигать свои интересы через представителей власти и правоохранительных органов. Сильнейшим ударом для населения республики стало стремительное увеличение числа наркозависимых и распространение ВИЧ / СПИДа. Идентичная картина сложилась и в соседних с Киргизией государствах, что способствовало сотрудничеству как на внутрорегиональном, так и на международном уровне с привлечением*

* Кудаяров К.А., канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

помощи различных международных организаций. Принятые меры способствовали сдерживанию афганской наркоэкспансии и в определенной степени смогли изменить ситуацию к лучшему.

Ключевые слова: *Афганистан; Центральная Азия; Киргизия; Таджикистан; наркотрафик; наркомания; опиаты; героин.*

Наркотическая ситуация в Киргизии, как и в других государствах Центральной Азии, является одной из ключевых тем, стоящих на злободневной повестке на протяжении всего периода независимости республики. Являясь одной из основных угроз стабильности и безопасности в региональном и глобальном масштабе, афганская наркоэкспансия продолжается, несмотря на предпринимаемые мировым сообществом меры по ее искоренению. Заметное сокращение поставок опиатов по «северному маршруту» в пользу «балканского» и иных путей доставки наркотиков на внешние «рынки потребления» способствует улучшению наркоситуации в транзитных государствах и государствах-потребителях, находящихся к северу от Афганистана, но не решает полностью данную проблему. По-прежнему продолжается сотрудничество государств южного фланга СНГ и России по линии УНП ООН, ОДКБ и других организаций, призванных покончить с наркоугрозой. «Северный маршрут» поставок афганских опиатов, проходящий через территорию центральноазиатских государств, самым непосредственным образом затрагивает и Киргизскую Республику, являющуюся «слабейшим звеном», а значит и наиболее уязвимой перед натиском афганской наркоэкономики.

Причины незаконного наркооборота в Киргизии связаны с географической близостью республики к Афганистану, слабостью государственного управления как внутри страны, так и по периметру границ, а также плачевным экономическим положением республики.

В данных экономических условиях коррупция начинает рассматриваться как один из возможных путей выхода из сложившейся ситуации. Среди других причин также можно назвать неэффективную государственную политику в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией, а также несовершенство антинаркотического законодательства. Стоит отметить, что борьба с незаконным распространением наркотиков и наркоманией может быть эффективной только при комплексной работе целого ряда служб (МВД, Пограничной службы, Министерства здравоохране-

ния, местных органов власти, общественных институтов и других структур) при координации действий со стороны Службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков МВД Киргизской Республики, являющейся правопреемницей Государственной службы по контролю наркотиков Киргизстана [5, с. 18].

Если с первой и второй причинами распространения наркоэкспансии отчасти понятно, поскольку эти темы довольно часто выносятся на международное обозрение и широко обсуждаются в политических, дипломатических, научных и иных кругах, то проблема коррупции часто остается вне поля зрения экспертов. Учитывая данный аспект, необходимо обратить внимание на коррупцию в правоохранительной системе государства, в особенности Министерства внутренних дел Киргизии, регулирующего и координирующего антинаркотическую политику на общенациональном уровне.

Рассматривая коррупционную составляющую, стоит отметить, что, к примеру, в годовом отчете за 2013 г. приводится информация, согласно которой в правоохранительных и судебных органах республики было выявлено 142 коррупционных преступления, из них: в МВД – 54, в Таможенной службе – 16, в Государственной службе исполнения наказаний Киргизии (ГСИН) – 13, в Государственной службе по борьбе с экономическими преступлениями (ГСБЭП) – 3, в Государственном комитете национальной безопасности (ГКНБ) – 2, в Государственной службе по контролю наркотиков (ГСКН) – 2, в органах прокуратуры – 2 и в судебном корпусе – 20 [3, с. 52].

Нужно подчеркнуть, что значительная часть заведенных дел так и не доводится до суда. В 2017 г. из 704 уголовных дел, возбужденных по коррупционным преступлениям, до судебного разбирательства было доведено только 173 (24,57%). Еще 244 дела находились на стадии расследования (34,65%). 287 дел было прекращено (40,7%). Таким образом, 40,7% дел так и не была дана судебная оценка, что указывает на наличие коррупционных схем в досудебном производстве [14, с. 141].

В целом, органы правопорядка считаются одними из самых коррумпированных структур государства. При этом нет возможности ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение – большинство данных являются секретными, что делает невозможным проведение независимого анализа или расследований. Часть данных действительно засекречена согласно законодательству (например, в части бюджета), но в некоторых случаях чиновники и ответст-

венные работники ссылаются на секретность, когда не хотят предоставлять данные (например, о статистике преступности) [8]. В базе Министерства финансов отсутствуют данные о ГКНБ, Государственной пограничной службе, Государственном комитете по делам обороны, а также о МВД.

По итогам пяти месяцев (февраль–июнь) 2019 г. на неправомерные действия сотрудников МВД Киргизской Республики поступило 550 жалоб и заявлений граждан, из которых 63 нашли свое подтверждение. По результатам проверок службами ОВД республики было уволено 27 сотрудников и освобождены от занимаемых должностей 92 человека. Кроме этого, другим мерам дисциплинарного наказания за нарушение законности и за нарушение служебной дисциплины подвергнуты 416 и 2351 сотрудник соответственно. За отчетный период 2019 г. (февраль–июнь) в отношении сотрудников МВД возбуждено 14 уголовных дел по фактам получения взяток и их вымогательства, а также 12 дел – за превышение и злоупотребление служебным положением [19].

Несмотря на наличие общих для СНГ проблем, связанных с наркоситуацией и с затянувшимся принятием Основного закона, регулирующего борьбу с наркоторговлей в разных республиках (заявшего период с 1998 по 2004 г.), все же до сих пор не решены такие проблемы, как отсутствие единой терминологии в сфере оборота наркотиков и области противодействия их незаконному обороту; существуют расхождения в вопросах регулирования законного оборота наркотиков и противодействия их незаконному обороту и многое другое [12, с. 84].

Тем не менее меры, принимаемые Киргизстаном на национальном и международном уровне, безусловно, дают положительный эффект в деле борьбы с наркопреступностью и наркомагией, задавая курс на продолжение данной антинаркотической стратегии.

Государство принялось разрабатывать нормативно-правовую базу в данной сфере, в её рамках реализовывались различные антинаркотические программы, разрабатывались соответствующие концепции, логическим продолжением которых стало утверждение Антинаркотической программы на 2022–2025 гг. [6], Закона Киргизской Республики «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» и других нормативно-правовых актов, предусмотренных в рамках реализации Национальной программы развития Киргизской Республики до 2026 г. [15].

Стоит отметить, что проблема незаконного наркооборота является одной из основных угроз, стоящих перед киргизской госу-

дарственностью. Она четко отражена в Концепции национальной безопасности Киргизской Республики наряду с такими угрозами, как терроризм, экстремизм, проблемы границ (спорные территории) и т.д.

Уполномоченные органы. Основным уполномоченным органом, занимавшимся данной проблематикой долгое время, являлась Государственная служба по контролю наркотиков, которая была ликвидирована в рамках реформирования правоохранительной системы республики (постановлением Правительства КР от 30 ноября 2016 г. № 637) [17], распределившего функции ликвидированного органа между: Министерством здравоохранения (с передачей функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере законного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, со штатом в количестве восьми единиц и с соответствующим бюджетным финансированием); МВД (с передачей штата в количестве 255 единиц, с соответствующим бюджетным финансированием); Государственной службой по борьбе с экономическими преступлениями при Правительстве Киргизской Республики (со штатом в количестве 68 единиц). Недовольство результатами реализации Национальной программы по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков неоднократно выражалось правительством республики, что в конечном итоге привело к её закрытию. Данные за 2016 г. по республике показывают, что большая часть наркопреступлений была раскрыта сотрудниками МВД (1473), в то время как на Государственную службу по контролю наркотиков (ГСКН) пришлось почти в 7 раз меньше – 222 [10, с. 20]. А. Зинченко полагает, что республика последовала примеру России, упразднившей Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. При этом эксперт аргументирует неправильность такого решения в Киргизии тем, что у двух стран разные подходы к решению данной проблемы: в частности, одно из отличий выражалось в том, что в Киргизии лечение наркозависимых было одной из основных задач в ходе борьбы с наркоторговлей. Теперь же будет гораздо сложнее координировать антинаркотическую политику, поскольку отсутствует единая инфраструктура и единый механизм реализации данной политики. Вдобавок стоит отметить, что частичное либо полное дублирование функций Агентства со стороны МВД, Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) и других ведомств несло положительный эффект, создавая конкуренцию, благодаря которой они

контролировали работу друг друга [1]. С момента ликвидации Агентства наркопреступностью занимается преимущественно Служба по борьбе с незаконным оборотом наркотиков при МВД. Ее функции частично дублируются Прокуратурой, Таможенной службой, Министерством финансов и Пограничной службой ГКНБ [4, с. 59].

Наркомаршруты. Первые наркомаршруты появились в регионе в 1990-е годы. Именно на этот период приходится формирование наркомаршрутов, логистических цепочек поставок наркотиков и наркокартелей.

Следующим шагом в дальнейшем развитии «Северного маршрута» наркотрафика стало увеличение количества нарколабораторий, производящих героин непосредственно на территориях, граничащих с государствами Центральной Азии, что также отразилось на объеме перевозимых афганских опиатов. Регион все больше превращается в транзитную зону наркотрафика [13, с. 93].

Наркомаршруты из Афганистана проходят через многочисленные перевалы и ущелья, соединяющие его со среднеазиатскими республиками. Один из таких наркомаршрутов пролегает через территорию Таджикистана и Кыргызстана. При этом в зависимости от географических и инфраструктурных условий используются практически все виды транспортировки наркотических веществ, начиная от гужевого транспорта в приграничных районах и заканчивая авиатранспортом там, где имеется такая возможность. На территорию Кыргызской Республики из Республики Таджикистан наркотики доставляются по следующим маршрутам: 1) Кызыл-Артский: охватывает трассу Хорог–Ош с прилегающими к ней обширными горными массивами, расположенными в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (ГБАО РТ); 2) Алтын-Мазарский: начинается с Рушанского плоскогорья на афганско-таджикской границе ГБАО РТ и проходит через ущелья Памира и Заалайского хребта до Чон-Алайской долины Ошской области Киргизии; 3) Баткенский: включает в себя многочисленные горные тропы, используемые для переходов из Джергетальского, Гармского и других близлежащих районов Таджикистана в Баткенский, Кадамжайский и Лейлекский районы Баткенской области Киргизии; 4) Ходжентский: охватывает шоссейные коммуникации и прилегающую к ним территорию, начиная от таджикского г. Ходжент, включая Лейлекский район Баткенской области и прилегающие к нему таджикские и узбекские районы до г. Ош. Большая часть киргизско-таджикской границы

проходит по сложно контролируемой местности, где самые уязвимые участки граничат с Согдийской областью Таджикистана. Подавляющая часть западного потока опиатов идет из Душанбе в Исфаринский район Согдийской области Таджикистана, откуда груз поступает в Баткенскую область. Этот регион является ключевым в наркотрафике, поскольку граница на многих участках отсутствует, так же как и пограничный контроль [16, с. 86]. Основной зоной, через которую проходит поток опиатов, является таджикский анклав «Ворух» в Баткенской области. Исторически антинаркотические операции было сложно осуществлять на киргизско-таджикской границе, поскольку процесс демаркации все еще не завершен, что сильно затрудняет работу правоохранительных органов (особенно в таджикских регионах, таких как Гарм и ГБАО). Пограничное патрулирование в Баткенской области Киргизии осложняется тем, что помимо «Воруха» в ней находятся три узбекских анклава – Сох, Чонгар» и Шахимардан. Если в конце 1990-х основной поток наркотиков проходил по автотрассе Хорог–Ош, то в 2000-е годы преимущественное распространение получил конно-пеший способ транспортировки опиатов – практически по всему периметру киргизско-таджикской границы в направлении областных центров – городов Баткен и Ош [2, с. 50]. Эксперты подчеркивают, что установление контроля над многочисленными горными ущельями, соединяющими республики как с Афганистаном, так и между собой – не является возможным.

Эволюция наркобизнеса и наркокартелей приводит к тому, что к 2018 г. основные преступные организации Киргизии, занятые в незаконном обороте наркотиков, осуществляют транспортировку и продажу наркотиков и при этом избегают прочих типов криминальной активности, не связанных с наркотиками. Важным является и то, что они представлены экстремистскими и террористическими организациями («Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Джамаат Ансаруллах», «Хизб-ут-Тахрир аль Ислами»).

Изъятия наркотиков. В последние годы произошли значительные изменения в логистике наркотиков. Поставки по «Северному маршруту» значительно сократились в пользу увеличения эксплуатации других наркомаршрутов. Если обратиться к динамике культивирования опиумного мака в Афганистане, то мы увидим, что в 2020 г. площадь плантаций опиумного мака возросла в провинциях Бадгис и Фарьяб, примыкающих к границе с Туркменией на 194 и 98% соответственно, в то время как в провинции Бадахшан, граничащей с Таджикистаном, этот показатель увеличился на 36% [21].

Несмотря на увеличение посевов на афгано-таджикской и афгано-туркменской границах и на наличие нарколабораторий по производству героина, также находящихся близ границ Афганистана с государствами Центральной Азии, потоки наркотиков по «Северному маршруту» имеют тенденцию к сокращению, что объясняется усилением «южного» и особенно «балканского» маршрутов наркотрафика, являющихся основной артерией поставок афганского героина в государства Европейского союза. К примеру, объемы изъятий героина во всех государствах региона сократились с 67 до 92% в период с 2013 по 2018 г.

Согласно Информационному бюллетеню [10, с. 21] за 2016 г., в Киргизской Республике выявлено 1738 наркопреступлений, что на 6,76% меньше, чем в предыдущем году, составив 6,3% от общего числа преступлений. Среди видов наркопреступлений лидируют «хранение без цели сбыта» – 1137 и «сбыт, хранение с целью сбыта» – 471. В перечне других видов преступлений выделяются также «склонение к потреблению наркотиков», «вовлечение несовершеннолетних в употребление наркотиков», «содержание притонов для потребления наркотиков» и «незаконный оборот веществ и ядов», показавших рост на 81%, 400, 16 и 57,14% соответственно.

Было изъято из незаконного оборота 18 т наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, что меньше на 36,6% чем в 2015 г. В том числе: каннабиса (конопли) – 13,2 т (+35,2% к 2015), марихуаны – 2,13 т (–8,4% к 2015), гашиша – 794 кг (+55,3%), героина – 166,8 кг (–51,5%), опия – 24,9 кг (–46,2%), опийного мака – 40,4 кг (+178,03%). Объем прекурсоров сократился на 84,9%, составив 1,6 т [10, с. 24].

Резкое сокращение наркоторговли в Киргизской Республике также связывается с экономическим спадом, вызванным пандемией COVID-19. Отмечается употребление каннабиоидов, аптечных наркосодержащих препаратов и алкоголя вместо дорогостоящего героина. Некоторые наркозависимые при курении гашиша и марихуаны (каннабиоидов) стали пользоваться личной трубкой, чего в докоронавирусный период не наблюдалось [11, с. 11].

Сотрудничество с международными организациями.
С начала 1990-х годов на территории республик региона успешно работает Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), реализовавшее большое количество антинаркотических проектов. Высокая оценка его деятельности, полученная со стороны центральноазиатских государств, позволяет ему и в дальнейшем осуществлять свою политику в рамках программ ООН по

Центральной Азии, которые в свою очередь состоят из таких под-программ, как: предупреждение и борьба с транснациональной организованной преступностью; профилактика преступности, расширение доступа к правосудию и укрепление верховенства права; решение проблемы употребления наркотиков; расширение лечения расстройств, связанных с употреблением наркотиков и профилактика ВИЧ / СПИДа; предотвращение и борьба с терроризмом и радикализацией, ведущей к насилию; поддержка в сферах исследований, анализа тенденций, политики, информационного продвижения и судебной экспертизы.

УНП ООН также занимается вопросами укрепления пограничного контроля и трансграничного сотрудничества, осуществлением Программы по контролю за контейнерными перевозками в регионе и другими проектами.

Благодаря региональному сотрудничеству, группа портового контроля (ГПК) в г. Ош провела несколько изъятий при сотрудничестве с ГПК Казахстана и Узбекистана, в том числе было изъято 127 344 капсулы лекарственного средства «Регален» («Прегабалин»). Учитывая тот факт, что в регионе растет злоупотребление новыми психоактивными веществами, такие изъятия указывают на то, как поддержка со стороны УНП ООН помогает национальным партнерам в предупреждении возможного отрицательного воздействия этих веществ на население [7, с. 30].

Традиционным партнером в борьбе с наркопреступностью и наркооборотом в Центрально-Азиатском регионе выступает Россия, реализующая свою антинаркотическую политику совместно с государствами региона посредством ОДКБ (операции «Канал», «Гром» и т.д.).

В рамках антинаркотической операции «Канал-Центр» в 2019 г. органами внутренних дел выявлено 22 наркопреступления, из незаконного оборота изъято 29,5 кг наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Раскрыты 34 общеуголовных преступления, изъяты две единицы огнестрельного оружия; в рамках антинаркотической операции «Канал-Кавказский редут» на территории Киргизской Республики выявлены 25 фактов наркопреступлений, из незаконного оборота изъято 368,6 кг наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров [20, с. 11]. Помимо этого также на регулярной основе проходят такие операции, как «Канал-Долина», «Канал-Красный бархан», «Канал-Патруль», «Канал-Капкан» [18].

Заключение

Анализ наркотической ситуации в Киргизии показывает, что для достижения большей эффективности проводимой антинаркотической политики следует обратить пристальное внимание на проблему коррупции и злоупотребления должностным положением со стороны правоохранительных органов, на которые возложены координирование и реализация данной политики. Для усиления контроля за деятельностью правоохранительных органов необходимо проводить меры, связанные с профилактикой правонарушений. Немаловажным является также усиление внутреннего мониторинга ситуации посредством наделения большими полномочиями уже действующей при МВД Службы внутренних расследований. Не стоит обходить вниманием и вопрос о возможном восстановлении Антикоррупционной службы (в рамках ГКНБ или других структур).

Среди других действенных мер стоит назвать предложенные В. Ивановым основные составляющие: 1) обнуление наркорынка посредством снижения спроса; 2) ликвидация предложения наркотиков афганского происхождения; 3) совершенствование инструментов международного сотрудничества [9, с. 146].

Для сокращения спроса на наркотики необходимо также проводить регулярную профилактику, включающую лекции, видео- и аудиоматериалы специалистов и преподавателей академических учреждений о вреде наркотиков и наркомании. Должна проводиться непрерывная и поэтапная работа по реабилитации наркозависимых. При этом любые попытки распространения и реализации запрещенных веществ должны своевременно пресекаться.

Нужно добиться ликвидации наркоэкономики в Афганистане. Это представляется возможным сделать только при содействии и поддержке международного сообщества. Необходимо сосредоточить основные усилия на построении диалога с движением «Талибан». Учитывая острую потребность талибов в признании их режима со стороны мирового сообщества, можно предположить, что движение будет заинтересовано в переходе на традиционные виды экономики.

Литература

1. Александр Зеличенко: Сейчас происходит передел наркосцены [Электронный ресурс] // Информационное агентство «24.KG». 2016. 7 июля. URL:

- https://24.kg/obschestvo/33077_aleksandr_zelichenko_seychas_proishodit_pere/ (дата обращения: 25.02.2022).
2. Алиева Г.М., Зеличенко Е.А., Осмоналиев К.М., Табалдиева В.Ш. Правовые основы теории и практики снижения вреда: учебно-методическое пособие. Бишкек. 2009. 158 с.
 3. Алымбаева А., Бурнашев Р., Гражвидас Я., Мукбил Т., Муллоджанов П., Стайн Р., Жмых Е., Ясутис Г. Обзор органов обеспечения государственной безопасности в странах Центральной Азии / Женевский центр по управлению сектором безопасности. Бишкек. 2020. — 139 с. [Электронный документ] // Сайт Женевского центра по управлению сектором безопасности. URL: https://dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/Overview_Natl_Security_Agencies_In_Central_Asian_Countries_RUSSIAN_0.pdf (дата обращения: 25.02.2022).
 4. Алымкулов М.С., Токтораалы уулу А. Роль органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности Кыргызской Республики. Бишкек: Международный университет Кыргызской Республики. 2021. 262 с. URL: <http://www.arap.kg/uploads/pdf/Вестник/труды%20препод/Алымкулов%20М.С.%20Роль%20органов%20внутренних%20дел%20в%20обеспечении%20национальной%20безопасности%20КР.%20—%20Б.%20С%202021.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).
 5. Ботобаев А.А. Историко-правовые и административно-правовые средства борьбы с незаконным оборотом наркотиков: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ош.: Международная академия управления, права, финансов и бизнеса, 2018. — 24 с. URL: <http://cslnaskr.krena.kg/collections/uploads/Ботобаев%20А.А.Дилбек%20Айдарбекович%202018.pdf> (дата обращения: 25.02.2022).
 6. Вице-премьер-министр Максат Мамытканов принял участие в работе заседания Государственного координационного комитета по контролю наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров [Электронный ресурс] // Сайт Кабинета министров Кыргызской Республики. 2020. 6 ноября. URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/vitse-premer-ministr-maksat-mamytkanov-prinyal-uchastie-v-rabote-zasedaniya-gosudarstvennogo-koordinatsionnogo-komiteta-po-kontrolyu-narkoticheskikh-sredstv-psikhotropnykh-veshchestv-i-prekur> (дата обращения: 25.03.2022).
 7. Годовой отчёт Регионального представительства Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (РПЦА УНП ООН) в Центральной Азии за 2020 г. / Региональное представительство УНП ООН в Центральной Азии. Ташкент. 2020. 135 с. URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2021/ROCA_Report/2021.09.30_ROCA_AR_2020_RU_web.pdf (дата обращения: 25.03.2022).
 8. Зубенко А. Раскрыть нельзя засекретить: как секретность сведений об МВД КР влияет на коррупцию в ведомстве? [Электронный ресурс] // Сайт Центральноазиатского бюро аналитической журналистики CABAR.asia. URL: <https://cabar.asia/ru/raskryt-nelzya-zasekretit-kak-sekretnost-svedenij-ob-mvd-kr-vliyaet-na-korrupciyu-v-vedomstve> (дата обращения: 20.02.2022).
 9. Иванов В.П. Афганский наркоузел / Виктор Иванов. М.: CVG-art, 2010. 208 с.
 10. Информационный бюллетень о наркоситуации. Центрально-Азиатский регион 2016 [Электронный ресурс] / Организация по безопасности и сотрудничеству

- в Европе. Ташкент: Baktria press, 2017. 62 с. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/8/323996.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
11. Краткий обзор влияния эпидемии коронавируса (COVID-19) на ситуацию, связанную с употреблением наркотиков, а также на работу наркологических служб и программ снижения вреда в странах Центральной Азии / Региональное представительство в Центральной Азии Управления ООН по наркотикам и преступности. Ташкент. 2020. 26 с.
 12. Кыргызстан сквозь призму наркоэкономики / Центр по изучению терроризма, транснациональной преступности и коррупции университета Дж. Мейсона: Вашингтон-Бишкек. 2011. 376 с. URL: http://www.leahn.org/wp-content/uploads/2013/08/Кыргызстан_сквозь_призму_наркономики2011.pdf (дата обращения: 25.03.2022).
 13. Митрофаненкова О.Е. Афганский наркотрафик и борьба Ирана с незаконным оборотом наркотиков // Восточная аналитика: ИВ РАН, 2019, Вып. 1. С. 91–99.
 14. Мусабаева А., Алымбаева А., Алиева Г. Анализ контекста институционализации сектора безопасности Кыргызской Республики (1991–2019) // Ассоциация по защите прав человека в уголовном процессе «Article 9» при поддержке Образовательного фонда «Центр защиты общественных интересов». Серия «Сектор безопасности в КР». Бишкек. 2020. 162 с.
 15. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года [Электронный ресурс] // Сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. 2021. 10 декабря. URL: <http://www.stat.kg/media/files/3d033353-7e05-42ec-a282-8722459f5c31.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).
 16. Незаконный оборот опиатов в северной части Афганистана и Центральной Азии: оценка рисков [Электронный ресурс] / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Май 2012. 126 с. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/UNODC_The_northern_route_russian_web.pdf (дата обращения: 23.02.2022).
 17. О ликвидации Государственной службы по контролю наркотиков при Правительстве Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Сайт Кабинета министров Кыргызской Республики. 2016. 30 ноября. URL: <https://www.gov.kg/ru/npa/s/955> (дата обращения: 12.03.2022).
 18. От договора к организации. История создания, основы деятельности, организационная структура [Электронный ресурс] // Сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/25years/index.php?sphrase_id=72639 (дата обращения: 10.02.2022).
 19. Отчет-приказ по выполнению государственной стратегии антикоррупционной политики Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Кыргызской Республики. URL: https://mvd.gov.kg/anticorruptional_politic (дата обращения: 22.02.2022).
 20. Тугельбаева Б.Г., Османова А.С. Реализация антинаркотической программы в Кыргызстане. С. 9–13 / Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты: материалы международного научно-практического семинара (3 апреля 2020 г.) / отв. ред. Н.Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 88 с.

21. Afghanistan Opium Survey 2020. Cultivation and Production. Executive Summary [Обзор опиума в Афганистане за 2020 г. Культивация и производство. Основные положения] / United Nations Office on drugs and crime. April 2021. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/20210503_Executive_summary_Opium_Survey_2020_SMALL.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Kudayarov K.A.

**The situation in the field
of illegal drug trade in Kyrgyzstan**

Kanybek A. Kudayarov,

PhD (History), Research Associate,
Asia and Africa Department member,
INION RAN,
e-mail: kana8306@mail.ru

***Abstract.** The collapse of the Soviet Union led to significant geopolitical changes throughout the post-Soviet space. The newly formed states were left to themselves in the matter of state-building, which was carried out through full-scale reforms of the entire vital activity of the state. At the same time, the new political entities had to face certain challenges standing in the way of nation-building, among which the problem of illegal drug trade and drug trafficking was not the least. Due to its geographical location, the Central Asian states directly bordering the main drug economy of the world – Afghanistan - were the most affected by it. The infrastructure that has existed since Soviet times has allowed for a few years to establish a «northern route» of drug trafficking passing through the countries of the region to Russia and Europe. Decades of the existence of Afghan drug trafficking have led to serious changes in Kyrgyzstan, expressed in the form of an increase in drug crime and crimes committed under the influence of drugs, the formation of all-powerful drug cartels capable of promoting their interests through government officials and law enforcement agencies. The strongest blow for the population of the republic was the rapid increase in drug addicts and the spread of HIV/AIDS. An identical picture has developed in the neighboring countries of Kyrgyzstan, which contributed to both intraregional and international cooperation with the assistance of various international organizations. The measures taken contributed to curbing the Afghan drug expansion and to a certain extent were able to change the situation for the better.*

Keywords: Afghanistan; Central Asia; Kyrgyzstan; Tajikistan; drug trafficking; drug addiction; opiates; heroin.

Сченснович В.Н.*
ГЕОПОЛИТИКА ТАДЖИКИСТАНА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА.
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.07

***Аннотация.** В обзоре анализируется развитие Республики Таджикистан в условиях формирования полицентричного мира. Исследуется сотрудничество Таджикистана с региональными и глобальными акторами в период пандемии COVID-19, определены основные тренды в системе геополитических координат Центральной Азии.*

***Ключевые слова:** Центральная Азия; Республика Таджикистан (РТ); стратегия; полицентричный мир; международное сотрудничество; пандемия COVID-19; геополитика; региональная безопасность; интеграция; суверенитет; независимость; приоритетные программы развития; СНГ; ШОС; ЕАЭС; ОДКБ; трудовая миграция.*

Введение

Глобальные процессы сказываются на геополитической динамике Центральной Азии. В формирующуюся геоструктуру мира вносят свои коррективы Россия, Китай, Индия, которые исторически тесно взаимодействовали на евразийском пространстве и стали центрами силы в новых условиях. В период пандемии сохраняются угрозы национальной безопасности государств Центральной Азии, исходящие из Афганистана, а также не решенные этнотерриториальные проблемы на таджикско-киргизской границе.

Поскольку «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.» для своей реализации требует значительных ресурсов, в «План мероприятий Правительства РТ о предотвращении воздействия потенциальных рисков пандемии коронавируса в мире на национальную экономику» (2020) привлекались не только внутренние ресурсы, но и ресурсы международных доноров (ПРООН, Всемирного банка, Азиатского банка развития, ОБСЕ, USAID).

* Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Геополитические тренды современного Таджикистана

Доктор исторических наук, профессор Российско-таджикского (Славянского) ун-та Г.М. Майтдинова (г. Душанбе, РТ) [1] отмечает: в период пандемии Таджикистан, как и многие страны мира, использует тактику «самоизоляции» от окружающих государств: перекрытие границ, прекращение воздушных и железнодорожных перевозок. Распространение пандемии в стране привело к ослаблению связей промышленного и сельскохозяйственного производств и поставок товаров, перерыву в работе гражданских авиа- и железнодорожных коммуникаций, сферы туризма и т.д. Следствием закрытия границ стало подорожание продуктов питания и основных промышленных товаров, а из-за введенных карантинных мер в странах традиционного пребывания трудовых мигрантов упал приток денежных переводов.

В процессе распространения пандемии в Таджикистане были необходимы: разработка антикризисных мер, ускоренное строительство больниц, привлечение внешних медицинских и финансовых ресурсов, тактические изменения приоритетов в работе внешнеполитических ведомств. В «Плане мероприятий Правительства РТ о предотвращении воздействия потенциальных рисков пандемии коронавируса в мире на национальную экономику» (2020) особое внимание уделяется: обеспечению потребительского рынка изобилием продуктов первой необходимости (в том числе мукой, маслом, мясом, сахаром, яйцами, овощами); увеличению производства и предотвращению роста цен; обеспечению своевременного выполнения социальных обязательств государства; поддержке уязвимых слоев населения; предоставлению налоговых льгот малому и среднему бизнесу, сокращению и отсрочке неналоговых проверок; привлечению финансовой помощи от международных финансовых организаций.

Особенно остро повлияли последствия пандемии на внутреннюю и внешнюю торговлю страны. Сказались они и на объеме прямых иностранных инвестиций, сфере туризма и оказании услуг, секторе перевозок. Согласно экспертным оценкам, совокупный ущерб для экономики страны будет составлять около 2 млрд долл. Таджикистан нуждается в разработке проектов для внешних инвесторов, таких как строительство и совместное владение межгосударственными железнодорожными магистралями, новым крупным международным аэропортом, текстильным комбинатом;

необходимо вложение внешних финансовых ресурсов в добычу и переработку редких металлов и редкоземельных элементов, в создание предприятий большой химии, современных агрохолдингов, туристического холдинга. Кроме того, демографические процессы в республике в будущем потребуют значительного роста рабочих мест, домов, школ, детских садов, где нужны серьезные капиталовложения.

С начала 2020 г. Таджикистану оказали гуманитарную помощь 43 страны ближнего и дальнего зарубежья. В условиях пандемии усилилось взаимодействие республики с государствами Центрально-Азиатского региона в двустороннем формате. Правительство Узбекистана отправило в Таджикистан медикаменты, медперсонал и мобильную клинику, Казахстан направил в Таджикистан партию муки. Оказали поддержку Киргизия и Туркменистан. Взаимопомощь государств региона, которые сами испытывают негативное влияние мирового кризиса и пандемии коронавируса на состояние своих экономик, свидетельствует о том, что стабильное развитие экономической и общественной жизни после пандемии будет зависеть от усилий регионального сотрудничества и солидарности.

В тройку главных доноров, предоставивших помощь Таджикистану, вошли Узбекистан – около 2,5 млн долл., Китай около – 2 млн долл. и Россия – 865 тыс. долл. В условиях роста заболевания населения коронавирусом существенную гуманитарную помощь оказали также Иран и Индия. Гуманитарная помощь от международных доноров поступила в виде лекарственных средств, медикаментов и продовольственных товаров. Только в первой половине 2020 г. Таджикистану в борьбе с пандемией оказали помощь или изъявили желание выделить гранты иностранные доноры: Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству, ЮНИСЕФ, Европейский союз; США; Всемирный банк; Азиатский банк развития и др.

17 декабря 2020 г. состоялась церемония утверждения проекта Программы развития ООН (ПРООН) «Содействие в устранении экономических последствий COVID-19 посредством улучшения условий жизни, возможностей трудоустройства и регионального сотрудничества в Ферганской долине Республики Таджикистан», на реализацию которого Правительство России выделило 2 млн долл. Проект предусматривает наращивание трансграничного сотрудничества с Узбекистаном и Киргизией, обмен передовым опытом между странами Центральной Азии. Для социального разви-

тия республики важна также реализация двух проектов ПРООН: «Укрепление сообществ в Хатлонской области и Раштской долине Таджикистана» и «Молодежь для бизнеса и инноваций», финансируемых РФ. С 2014 г. Россией и ПРООН в стране реализовано девять проектов на 17 млн долл. Благодаря сотрудничеству России и ПРООН за последние три года в Таджикистане созданы сотни рабочих мест, более 15 тыс. человек смогли повысить профессиональный уровень.

Пандемия демонстрирует взаимосвязанность и взаимозависимость государств не только региона, но и мира, поскольку ни одно государство не может на страновом уровне самостоятельно и эффективно вести борьбу с кризисом и обеспечивать собственную национальную безопасность. В этой связи государства Центральной Азии нуждаются в региональной «дорожной карте» по противодействию пандемии. Сплочение стран региона вокруг общих целей стоит осуществить на основе серии встреч на высшем уровне, определяющих политический вектор во имя региональной стабильности, в таких организациях, как СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС. Очевидно, что региональная интеграция в постпандемический период будет укрепляться вокруг ЕАЭС, поэтому приобретает актуальность расширение и углубление ЕАЭС. Таджикистан пока не принял политического решения о вступлении в ЕАЭС. В период пандемии повышается значимость ШОС и ЕАЭС как многосторонних институтов в условиях, когда из-за конфронтации США с Китаем и Россией большинство инструментов глобального управления, включая ООН, могут быть менее действенными. Учитывая, что ядро экономического потенциала ШОС составляют крупнейшие экономики мира (России, Китая, Индии, Ирана и др.), которые предпочитают экономически взаимодействовать с государствами региона в двустороннем формате, важно обсудить в рамках ШОС возможности совместной реализации крупных страновых проектов, заложенных в национальных стратегиях.

Отражением возросшего внимания внешних акторов к Центральной Азии стало появление новых форматов взаимодействия. Наблюдается интерес к формату «5+1» со стороны многих заинтересованных внешних сил, например: «С5+1» с США, «5+1» с КНР, в 2020 г. создан формат С5+Россия. В данном формате стали вести консультации: Япония – «Япония плюс Центральная Азия»; Корея – Южная Корея плюс страны Центральной Азии. Разработка общей Стратегии Евросоюза в Центральной Азии и его участие в министерском диалоге руководителей внешнеполитических ведомств

региона и формирование диалоговой площадки C5+ЕС свидетельствуют о возросшей геополитической роли Центрально-Азиатского региона.

Ираноязычный альянс «Афганистан–Иран–Таджикистан»

Анализируя становление и развитие ираноязычного культурно-экономического альянса «Таджикистан–Афганистан–Иран», Г.М. Майтдинова [2] рассматривает его современное состояние в условиях геополитических перемен. Автор фокусирует внимание на совместных коммуникационных и энергетических проектах этих трех государств, оценивая потенциал их взаимодействия. Особое внимание в статье уделяется анализу влияния афганского фактора на интеграционные процессы в иранском мире. Исследователь приходит к выводу, что отношения Таджикистана с ираноязычными государствами, близкими культурно и географически, гармонично вписывались в концепцию его многовекторной внешней политики. При этом сближение с Ираном и Афганистаном было обусловлено не только цивилизационной общностью трех государств, но и прагматическими соображениями: в частности, Таджикистану для реализации его коммуникационной стратегии был необходим транзитный потенциал соседних государств, а создание афгано-пакистанского, афгано-иранско-южноазиатского, каспийско-иранско-южноазиатского коридоров представляло интерес не только с точки зрения экономики, но имело и глубокий гуманитарный смысл. Автор констатирует: появление в Центральной Азии ираноязычного геополитического поля позволило Таджикистану не просто приобрести дополнительный ресурс для развития, но совершить прорыв за пределы замкнутых постсоветских границ в исламский мир. Подобное взаимодействие, подчеркивает исследователь, способствует восстановлению геополитической целостности региона и модернизации стран Центральной Азии, а в перспективе может привести к формированию нового важного полюса развития в полицентричном мире.

Во внешней политике Таджикистана важное место занимает сотрудничество с Афганистаном и Ираном в силу культурной, исторической, религиозной и языковой близости трех стран. От взаимодействия между ними зависят обеспечение национальных интересов Таджикистана и сохранение стабильности в регионе. Ирано-афгано-таджикское сотрудничество в постсоветский период

начало развиваться в годы независимости Таджикистана. В период межтаджикского конфликта 1990-х годов Иран содействовал стабилизации ситуации в Таджикистане, сыграв важную роль в примирении враждующих сторон (1997).

Суверенизация Таджикистана, который воспринимался частью иранских властных элит как часть «Большого Ирана», вынудила официальный Тегеран задуматься о создании новой геополитической оси «Тегеран–Кабул–Душанбе», которая могла бы составить конкуренцию турецким интеграционным проектам, осуществлявшимся в Центральной Азии и на Кавказе. Для Таджикистана Иран был одним из ключевых инвесторов, обладающим к тому же богатейшими запасами нефти и газа. Что касается Афганистана, для Душанбе представляли главный интерес его транзитные возможности, используя которые таджикское государство могло выйти из коммуникационного тупика. Кроме того, Афганистан, как и Иран, богат полезными ископаемыми, но их разработка затруднена из-за отсутствия необходимой инфраструктуры. Сближению трех стран должно было способствовать масштабное строительство железных дорог из Ирана через Афганистан в Таджикистан. Большое значение придавалось также реализации энергетических проектов.

Глобальные изменения, произошедшие в начале третьей декады XXI в., внесли коррективы в реализацию национальных стратегий развития и в геополитические процессы в Центральной Азии в целом. В Таджикистане была принята Национальная стратегия развития до 2030 г. В ноябре 2018 г. в своем обращении к парламенту страны президент Таджикистана Эмомали Рахмон напомнил о реализации четырех стратегических задач – коммуникационной, энергетической и продовольственной безопасности, вторичной индустриализации. Первую стратегическую задачу – коммуникационную – удалось выполнить, реализовав ряд совместных проектов с Китаем, Афганистаном, Киргизией и Узбекистаном. Новой национальной целью должна стать индустриализация страны. Президент подчеркнул, что до 2030 г. доля промышленности в валовом национальном продукте (ВНП) должна увеличиться до 22%, но достичь такого результата можно только пройдя вторичную индустриализацию. Для этого необходимы высокие технологии, морские и сухопутные коммуникации, но главное – долговременная стабильность. Все это может обеспечить региональное сотрудничество.

Пандемия коронавируса стала серьезным испытанием для государств Центральной Азии в 2020–2021 гг. и поставила под

угрозу устойчивое развитие Таджикистана. Взаимодействие промышленного и сельскохозяйственного производств ослабло, нарушились поставки товаров, в работе гражданских авиалиний и железных дорог наступил вынужденный перерыв, непростое время пришло и для туристической индустрии.

Не меньший ущерб национальным интересам Таджикистана нанесло и обострение военно-политической обстановки в Афганистане, где к власти пришло запрещенное в Таджикистане и находящееся в списке террористических организаций движение «Талибан». Афганский кризис 2021 г. повысил риски, связанные с наркотрафиком и деятельностью экстремистских группировок в афгано-таджикском пограничье. Кроме того, он поставил под угрозу реализацию совместных коммуникационных и энергетических проектов – функционирование транзитного коридора КТАИ (Киргизия, Таджикистан, Афганистан и Иран), строительство моста через реку Пяндж в Кундуз и железной дороги «Джалалиддин Руми – Нижний Пяндж», а также газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ), воплощение в жизнь плана транспортировки электроэнергии Киргизия–Таджикистан–Пакистан–Индия (CASA-1000) и др.

Наиболее болезненными для Таджикистана стали осложнения, связанные со строительством трансафганской железной дороги Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар. Дорога позволила бы Душанбе укрепить сотрудничество с государствами Южной Азии, получить постоянный доступ к их рынкам, а также – выход к южным морским портам Карачи и Гвадар, что дало бы возможность диверсифицировать логистические потоки уже существующих маршрутов к иранским портам Чехбехар (Чабахар) и Бандар-Аббас, увеличить товарный транзит, сократить стоимость грузоперевозок и сроки транспортировки. Дорогу планировалось построить за 5 лет, потратив около 5 млрд долл., предоставленных в кредит консорциумом международных финансовых организаций. Реализация этого проекта не только принесла бы коммуникационные и энергетические выгоды Таджикистану, но и дала бы возможность восстановить экономику Афганистана и положить начало его модернизации. Заинтересованы в строительстве магистрали также Иран и Пакистан, поскольку в рамках проекта предполагается использовать потенциал их портов Чехбехар (Чабахар) и Гвадар. В реализацию проекта «Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар» оказались вовлечены Индия и КНР. Реконструкция и функционирование порта Гвадар осуществляется при непосредственном уча-

стии Китая в рамках реализации инициативы «Пояса и пути», а модернизация порта Чехбехар была проведена при участии Индии.

После запуска магистрали основные торговые маршруты проходят через Индию, Иран, Афганистан, Узбекистан и Таджикистан или через Индию, Иран, Афганистан и Таджикистан. Афганский кризис 2021 г. негативно повлиял на сроки строительства и стоимость проекта. Длительная политическая неопределенность в стране повышает риски, связанные со строительством, и снижает его инвестиционную привлекательность, а неспособность афганских властей обеспечить безопасность транзита заставляет участников проекта искать пути решения коммуникационных проблем. Для Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, не имеющих выхода к морским путям, особенно важны альтернативные коммуникации, например: выход к Каспийскому морю через порты в Туркменбаши (Туркменистан) и Актау (Казахстан) и далее, через Баку (Азербайджан) или Бендер-Энзели (Иран) к ключевой точке – порту Чехбехар (Чабахар). Такой маршрут позволяет осуществить меридиональную интеграцию государств Центральной и Южной Азии.

Иранский и афганский векторы, считает исследователь, во внешней политике Таджикистана, который руководствуется прежде всего своими национальными интересами, остаются одними из ключевых. И это значит, что Таджикистан будет участвовать в решении «афганской проблемы» и развивать партнерство с Ираном, несмотря на все сложности и противоречия. Основой афганской политики Таджикистана является идеология «безопасность через развитие», которая подразумевает помощь Кабулу в восстановлении и развитии национальной экономики путем согласования и реализации инфраструктурных проектов (строительство коммуникаций, поощрение инвестиций, упрощение процедур торговли и т.п.).

Характеризуя отношения между двумя странами на современном этапе, автор отмечает: впервые за долгое время в таджикско-иранских отношениях наступил новый этап сотрудничества. Симптоматично, что новый иранский президент Саид Ибрахим Раиси совершил свой первый официальный визит именно в Таджикистан (15–16 сентября 2021 г.). В ходе этого визита стороны договорились о разработке долгосрочной программы торгово-экономического сотрудничества до 2030 г. и подписали восемь новых международно-правовых документов о взаимодействии. Президенты Таджикистана и Ирана призвали Афганистан к формированию инклюзивного правительства, в которое вошли бы представители всех этнических групп. На юбилейном саммите

ШОС в Душанбе (сентябрь 2021 г.) была начата процедура приема Ирана в полноправные члены Организации. В условиях геополитической трансформации Центральной Азии, активизации интеграционных процессов Южной и Центральной Азии, по мере политической стабилизации афганского государства имеются все предпосылки для укрепления взаимодействия в треугольнике Таджикистан–Афганистан–Иран, усиления экономической и гуманитарной составляющих трехстороннего союза ираноязычных государств.

История ирано-афгано-таджикских отношений в начале XXI в. показывает, что альянс между тремя ираноязычными государствами и их интеграция основываются прежде всего на культурно-языковой близости. Однако в современных геополитических процессах цивилизационный фактор уже не имеет решающего значения для сближения, а активизация Ирана в Таджикистане и сложная политическая ситуация в Афганистане во многом «перевешивают» центристские тенденции. Неудивительно, что в этих условиях приоритетом для Таджикистана становится сотрудничество с государствами постсоветского региона, с которыми он связан союзническими отношениями в рамках ОДКБ и партнерскими отношениями в рамках СНГ и ШОС.

Социально-экономическое развитие Таджикистана

В статье профессоров Таджикского гос. пед. ун-та им. С. Айни М.Х. Маликова и А.К. Хусаинова [2] освещается социально-экономическое и культурное развитие республики за годы независимости. Еще в период межтаджикского конфликта новое правительство разрабатывало программу восстановления разрушенного хозяйства страны и её дальнейшего возрождения. Появились четыре программы: энергетическая, вывод страны из коммуникационной изоляции, продовольственная и программа индустриально-аграрного развития страны. При этом старт выполнения задач этих программ начался по мере разрешения межтаджикского конфликта, когда страна находилась в условиях политического и экономического кризиса. Законодательно были определены цели и стратегические направления построения рыночной экономики в Таджикистане, новая политика и идеология независимого государства.

Правительство Эмомали Рахмона обратило пристальное внимание в годы независимости на состояние энергетики, устой-

чивая работа которой была необходима для всего народнохозяйственного комплекса, а таджикская оппозиция целенаправленно разрушала объекты народного хозяйства. Правительство предприняло экстренные меры по возрождению энергетики в переходный период. В 1992–1994 гг. были отремонтированы и введены в строй разрушенные электросети, подстанции и агрегаты, малые электростанции. Параллельно строились ГЭС Памир, Хорог-1, Сангтуа-1, Сангтуа-2 и Рогунская ГЭС, возобновительные работы которой находятся на особом контроле – сдача её в эксплуатацию удваивает производство электроэнергии в республике; позволяет обеспечить стране полную энергетическую независимость. Одновременно начались работы по программам малой энергетики на небольших реках и их притоках. Объем производства электроэнергии возрос с 17 млрд кВт/ч в 1991 г. до 21 млрд кВт/ч в 2020 г. К возрождению энергетического хозяйства республики привлечены 32 строительные инвестиционные компании, вложившие 2,5 млрд долл. США. В итоге полностью возобновилась деятельность энергетического хозяйства страны, ускорились темпы сооружения энергетических объектов; электроэнергия используется в трудоемких процессах промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, связи, культуре, быту.

К 1994 г. в РТ значительно сократился объем перевозки пассажиров и грузов по дорогам общего пользования, к 1995 г. перевозка грузов уменьшилась в 6,4 раза, пассажиров – в 136,7 раза. Эти недостатки предстояло ликвидировать за кратчайший срок и здесь эффективно заработали меры привлечения иностранных инвесторов. В целом за годы независимости на указанные цели использовано более 53 инвестиционных проектов, построено свыше 2200 км дорог международного значения. С привлечением не только инвестиций, но и специалистов, техники, оборудования ряда соседних государств построена 354-километровая автомобильная дорога Душанбе–Бустон–Чанак с улучшенным качеством дороги и многое другое, что способствовало выходу Таджикистана из полной коммуникационной изоляции. У реки Пяндж были построены несколько мостов, соединяющих Таджикистан и Афганистан. Важное значение для экономического развития имели целевое построение в годы независимости железных дорог Курган-Тюбе–Куляб, Душанбе–Яван–Курган-Тюбе; открылись авиалинии Душанбе–Москва, Душанбе–Минск, Украина, Азербайджан, Казахстан, Туркмения, Турция, Индия, ОАЭ, Саудовская Аравия и т.д. В 2015 г. воздушные суда компании «Таджик Эйр» и «Сомон Эйр»

представляли населению авиауслуги по 33 направлениям в девять стран ближнего и дальнего зарубежья.

Социальное благополучие страны, и в первую очередь её населения, во многом зависело от решений аграрного вопроса. Поэтому правительство во главе с Эмомали Рахмоном приняло меры по возрождению аграрного сектора страны. За последние 15 лет в сельском хозяйстве реализовано инвестиционных проектов на сумму 3,7 млрд сомони, а в настоящее время реализуются еще девять проектов на сумму 1,5 млрд сомони.

В годы независимости требовалось восстановление и развитие промышленности, строительства и связи. Был сформирован ряд промышленных районов, в том числе: два нефтяных предприятия, три цементных завода, текстильные предприятия, строительство трех предприятий химической промышленности, двух крупных металлургических предприятий, переработки цветных металлов, золота. За последние девять лет ВВП страны увеличился на 7,5%. Общий объем государственного бюджета возрос за этот период с 12 млрд до 23 млрд сомони.

Развитие отраслей экономики и увеличение внутренней валовой продукции стали основой для успешного развития образования, науки, культуры. Правительство суверенного Таджикистана старалось создать солидный материальный фонд образования, науки и культуры.

Независимый Таджикистан стал полноправным членом ООН и ряда мировых и региональных – государственных и общественно-политических организаций. Статус суверенного Таджикистана подтвердили 178 стран, более 100 стран ведут с ним торгово-экономические, культурные отношения. В 40 странах мира полноправно функционируют посольские и консульские службы. Сегодня авторитет Таджикистана в мировом сообществе вырос. Он стал членом СНГ, ОДКБ, ЮНЕСКО, Всемирного банка, Всемирного здравоохранения, Азиатского банка развития, Исламского банка, Всемирной экологической организации спасения Арала и др.

Перспективы развития отношений России и Таджикистана

Отношения между Россией и Таджикистаном развиваются в политической, экономической, военной, культурной сферах. Между двумя странами установлены постоянные политические контакты на высшем уровне. В последние годы растет объем российско-

таджикского внешнеторгового оборота. Отмечаются успехи в развитии стратегического партнерства двух стран и в других сферах.

Д.А. Умеров [4], соискатель Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, особое внимание уделяет проблемам в российско-таджикских отношениях. С этой точки зрения в статье рассматриваются ситуации, связанные с сооружением Рогунской ГЭС, трудовой миграцией и возможным вступлением Таджикистана в ЕАЭС, даны рекомендации по решению этих проблем.

Говоря о водно-энергетическом сотрудничестве России и Таджикистана, автор отмечает, что отношения двух стран будут эффективными, если использовать конкурентные преимущества друг друга. Рогунская ГЭС стала своеобразным символом, национальной идеей Таджикистана. Этим конкурентным преимуществом необходимо умело распорядиться. Однако своих финансовых средств у страны недостаточно, необходимы иностранные инвестиции. Таджикистан особо заинтересован в развитии гидроэнергетики для обеспечения нужд государства. Одновременно создавались бы новые рабочие места, что актуально для страны с ее избыточными трудовыми ресурсами. Кроме того, электроэнергию можно поставлять как в соседние центральноазиатские республики, так и на юг, в Афганистан, Пакистан и Индию, в соответствии с проектом CASA-1000. В настоящее время эти вопросы частично решены благодаря пуску первых двух блоков Рогунской ГЭС. Эффективное использование водно-энергетических ресурсов дает шанс интенсифицировать интеграционное взаимодействие между странами региона. Обеспечение союзников необходимыми ресурсами, к которым относится электроэнергия, является важным условием успеха интеграционных процессов.

Ограниченный доступ к водным ресурсам в Центральной Азии имеет высокий мультипликативный эффект воздействия на различные социально-экономические аспекты развития стран региона. В 2020 г. Таджикистан из-за нехватки воды не смог выполнить свои обязательства по поставкам электроэнергии в Афганистан. Если сохранятся нынешние климатические тенденции повышения температуры, то реализовать проект CASA-1000 будет невозможно. На энергетический аспект рассматриваемой проблемы влияют и международные факторы, в частности строительство Узбекистаном с участием России атомной электростанции, первая очередь которой должна быть запущена, согласно планам, в 2028 г.

Необходимо также иметь в виду, что в 2019 г. Россия предложила Казахстану построить на его территории атомную электростанцию, в которой страна нуждается, поскольку ее энергетический баланс в настоящее время держится в основном на угле. С тактической точки зрения эти действия России могут рассматриваться как противоречащие интересам Таджикистана. Однако в стратегическом плане с учетом упомянутых климатических тенденций они могут способствовать долгосрочному надежному энергообеспечению стран Центральной Азии.

Таким образом, на решение водно-энергетической проблемы в Центральной Азии влияют различные факторы. Среди них – тенденции развития климата, отношения между странами региона, проблемы финансирования и др. Некоторые из них носят долгосрочный, стратегический характер, в то время как другие краткосрочны и по существу тактические. И те и другие следует учитывать при формировании позиций России и стран региона в отношении водно-энергетической проблемы.

Трудовая миграция из Таджикистана

За последние годы внешняя трудовая миграция из Таджикистана растет высокими темпами. Численность рабочих мигрантов составляет от 1,5 до 2 млн человек. По неофициальным данным, в трудовой миграции в России из этого количества находилось более 1 млн человек. Свыше 90% мигрантов-таджиков едут на заработки в Россию. Внешняя трудовая миграция в РФ помогает снизить уровень социальной напряженности в Таджикистане. Ежегодно трудовые мигранты отправляют в Таджикистан не менее 2 млрд долл. США. По данным Всемирного банка, в 2018 г. денежные переводы составили 31% ВВП Таджикистана. Это спасает население страны от крайней бедности.

Но миграционные потоки имеют и обратную сторону. В России неоднократно возникали проблемы с этнической преступностью, а у таджикского землячества существуют вопросы к России, особенно касающиеся условий жизни и безопасности трудовых мигрантов. Для решения актуальных проблем миграционного аспекта российско-таджикских отношений в настоящее время развивается политика «интеграция до миграции». Она состоит в предоставлении потенциальным мигрантам дополнительной информации о культуре и истории страны назначения. Реализация принципа «интеграции до миграции» позволит создать условия для интегра-

ции мигрантов в российское общество, а не в национальные диаспоры, как это происходит в настоящее время. В случае успешного проведения такой миграционной политики будет меньше конфликтов и проблем в этой области. Однако в долгосрочном плане от массовой миграции Таджикистан проигрывает, потому что страна теряет самое ценное – трудовые ресурсы, или человеческий капитал. Поэтому реализация принципа «интеграция до миграции», по мысли исследователя, должна быть только первым этапом в разрешении противоречий миграционного аспекта российско-таджикских отношений.

Вариант политики циркуляции трудовых мигрантов, считает автор, наиболее соответствует интересам и страны происхождения мигранта, и страны его пребывания. При таком подходе достигается цель гармонизации стратегии и тактики российско-таджикских отношений в их миграционном аспекте. Именно ее можно было бы предложить в российско-таджикских отношениях. Но такая политика будет возможна только в случае, если таджикские трудовые мигранты смогут реализовать полученные в России знания и навыки на родине. Учитывая, что основным экономическим партнером Таджикистана является Россия, наиболее эффективно эта задача может быть решена в процессе развития сотрудничества двух стран.

Вступление Таджикистана в ЕАЭС

Вопросы присоединения Таджикистана к ЕАЭС рассматриваются различными экспертами с разных точек зрения. Теоретической основой исследования вопроса о вступлении Таджикистана в ЕАЭС можно рассматривать теорию таможенного союза Дж. Вайнера. Динамические эффекты проявляются только после длительной содержательной интеграционной работы. Статические эффекты интеграции с учетом их краткосрочности можно назвать тактическими, а динамические – стратегическими. Как и в других сферах деятельности, между ними имеется некоторое противоречие. Государства и национальные компании хотели бы получить выгоды от интеграции как можно быстрее, однако хорошо известно: быстрые эффекты так же быстро исчерпывают себя.

В рамках ЕАЭС уже сегодня отмечается, что эффекты обнуления таможенных тарифов в торговле между странами-участницами почти исчерпали себя, хотя в 2020 г. Союзу исполнилось всего пять лет. Поэтому в ходе евразийской интеграции должны

включаться другие интеграционные эффекты, такие как единая промышленная, энергетическая политика, цифровая повестка дня, а это и есть динамические эффекты таможенного союза. Между тем в вопросах привлечения новых членов в ЕАЭС на первом месте стоят, как правило, именно проблемы реализации статических эффектов таможенного союза. Например, Таджикистан беспокоит перспектива потерь национального бизнеса при открытии таджикского рынка для стран ЕАЭС, поскольку он менее конкурентоспособен по сравнению с российскими, белорусскими и казахстанскими компаниями. Но в стратегическом плане динамические эффекты интеграции являются не менее важными, чем статические, хотя и проявятся они не сразу.

Еще один важный момент при анализе возможности вступления Таджикистана в ЕАЭС состоит в том, чтобы не рассматривать Союз только в нынешнем его состоянии, а предусматривать перспективы его развития. Сейчас идет напряженная работа над Стратегией дальнейшего развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Эксперты предлагают различные направления углубления интеграции. Таджикистану было бы выгодно подключиться к этой работе уже сегодня, потому что таким образом он получит возможность учесть свои национальные интересы в выстраивании евразийской интеграции на годы вперед.

Для успешного развития отношений между Россией и Таджикистаном, делает вывод исследователь, необходимо умело сочетать стратегию и тактику внешнеполитической деятельности. Стратегия предусматривает долгосрочные цели по реализации национальных интересов. Тактика внешнеполитической деятельности включает в себя краткосрочные действия, направленные на осуществление стратегии и использование различных конъюнктурных обстоятельств в реализации национальных интересов. Водно-энергетическая проблема – одна из важнейших в российско-таджикских отношениях и в регионе Центральной Азии – может как открыть новые перспективы в сотрудничестве Таджикистана и других стран Центральной Азии, так и обострить отношения между ними. Россия должна принять участие в ее решении. Другая важная проблема в российско-таджикских отношениях связана с массовой трудовой миграцией таджикских граждан в Россию. В миграционных процессах таджикских граждан в Россию имеется немало проблем, для их преодоления следует шире использовать политику «интеграции до миграции». Однако в долгосрочном плане следует переходить к политике «циркуляции умов». Стратегически эта по-

литика в наибольшей степени соответствует интересам как России, так и Таджикистана. В вопросе присоединения Таджикистана к ЕАЭС существуют различные мнения. В стратегическом плане следует пристально рассмотреть динамические эффекты евразийской интеграции. Реализация конкурентных преимуществ Таджикистана, по убеждению Д. Умерова, будет наиболее полной при выходе страны за пределы национальных рамок.

Заключение

Государствам Центральной Азии следует внести корректировку в свои национальные стратегии развития с учетом формирования новой экономической системы. Проекция мирового кризиса в Центральной Азии показала необходимость наращивания регионального политического, экономического, гуманитарного сотрудничества, ускоренного решения этнополитических проблем.

В период пандемии сохраняются угрозы национальной безопасности государств Центральной Азии, исходящие из Афганистана, а также не решенные этнотерриториальные проблемы на таджикско-киргизской границе. В регионах Южной и Центральной Азии нужен новый формат системы безопасности, который бы укрепил сотрудничество государств, расположенных по периметру границ Афганистана (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Пакистан, Китай), и государств, имеющих приоритетные интересы в афганском государстве (Россия, США, Индия).

Таджикистан всегда поддерживал региональную интеграцию, координировал свои действия с региональными акторами при реализации своей Национальной стратегии – 2030, стремился к разработке согласованной позиции по многим актуальным проблемам регионального развития, а также принимал участие в разработке общих подходов к перспективам развития региона в условиях усиления глобализации.

Исследователи выделяют острые для Таджикистана проблемы: водно-энергетическую, проблему миграции населения и вступления страны в ЕАЭС. При решении их необходимо учитывать интересы Таджикистана, России и динамику евразийской интеграции.

Литература

1. *Майтдинова Г.* Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Таджикистан и современный мир, 2021. Т. 4. С. 9–16.

2. *Майтдинова Г.М.* Сотрудничество Республики Таджикистан в рамках ираноязычного альянса «Афганистан–Иран–Таджикистан» // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 96–105.
3. *Маликов М.Х., Хусаинов А.К.* Преимущества независимости и суверенитета для Таджикистана // Вестник гос. педагогического университета им.С. Айни, 2021. № 1 (90). С. 235–243.
4. *Умеров Д.А.* Перспективы развития отношений России и Таджикистана // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 71–84.

Schensnovich V.N.

**Geopolitics of Tajikistan in modern conditions
and strategic tasks of the state. (Analytical review)**

Valentina N. Schensnovich,

Research Associate, Asia and Africa Department,

INION RAN

e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

***Abstract.** The review analyzes the development of the Republic of Tajikistan in the conditions of the formation of a polycentric world. The cooperation of Tajikistan with regional and global actors during the COVID-19 pandemic is studied, the main trends in the system of geopolitical coordinates of Central Asia are determined.*

***Keywords:** Central Asia; Republic of Tajikistan (RT); strategy; polycentric world; international cooperation; COVID-19 pandemic; geopolitics; regional security; integration; sovereignty; independence; priority development programs; CIS; SCO; EAEU; CSTO; labor migration.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Кудаяров К.А.* БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ. (Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.08

***Аннотация.** Мурат Ецильташ (Анкарский университет, г. Анкара, Турция) и Ферхат Пиринччи (Университет Улудаг, г. Бурса, Турция)¹ утверждают, что осознанное ослабление американцами основ американоцентричного международного порядка, при котором не наблюдается образования нового мирового порядка, приводит к конкуренции великих держав, вызывая таким образом международную турбулентность. Образуется новая геополитическая реальность, в которой появляются как новые возможности, так и новые угрозы. Учитывая тот факт, что, собственно, возможности различных акторов международных отношений сильно разнятся, в том числе и по части управления кризисами, — лишь небольшое количество участников сможет быстро адаптироваться к новым условиям. При этом авторы прогнозируют нарастание геополитического и экономического противостояния между США и КНР, которое, в конечном счете, может привести лишь к взаимному ослаблению и большей сбалансированности мирового порядка. Международная система столкнулась с ситуацией переходного периода: когда рухнет старая система, а новая еще не появилась. Как бы там ни было, нынешняя ситуация выглядит «окном возможностей» для Турции. Поэтому Турция должна составить для себя всеобъемлющую дорожную карту в политике трансформирующегося мира.*

* Кудаяров К.А., канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

¹ Yesiltaş M., Pirinççi F. Küresel dönüşüm sürecinde Türkiye'nin Büyük Stratejisi. İstanbul : SETA Kitapları, 2020. 144 s. Турец. яз.

***Ключевые слова:** Турция; Ближний Восток; геополитика; Большая стратегия; безопасность.*

Трансформационные издержки глобальной системы

Победа Запада в холодной войне и торжество либеральных идей не привели к более стабильному мировому порядку, а напротив – положили конец проекту углубления и расширения демократии. Однополярный порядок США столкнулся с двумя проблемами в контексте дальнейшего продвижения демократии. Это связано с тем, что данная политика по поддержке демократии после событий 11 сентября 2001 г. превратилась в политику обеспечения безопасности. Методы реализации этой политики расходились с либеральными ценностями и привели к росту антиисламских настроений, ксенофобии и приходу к власти ультраправых политических партий в западных странах. Установление демократии в недемократических странах путем смены недемократических режимов, выступающих против либеральных ценностей, и тем самым устранение угрозы американскому господству воспринимаются на уровне регулярной американской практики, применяемой в международных отношениях. Данная политика стала нормой с момента вторжения американцев в Ирак (2003). Процесс, начавшийся в это время, во многом спровоцировал «арабскую весну» в 2010 г., свергнувшую правящие режимы Ближнего Востока. Однако регион оказался неготовым к принятию либеральных ценностей [с. 22]. Возможно, это не в последнюю очередь обусловлено недоверием к западной экономической модели, ее нестабильностью, которая столкнулась с тремя серьезными кризисами после окончания холодной войны. Первый из них связан с финансовым кризисом, начавшимся в Тайланде в 1997 г., далее затронувшим так называемые новые индустриальные страны (НИС) и перекинувшимся на остальной мир [с. 23]. Данный кризис продемонстрировал всю хрупкость новых рынков, пытающихся встроиться в либеральный экономический порядок. Второй кризис возник уже в США в 2007 г. как кризис недвижимости, переросший в международный банковский кризис 2008 г. Благодаря этому кризису многие государства поняли, что, помимо функций регулятора, государству необходимо периодически вмешиваться в экономику для того, чтобы выправить ситуацию. И, наконец, третий мировой кризис начался из-

за коронавирусной инфекции, превратившейся в глобальную эпидемию.

Среди распространенных заблуждений относительно успешности экономического развития государств стоит отметить то, что не обязательно следовать в фарватере развития либеральных ценностей западного общества. Как показывает опыт КНР, можно вполне преуспеть в развитии собственной экономики, при этом сохраняя совершенно иные ценности и обладая абсолютно иной политической культурой. К тому же большой удар по представлениям о свободах рыночной экономики был нанесен торговыми войнами США с КНР, которые начались в бытность президентства Д. Трампа и отличались ярко выраженным меркантилизмом, наиболее заметной чертой которого был государственный протекционизм [с. 26]. Со временем глобальная военная мощь США перешла от абсолютного превосходства к относительному. Это связано как с возвращением России в мировую геополитику, так и с огромными достижениями КНР в экономическом и технологическом плане, что способствовало рассмотрению Китая как глобальной военной державы. Менее крупные государства также проводили политику по увеличению военных расходов, связанную с модернизацией вооружения и укреплением обороноспособности страны. Прекращение действия ДРСМД между Россией и США привело к обострению международной конкуренции по обычным вооружениям.

После событий 11 сентября 2001 г. США, предпринявшие военную интервенцию в Афганистан и Ирак, рассматривали уничтожение «Аль-Каиды» как наиглавнейшую цель в рамках своей военной доктрины. Дальнейшие действия США спровоцировали появление второй волны терроризма, что всерьез пошатнуло глобальную архитектуру безопасности. Вторжение США в такие страны, как Босния и Герцеговина, Косово, Ирак и Афганистан, в значительной степени усугубило нестабильность. В случае с Сирией, американцы превратили ее в испытательный полигон соперничества великих держав XXI в. [с. 28].

Новый характер мирового порядка: многослойная многополярность

Как было сказано выше, политика США после окончания холодной войны привела в конечном счете к трансформации мирового порядка, который авторы именуют «многослойной многополярностью». Возможно, наиболее важной особенностью много-

слоистой многополярности является значительное увеличение числа новых (восходящих) держав. Именно они становятся все более важными игроками в формировании мирового порядка с точки зрения их конфликтных и конкурентных процессов.

Проблема глобального лидерства. Одной из характерных черт возникшей многополярности стала проблема глобального лидерства, которая в свою очередь проявляется на трех уровнях. Первый – переживается на уровне самих лидеров. Между ними довольно много расхождений в позициях по вопросам, связанным с насилием, дискриминацией, расизмом, по широкому спектру вопросов от экономики до безопасности, от изменения климата до экстремизма. Все упомянутое не только препятствует разрешению кризисов, но и углубляет их. Второй уровень возникает по оси «глобальное управление и международные организации». Неспособность ООН принять какие-либо эффективные меры в связи с глобальной пандемией в сочетании с другими проблемами – еще больше усугубляет кризис управления. Вместо того чтобы брать инициативу по управлению кризисами в свои руки, международные организации демонстрируют малоэффективность или используются как инструмент геополитической конкуренции между странами. Позиция ООН в отношении Палестины является ярким тому примером [с. 33]. Стоит отметить и ВОЗ, которая также показала малую эффективность в борьбе с пандемией коронавируса. Третий уровень, на котором проявляется проблема глобального лидерства – то осевые государства. К примеру, ЕС превратился в группу стран, каждая из них принимает решения в национальном масштабе вместо того, чтобы принимать решения и действовать коллективно под эгидой всего Союза. Во многих региональных кризисах Европейский союз не мог выработать единую позицию.

Многослойное распределение власти. Другой отличительной стороной нынешнего мирового порядка является то, что он имеет многоуровневое распределение власти. В отличие от классической многополярной структуры, преобладавшей в XIX в. и служившей для поддержания идеального баланса системы, сегодняшнее распределение власти является весьма фрагментированным [с. 37]. Несмотря на существующее между сторонами неравенство, абсолютная и относительная мощь многих действующих лиц выдает картину гибридной и многослойной полярности. Новую многополярность представляют региональные организации, транснациональные структуры, общественные движения, негосударственные вооруженные группы и террористические организации.

Другой важной чертой XX и XXI вв. является экономика, в которой не только торговля, но и финансы, производственные сети и цепочки поставок имеют глобальный характер, при котором экономическая взаимозависимость не ограничивается определенной географией. В современном мире угроза для государств исходит от самой пандемии коронавируса, а не от нападения со стороны другого государства.

Новые (восходящие) державы: основные элементы нового мира. Авторы подчеркивают, что кратковременная однополярность США уступила место фрагментированному многополюсному миру. Растущая дипломатическая и экономическая активность крупных развивающихся стран, каждая из которых стремится к стратегической автономии, является ярким тому подтверждением. Ецильташ и Пиринччи справедливо полагали, что этот период усилит конкуренцию за власть и безопасность, а также вызовет возникновение новых конфликтов. Авторы видят определенную активность в зоне БРИКС, члены которой усилились настолько, что в состоянии оказывать экономическую помощь другим странам [с. 42]. Поиски статуса вновь возникающих держав расширились и повсеместно распространились по оси экономической экспансии – укрепления военной мощи и выбили монополию власти США в пользу ее распределения между другими акторами и другими регионами. Таким образом, произошло изменение регионального баланса сил. Развивающиеся государства имеют тенденцию бросать вызов статус-кво и пересматривать доминирующие нормы системы с учетом своих интересов и ценностей. С другой стороны, США пытаются предотвратить появление таких акторов, в том числе прибегая к военной силе. Однако это им не удастся.

Новая глобальная архитектура безопасности. Глобальная и региональная конкуренция, возникшая в условиях новой многоуровневой многополярности, как ее называют авторы, привела, в свою очередь, к формированию новой глобальной и региональной архитектуры безопасности. На данном этапе особенностью новой архитектуры безопасности явилось ее значительное усложнение, запутанность, что во многом объясняется М. Ецильташем как естественное следствие перехода от однополярной к многоуровневой / многослойной многополярной мировой политике. Новая конкуренция происходит между различными геополитическими акторами на различных уровнях и имеет место в широком спектре – от климатической повестки до вопросов в сфере здравоохранения, от

транспортной проблематики до обеспечения продовольственной безопасности и т.д.

Авторы полагают, что масштабность (пространственный охват) геополитической конкуренции и противостояния между различными акторами происходят на четырех различных уровнях: 1) геополитика в космическом пространстве; 2) глобальная политика; 3) региональная геополитика; 4) геополитика локального масштаба [с. 46]. Наиболее важным аспектом является то, что геополитическая конкуренция локального масштаба способна оказывать глобальное влияние. При этом она дополняется практически неограниченной конкуренцией. Форма, характер, масштабы войны и ее участников также претерпевают значительные изменения в этой новой модели. Меняющийся характер войны – от горячего вооруженного конфликта до психологической и гибридной – размывает границу между состоянием войны и состоянием без войны, придавая неустойчивость в новом многоуровневом периоде. Сирийский кризис во многом отражает меняющийся характер войны в локальном, региональном и глобальном масштабах. В то время как террористическая угроза находится в центре доктрин национальной безопасности великих держав, тот факт, что угроза стала более изменчивой с глобализацией, изменил характер войны, усугубил конфликты низкой интенсивности и установил прямую связь между международной безопасностью и терроризмом.

Падение / снижение глобальной нормы. Под глобальной нормой авторы подразумевают те нормы, которые определяют внутреннюю работу существующего международного порядка. Проблема нормы довольно сложна, так как существуют три различные политические единицы в контексте отношений между нормой и международным порядком. К первой единице относятся те, кто производит эти нормы. Хотя государства являются производителями нормы, в основном международные институты играют роль в распространении этих норм. В некоторых случаях государства могут стать одновременно производителями, носителями и исполнителями нормы. Ярким примером является вторжение США в Ирак. Вторая группа состоит из акторов, которые потребляют / соответствуют норме (нормотворцы). Акторы, не участвующие в цепочке потребления глобальной нормы, не могут быть в значительной степени «нормальными» игроками системы. Третья группа состоит из действующих лиц, выступающих против нормы. Эти субъекты могут время от времени быть государственными или негосударственными субъектами. Северная Корея и

ИГИЛ* – яркий тому пример [с. 49]. Запад беспокоит то, что на этот раз в мире «маячит» новая норма, которая является менее либеральной, менее интернациональной и более националистической. Авторы полагают, что можно говорить о конце американской гегемонии. Эта ситуация объясняется переходным периодом, когда старое умирает, а новое еще не родилось. Новый тип политической субъективности, который день ото дня укрепляет свою власть в этом все более либеральном состоянии бытия, позиционирует себя в соответствии с этническими, культурными и религиозными критериями и не рассматривает «Запад» как данность (существование), основанную преимущественно на либерально-демократических ценностях. Администрация Трампа показала, что политика американского белого англосаксонского протестантского населения также политически консолидирована. Многополярный гибридный новый мировой порядок представляет собой видимость, в которой конкуренция за производство и потребление норм становится диверсифицированной [с. 50].

Пересмотр внешней политики и политики безопасности Турции

Трансформация внешнеполитической стратегии и ревизия существовавшей архитектуры безопасности в Турции начались с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР). Главная стратегия Турции заключается в достижении устойчивой экономической стабильности, которая является необходимым условием для достижения стратегической автономии государства. М. Ецильташ и Ф. Пиринччи полагают, что в складывающемся многополярном мире внешнеполитическая деятельность Турции сопряжена с некоторыми геополитическими и геоэкономическими рисками и возможностями. Авторы считают, что Турции следует предпринять тактические шаги, чтобы сузить свои глобальные горизонты, сосредоточив внимание только на угрозах в непосредственной близости от нее. При этом необходимо сфокусироваться на долгосрочных интересах государства.

Внешняя политика Турции и безопасность. Она состоит из трех «вложенных» уровней, которые будут определять внешнюю политику и стратегию безопасности Турции в рамках глобальной системной трансформации. Первая из этих форм является

* Запрещенная в РФ террористическая организация.

центром притяжения внешней политики и политики безопасности Турции на национальном уровне. На национальном уровне внешняя политика и политика безопасности определяются стратегической культурой, отношениями между государством и обществом, внутренними институтами и мировоззрением исполнительного аппарата (лидера). На внешнюю политику и политику безопасности напрямую влияют безопасность и геополитическая среда, в которой находится страна, а также внутренняя обстановка. Второй уровень внешней стратегии и стратегии безопасности Турции состоит из региональной геополитической среды. Этот уровень время от времени носит соревновательный или конфронтационный характер, как и на внутреннем уровне. Авторы замечают: маловероятна ситуация, при которой есть абсолютные (идеальные) друзья и не ведется (никаких) боевых действий. Региональный уровень внешнеполитической стратегии и стратегии безопасности Турции постепенно сливаются воедино, поскольку местные, региональные и глобальные игроки различаются с точки зрения взаимных стратегических обязательств и напрямую зависят от них. Турция является одним из важнейших элементов архитектуры региональной безопасности на Ближнем Востоке. В свою очередь, Сирии определяется центральная роль во внутренней и региональной безопасности Турции.

Ешилташ говорит о существовании четырех основных элементов внутренней и внешней политики Турции, негативно влияющих на ее внешнюю политику. К ним относятся: стратегическая культура, сформированная историческими изменениями; современные отношения, основанные на различном историческом опыте; функции государственных институтов, обеспечивающих реализацию политики безопасности; роль политического руководства, которое время от времени брало на себя все эти функции. Оборонительная стратегическая культура Турции возникла как проект строительства национального государства, а практика внешней политики и политики безопасности – как производственный проект национального общества.

Оборонительная стратегическая культура – это доминирующая парадигма, сформировавшаяся на протяжении многих лет. Во внешней политике Турции эта традиция решительно защищала национальное единство, территориальную целостность и светский политический режим, который составлял центр притяжения и геополитического видения культуры безопасности республиканской Турции после распада Османской империи. Рассматриваемая

культура породила внешнеполитическую практику, которая означала построение преимущественно светского государства с упором на турецкий национализм, а также региональный порядок, основанный на Вестфальской системе, и интеграцию турецкого государства в современный западный мир [с. 61]. Внешняя периферия этой стратегической культуры – это в значительной степени холодная война. Ось геополитического дискурса переместилась с акцента на национальное государство на цивилизационный уровень. За последнее время армия и генералитет утратили свои позиции в пользу института президентства и контролируемого им Министерства иностранных дел Турции. Былое равновесие в обществе и архитектура безопасности государства, как полагают авторы, были разрушены действиями Террористической организации Фетхуллага Гюлена (FETÖ), поскольку неудачная попытка государственного переворота, предпринятая сторонниками FETÖ, привела к самым значительным переменам во внешней политике Турции.

Плоскость региональной политики. Кризис безопасности в регионе Ближнего Востока, который непосредственно коснулся и Турции, привел к ряду военных операций Анкары как в отношении террористической Рабочей партии Курдистана (РПК) и ИГИЛ, так и в отношении других подобных им организаций. Такие военные операции Турции, как «Щит Евфрата», «Оливковая ветвь» и «Весна мира», – являются свидетельством этой политики [с. 67]. Начиная с 2016 г. Турция стала чаще использовать военные объекты, поскольку углубление геополитической конкуренции на Ближнем Востоке ускорило гонку за власть, сфокусировав большее внимание на архитектуре региональной безопасности и связанной с ней гонкой вооружений. Все основные глобальные и региональные политические акторы, так или иначе (непосредственно либо через посредников) вовлечены во внутренний конфликт на Ближнем Востоке. Прокси-конфликт и война стали новым нормальным явлением в архитектуре региональной безопасности.

Большая стратегия Турции. Говоря о стратегии Турции, авторы подчеркивают, что ее цель должна учитывать не только средства, с помощью которых она будет достигнута, но и стоимость ее достижения. Общая стратегия представляет план, который укрепляет позиции страны за счет приобретения союзников, получения поддержки нейтральных государств и уменьшения количества враждебно настроенных стран. Несмотря на некоторые различия стратегии применительно к целям и задачам в нацио-

нальном, региональном и глобальном масштабах, главной целью Турции в ближайший период должно стать углубление ее стратегической автономии [с. 75].

Стратегическая автономия. Стратегическая автономия состоит из трех компонентов: 1) политическая автономия с производственными мощностями, необходимыми для независимого планирования гражданских и военных операций; 2) оперативная автономия с производственными мощностями, необходимыми для независимого планирования гражданских и военных операций; 3) промышленная / технологическая автономия, необходимая для реализации оперативной автономии [с. 81]. В этом смысле стратегическая автономия представляется способностью государства действовать в одиночку на международной арене в случае необходимости.

Стратегическая автономия состоит из следующих элементов: 1) способность обладать властью; 2) наличие возможностей для достижения определенных целей; 3) свобода передвижения (мобильность); 4) гибкость, которую можно определить как способность изменяться или адаптироваться к изменениям за короткий период времени.

Важнейшие принципы автономии: 1) она может строить точные прогнозы и предугадывать будущее; 2) свобода принятия решений; 3) свобода действий.

Авторы полагают, что абсолютная стратегическая автономия маловероятна. Однако вполне возможно добиться сильной и устойчивой стратегической автономии, достижение которой является основной стратегией Турции. Наличие такой стратегической автономии будет означать, что Турция в значительной степени самодостаточна в экономическом, военном и технологическом уровнях, а также в области безопасности и внешней политики. Достижение сильной стратегической автономии принесет Турции возможность играть более активную роль в геополитической архитектуре регионального масштаба.

Немаловажную роль в стратегии играет и стратегическая гибкость, которую Ешилтайш и Пиринччи определяют как способность реагировать на изменения окружающей среды, успешно приспосабливаясь к ней. Она также включает в себя взаимодействие многих элементов, в том числе прогнозирование нескольких сценариев во время изменения окружающей среды и создание отдельных стратегий для каждого сценария; приобретение и применение ресурсов и навыков, необходимых для реализации указанных стратегий. Стратегическая гибкость – это набор возможностей,

используемых для реагирования на разнообразные требования и возможности, существующие в динамичной и неопределенной конкурентной и конфликтной среде. Планирование должно стоять на первом месте среди отличительных элементов стратегической гибкости. На втором месте стратегической гибкости находятся внедрение и адаптация. Маневренность является третьим элементом стратегической гибкости [с. 86].

Внешняя политика и стратегия безопасности Турции

Во внешней политике и в стратегии безопасности Турции авторы определяют пять стратегических поясов: национальный, пограничный (с соседними государствами), региональный (с соседями по региону ЦА, БВ и СА, Европы, Балкан и т.д.), межрегиональный (с другими регионами: например, государствами Африканского Рога, ЛА, государствами Африки южнее Сахары, Азии и т.д.), и наконец – глобальный.

Первый стратегический пояс следует рассматривать как центр или ядро. Провал в этом поясе может сорвать все инициативы в других стратегических поясах. Природа устойчивой стабильности на национальном уровне должна быть всеобъемлющей и абсолютной. Турции необходимо создать инфраструктуру для абсолютной стабильности на этом уровне. Факторы риска, которые будут на переднем крае первого стратегического пояса, в краткосрочной и среднесрочной перспективах можно выразить как терроризм, экономический кризис, социальную поляризацию и текущие / потенциальные перемещения беженцев. Прогнозируется, что терроризм будет продолжаться в контексте деятельности РПК, FETÖ, ИГИЛ и подобных структур [с. 100]. РПК и ИГИЛ имеют потенциал к обновлению, что может значительно повысить уровень риска на национальном уровне, поскольку события в Сирии, Ираке, Иране и регионе Ближнего Востока, в целом, самым непосредственным образом затронут и саму Турцию.

Стоит отметить, что технологическое превосходство является важной составляющей успеха в борьбе с терроризмом в Турции. Способность Турции повысить уровень разведки в борьбе с терроризмом зависит от дальнейшего развития ее беспилотных систем и продолжения инвестирования в подобные проекты. По мнению авторов, FETÖ представляет большую угрозу на национальном уровне, чем ИГИЛ и РПК, поскольку деятельность «гюленистов»

за рубежом значительно шире и их влияние несопоставимо выше, чем у двух остальных организаций.

Среди других факторов риска для всеобъемлющей стабильности следует назвать возможность появления глобального экономического кризиса (который бы напрямую повлиял на национальную экономику); социальную поляризацию.

Второй стратегический пояс включает сухопутные и морские границы Турции. Он, в свою очередь, подразделяется на две группы. В первую входят такие государства, как Сирия, Ирак, Иран, Греция и три морских района. Во вторую группу вошли Грузия, Болгария, Армения, Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК). Безусловно, второй пояс в целом влияет на стабильность и безопасность на национальном уровне и является основным источником внешнеполитических вызовов.

Одним из важнейших направлений внешней политики Турции стало взаимодействие с Ираном. Также Турции необходимо уравновесить растущее влияние России на Чёрном море и развивать отношения с Украиной. Расширение турецко-украинских отношений, как полагают авторы, помимо экономических выгод, приведет и к ограничению влияния России на Чёрном море. Развитие отношений с Украиной важно для Турции как в плане увеличения своего флота в Чёрноморском побережье, так и уровня военной и оборонной мощи.

Немалое значение имеют и проблемы с Грецией (проблемы территориальных вод Эгейского моря, континентального шельфа и т.д.). Кипрский вопрос и антитурецкая политика в Восточном Средиземноморье также создают нестабильность для Турции.

Важно развивать отношения и с Болгарией, которая является одним из важнейших геополитических «ворот» Турции в Европу [с. 114]. Углубление двусторонних отношений стоит рассматривать как необходимость, а не как стратегический выбор.

Стратегической целью Турции в третьем поясе, как и во втором поясе, является достижение относительной устойчивой стабильности. Стратегические цели Турции с точки зрения относительной стабильности в зоне Ближнего Востока и Северной Африки отличаются от европейской зоны. В Европейском регионе, где экономические отношения институционализированы в рамках сотрудничества в Таможенном союзе, военные отношения – в рамках членства в НАТО, дипломатические отношения связаны с процессом рассмотрения членства Турции в ЕС, а также с ее членством в Совете Европы и ОБСЕ, – не прослеживается фактора

геополитической нестабильности [с. 121]. Страны региона, которые будут и в дальнейшем наращивать свое экономическое и военное сотрудничество с Анкарой, несомненно, углубят стратегическую автономию Турции. С другой стороны, экономический кризис в Европе, а также ксенофобия и исламофобия в ЕС отрицательно скажутся на турецко-европейских отношениях. Чтобы исключить или минимизировать эти риски, Турции необходимо, по мнению авторов, сделать следующее: 1) развивать всесторонние дипломатические отношения, прибегая к стратегической гибкости в тех вопросах, по которым ее интересы пересекаются с другими странами. При этом следует развивать свою стратегическую автономию. К примеру, проблема беженцев останется одной из основных повесток дня, и в этом плане устранение причин, вызвавших приток беженцев, будет важным направлением сотрудничества между ЕС и Турцией; 2) Анкарой могут быть применены эффективные методы стратегии публичной дипломатии, имеющие ориентацию на конкретную страну, а также на конкретных лиц, принимающих решения, и общественность этих стран. Важная миссия ложится на плечи турецкой диаспоры в Европе, которая будет продолжать расширение своей деятельности в рамках президиума по делам турок за рубежом, его региональных отделений, бизнес-ассоциаций TÜSİAD и MÜSİAD и региональных НПО, например таких, как Европейский союз турецких демократов (UETD) [с. 122]. Также необходимо повышать осведомленность и создавать эффективные совместные механизмы для борьбы с ксенофобией и исламофобией. Турция придает большую значимость странам Балканского полуострова, в особенности Боснии и Герцеговине, Косову, Албании и Македонии, с которыми у Анкары имеются традиционно прочные культурные и исторические связи.

В третьем поясе риски для установления устойчивой стабильности создаются также следующими факторами: 1) нестабильной и хрупкой ситуацией в Боснии и Герцеговине, которая время от времени выносится на повестку дня в рамках политической структуры, сформированной Дейтонским мирным соглашением 1995 г.; 2) напряженностью между Косовом и Сербией; 3) ситуацией в Северной Македонии. Хотя эти факторы, по мнению автора, не имеют возможности перерасти в конфликт, подобный ближневосточному или североафриканскому, все же устранение этих рисков будет означать консолидацию Большой стратегии устойчивой стабильности. Отношения, в которых широко используются методы публичной дипломатии на основе экономической,

дипломатической и гуманитарной помощи, будут эффективны при снятии этой напряженности.

К этому же стратегическому поясу относится и Центральная Азия, включающая Афганистан и Пакистан. Здесь также имеются три фактора риска. Первым и общим фактором для всех государств региона является возможность возникновения нестабильности в связи со сменой политического руководства в республиках. Второй фактор – так называемая афганская проблема и связанный с ней риск распространения нестабильности по всему региону. Третий фактор – усиление напряженности между Индией и Пакистаном из-за проблемы Кашмира. Однако нельзя говорить о возможности устранения угроз в регионе лишь посредством турецких усилий. Тем не менее Анкара должна стремиться играть более активную роль в регионе для минимизации угроз. Разумеется, развитие отношений с соседними странами и внерегиональными силами, в дополнение к существующим механизмам урегулирования, позволит Афганистану выйти из сложившейся ситуации. Авторы полагают, что и афганская проблема, и напряженность по линии Пакистан–Индия могут быть урегулированы только при посредничестве Турции. Проблема Кашмира, несомненно, негативно отражается на мусульманской общине Индии, на которой сказывается вмешательство как со стороны общества, так и властей. Развитие двусторонних отношений с Индией поможет снизить давление на мусульманские группы в стране. Отношения Анкары с Исламабадом сохранят свой особый статус. Помимо экономических отношений не исключается возможность углубления сотрудничества в области ядерных технологий. Как подчеркивают Ешильташ и Пиринччи, углубление отношений в военной сфере и ядерных технологиях положительно повлияет на стратегическую автономию Турции [с. 126].

В четвертый стратегический пояс входят страны Африки к югу от Сахары, Латинская Америка и Азия. Особое место отводится Африканскому Рогу (Сомали, Эритрея, Джибути). Углубление военных отношений с последними тремя государствами является важным результатом в процессе развития двусторонних отношений. Для Военно-морских сил Турции наличие турецких военных баз в Африке видится как значительное преимущество, которого сложно достичь на региональном уровне. В результате углубления отношений с Африканским регионом к югу от Сахары будет получена важная экономическая поддержка на национальном уровне и дипломатическая – на глобальном. Это условие рассматривается с точки зрения необходимого усиления стратегической автономии

Турции. С позиции реализации данной стратегии, отношения с Суданом, Эфиопией, Кенией, Нигерией и Южной Африкой представляют большую значимость [с. 129].

От четвертого пояса пятый отличается тем, что он выполняет две функции: нормативную и оперативную. Нормативное измерение глобальной системы было четко указано Эрдоганом в заявлении ООН «Мир больше пяти», где турецкий лидер критикует систему по таким вопросам, как глобальная несправедливость, бедность, ксенофобия, антиисламские движения и проблемы беженцев. К оперативным функциям можно отнести, к примеру, реформирование ООН [с. 131].

Авторы полагают, что определение повестки дня со стороны КНР и США на пятом (глобальном) уровне начнут ослабевать с точки зрения возможностей. Возникнет глобальный вакуум власти и появятся «окна возможностей» для создания воздействия. Это означает рост возможностей для заполнения этого вакуума, что повысит способность Турции использовать «окна возможностей». При этом Турция сможет сотрудничать время от времени с США, КНР и другими влиятельными игроками [с. 134].

Заключение

Мировая система, переживающая глубокий кризис, меняет характер международного порядка. В этом смысле глобальная система и международный порядок представляются авторам многослойными / многоуровневыми и многополярными с точки зрения как разнообразия действующих лиц, так и сложности и переплетения проблем.

Гегемонистская позиция США подверглась серьезной эрозии, которая в свою очередь привела к появлению большого количества действующих акторов, оказывающих существенное воздействие с точки зрения распределения власти в глобальной системе управления. Этот процесс вызывает усиление конкуренции за власть и влияние в мире, а также провоцирует борьбу за обеспечение безопасности между крупными акторами глобального и регионального уровня. Один из наиболее важных кризисов глобальной системы заключается в том, что влияние глобальной нормы постепенно уменьшается, а выработка альтернативных норм остается независимой, а не глобальной. Мировой порядок, основанный на нормах, один из важнейших элементов глобального управления, находится под влиянием множества норм в новую глобальную

многоуровневую (многослойную) эпоху. В условиях существующей геополитической турбулентности Анкара видит «окно возможностей» для реализации своей внешнеполитической стратегии и стратегии безопасности, осознавая также то, что данная внешнеполитическая динамика сопряжена и с большими вызовами и рисками для национальной безопасности самой Турции.

За прошедшие два десятилетия турецкая власть в лице ПСР выработала свое видение роли и места Турции в регионе и в мире, которое отражено в Большой стратегии Турции по реализации геополитических, экономических, военных и других аспектов турецкой политики на национальном и международном уровнях для достижения стратегической автономии. При этом на данном этапе под стратегической автономией подразумевается прежде всего расширение геополитического поля и увеличение внутри- и внешнеполитической мобильности Анкары настолько, насколько это возможно для реализации этой политики (за счет активизации экономической, военной и промышленной деятельности). Важным примером пересечения трех областей для обеспечения стратегической автономии Турции в национальном и региональном масштабах является внутренняя оборонная промышленность. Данная мера представляется необходимой также на тот случай, если Турция будет вынуждена проявлять стратегическую гибкость в ведении внешней политики, а также для успешной реализации политики национальной безопасности.

Kudayarov K.A.

**Turkey's grand strategy in the process
of global changes. (Analytical review)**

Kanybek A. Kudayarov,

PhD (History), Research Associate,
Asia and Africa Department member, INION RAN,
e-mail: kana8306@mail.ru

***Abstract.** Murat Eshiltas (Ankara University, Ankara, Turkey) and Ferhat Pirincci (Uludag University, Bursa, Turkey) argue that the Americans' deliberate weakening of the foundations of the American-centric international order, in which there is no formation of a new world order, leads to competition between great powers, thus causing international turbulence. A new geopolitical reality is being formed, in which both new opportunities and new*

threats appear. Given the fact that, in fact, the capabilities of various actors in international relations vary greatly, including in terms of crisis management, only a small number of participants will be able to quickly adapt to new conditions. At the same time, the authors predict an increase in the geopolitical and economic confrontation between the United States and China, which, ultimately, can only lead to mutual weakening and greater balance of the world order. The international system is faced with a situation of transition: when the old system is collapsing, but the new one has not yet appeared. Whatever it was, the current situation looks like a «window of opportunity» for Turkey. Therefore, Turkey should draw up a comprehensive roadmap for itself in the politics of the transforming world.

Keywords: Turkey; Middle East; geopolitics; Grand Strategy; security.

Бибикова О.П.*

ХАРКИ – НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА АЛЖИРСКОГО НАРОДА

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.09

***Аннотация.** Правительство Франции наконец решилось выполнить свои обязательства перед харки, потомками алжирцев, служивших Франции в колониальный период. Речь идет о выполнении Эвианских соглашений (18.03.1962) и обеспечении прав потомков харки, живущих во Франции.*

***Ключевые слова:** харки; алжирские иммигранты; колониальное наследие; Эвианские соглашения.*

23 февраля 2022 г. Франция приняла закон о признании своих обязательств в отношении харки в соответствии с Эвианскими соглашениями. Эти соглашения были подписаны между Францией и Алжиром 18 марта 1962 г. в городе Эвиан-ле-Бен на южном берегу Женевского озера в ознаменование окончания франко-алжирской войны (1954–1962).

Непосвященный человек непременно удивится, что межгосударственный документ, подписанный 60 лет назад, корректируется и дополняется только сейчас. Как раз в этом году Алжир от-

* Бибикова О.П., канд. ист. наук, ст. научный сотрудник ИВ РАН, olbibikova@mail.ru

© Бибикова О.П., 2022

мечает 60-ю годовщину провозглашения своей независимости. Дело в том, что положения нового закона предусматривают возмещение ущерба, нанесенного харки, как сказано в документе, «из-за несоответствия условиям их приема во Франции»¹. История этих людей остается одной из главных проблем коллективной памяти, связанных с алжирской войной за независимость и колониальным присутствием Франции в Северной Африке.

В Алжире харки (харкис) – это категория местного населения, представители которого в период французской колонизации работали в административных органах, добровольно или вынужденно служили в различных подразделениях французской армии.

Проблема, о которой пойдет речь в статье, известна странам, где долгое время присутствовали колонизаторы или было иностранное господство, ибо после получения независимости люди, служившие колонизаторам, почти всегда подвергались репрессиям.

* * *

Французское завоевание Алжира началось в 1830 г. под предлогом борьбы с североафриканскими пиратами². На самом деле причиной стало ухудшение отношений, начавшееся после того, как Франция отказалась расплатиться за продовольствие (хлеб, солонину), а также кожи, которые поставлялись в кредит из Алжира в революционную и наполеоновскую Францию. Кульминацией стал конфликт между правителем Алжира Хусейном III³ и французским консулом в 1827 г. В ответ Париж устроил трехлетнюю морскую блокаду алжирского побережья. Этого оказалось недостаточно, и тогда Франция отправила в Алжир войска.

Как отмечал Ю. Рубинский, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, «в большинстве своих колоний Париж ограничивался созданием французской админист-

¹ Макрон анонсировал закон о «признании и репарации» для ветеранов алжирской войны. 20.09.2021 // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12457715?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

² Мусульманское пиратство в Магрибе существовало со времени захвата региона арабами в VII в., После Реконкисты в XVI в. ряды средиземноморских пиратов пополнились за счет изгнанных с Иберийского полуострова мусульман.

³ Хусейн III, (ок. 1765 –1838) – последний алжирский дей (пожизненный правитель).

рации. Алжир был совсем другим делом»¹. Дело в том, что местное население не желало покоряться, но французы сумели подкупить местных феодалов. Некоторые из них восприняли французскую культуру и даже приняли католицизм. Эту группу населения называли «эвольвэ» (evolvés), т.е. «эволюционировавшие».

Для удобства управления подконтрольной территорией французы привлекали алжирцев, которые в силу обнищания соглашались служить в административных органах. Были созданы также полицейские подразделения, которые должны были заниматься поддержанием порядка. Как правило, они были подчинены местной администрации.

Элен Альдегер, исследователь судьбы харки, отмечает, что причины работы харки во французской администрации и службы в военных подразделениях «разнообразны и не свидетельствуют об абсолютной поддержке идеи Французского Алжира»². То есть речь идет о том, что люди служили Франции, мягко говоря, не всегда добровольно. Что побуждало алжирцев сотрудничать с французской колониальной властью? Надо помнить, что французы, придя в Алжир, пробыли в этой стране более 100 лет – с 1830 по 1962 г. В 1834 г. Франция аннексировала Алжир, он официально стал частью Франции. Поэтому несколько поколений алжирцев, родившихся при французском колониальном режиме, воспринимало ситуацию как *status quo* и приспосабливались к сложившимся условиям. Свидетельством этого стало то, что французский язык, не имея статуса официального языка страны, до сих пор обязательно изучается в школах страны. И сегодня на нем говорит более половины населения Алжира.

Во Франции слово харки (харкис) произносится как *арки* или *аркис* (Harkis – «Н» не читается). Термин образовался от арабского слова الحركة – *харака* – движение (в смысле «мобильная группа»). Этот термин используется для описания всех североафриканцев (в основном алжирцев), которые были вынуждены сотрудничать с французами во время колониального периода. Харки – это вспомогательные формирования, включающие в себя представителей мохазни (moghaznis) – местных полицейских отрядов, группы са-

¹ Князев С. «Экономически выгодное предприятие»: как Франция оккупировала Алжир. 14.06.2020 // <https://russian.rt.com/science/article/754465-190-let-okkupaciya-alzhir>

² Qui sont les harkis? // <https://orientxxi.info/va-comprendre/qui-sont-les-harkis,5546>

мообороны, территориальные подразделения и специальные отряды резервистов. Впоследствии они были задействованы во французской армии в период с 1957 по 1962 г.

В Алжире термин «харки» стал синонимом предателя и пособника. Поэтому это слово часто используется в негативном ключе¹.

Согласно принятому в 1865 г. закону, алжирцы призывались в вооруженные силы Франции. В результате уже в Первой мировой войне в войсках Франции существовали особые алжирские подразделения – тиральеры, гумы, таборы, спаги². Впоследствии эти войска использовались и в Индокитае.

* * *

В ходе Второй мировой войны в Алжире усилились требования автономии или независимости. Постепенно протест против иноземной власти распространился по всему Алжиру. Жестокость, проявленная при подавлении мятежей, потрясла страну. До 1954 г. в Алжире произошло несколько восстаний, 1 ноября 1954 г. был создан Фронт национального освобождения (ФНО), целью которого было достижение независимости страны вооруженным путем.

Против восставшего народа Франция бросила свою армию, в составе которой находились и алжирские ополченцы. Сопротивление местного населения сопровождалось периодическими мятежами. Дело в том, что у местного населения забирали землю и передавали ее европейским колонистам. За период с 1850 по 1934 г. в собственности европейцев перешло более 40% обрабатываемых земель³.

С течением времени, особенно после Второй мировой войны, антиколониальные настроения окрепли, сопротивление иноземному присутствию приняло организованные формы. Как писал бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен (1974–1981), «Франция, схваченная за горло событиями в Алжире и потерявшая

¹ Знаменитый французский футболист кабийского происхождения Зинеддин Зидан, которого недруги неоднократно обзывали этим словом, всегда объяснял, что его родители переселились во Францию еще в 1952 г., т.е. до получения Алжиром независимости.

² Названия различных родов войск того периода: стрелки, легкая кавалерия и т.д.

³ Война за независимость Алжира // https://ru.wikipedia.org/wiki/Война_за_независимость_Алжира.

всякую надежду вновь взять их под свой контроль»¹, была вынуждена признать распад своей колониальной империи. 16 сентября 1959 г. президент Франции признал право алжирцев на самоопределение.

В этих условиях в течение 1960 г. получили независимость французские колонии: Восточный Камерун, Того, Мадагаскар, Дагомея, Нигер, Верхняя Вольта, Чад, Берег Слоновой Кости, ЦАР, Конго, Габон, Сенегал и Мавритания. 8 января 1961 г. состоялся референдум, на котором была одобрена политика президента де Голля, направленная на самоопределение Алжира. 18 марта 1962 г. были подписаны Эвианские соглашения, 3 июля была провозглашена независимость Алжира.

Заключение Эвианских соглашений предусматривало вывод французских войск из Алжира. Генерал Айлерет, командующий французскими войсками в Алжире, выступал за репатриацию харки. Его поддерживали многие военные, понимавшие, что, оставшись в Алжире, харки могут подвергнуться возмездию со стороны прежде всего Фронта национального освобождения Алжира (ФНО), возглавившего сопротивление французским колонизаторам.

Однако Париж отверг предложение о массовой репатриации харки, которых французские левые, в целом выступавшие за независимость Алжира, традиционно называли «коллаборантами». 15 апреля 1962 г. Министерство Вооруженных сил Франции отдало приказ о разоружении и роспуске всех подразделений харки. Фактически во Францию смогли уехать только около 60 тыс. харки. Эвианские соглашения запрещали французским военным вмешиваться в процесс репатриации харки, но некоторые военные способствовали их отъезду. 16 мая 1962 г. Государственный министр по делам Алжира распорядился наказать лиц, способствовавших репатриации алжирцев. Правительство Франции не хотело обременять себя заботой о харки, тем более что к концу колониального периода численность харки в Алжире значительно увеличилась.

Естественно, что уехать во Францию смогли только те, кто работал в администрации, знал о том, как не пропустить эту возможность. Известные франкофилы, политические деятели и профессиональные военные были репатрированы без проблем.

60 тыс. харки смогли переправиться в метрополию вместе с теми, кого называли «*pieds-noirs*» (черноногими), репатриантами

¹ Жискара д'Эстен В. Французы. Размышления о судьбе народа. М., «Ладомир», 2004. С. 24.

европейского происхождения. Под этим названием имелись в виду франкоалжирцы, т.е. переселенцы из Франции разного этнического (французского, итальянского, испанского, мальтийского, еврейского и др.) происхождения, предки которых некогда поселились в этой французской колонии. Впоследствии для многих из них, родившихся в Африке, переезд во Францию означал кардинальную перемену образа жизни. Живя в Африке, они, будучи дистанцированными от местного населения и защищенными французскими законами, тем не менее внесли большой вклад в развитие экономики Алжира. Их права были гарантированы специальным декретом, принятым еще 24 октября 1870 г. Так называемый «декрет Кремье», предусматривал предоставление неарабам (европейцам и евреям), проживающим во Французском Алжире, гражданство метрополии. В ХХI в. историки оценили этот декрет как еще одно средство колониальной стратегии Франции. Для колонизаторов было важно «расставить приоритеты, сегментировать и разделить алжирское население, чтобы лучше контролировать и подчинять его»¹. Евреи были коренными жителями североафриканских стран, они долгое время бесконфликтно жили в мусульманском окружении. Но после провозглашения еврейского Государства Израиль произошел всплеск мусульманского антисемитизма практически на всех арабских территориях.

Впоследствии из среды франкоалжирцев вышли знаменитые личности: экономист Жак Аттали, нобелевский лауреат, писатель Альбер Камю, маршал Франции Альфонс Жюэн, модельер Ив Сен-Лоран и много деятелей театра и кино.

Уход французов из Алжира проходил в условиях столкновения разных мнений коренного населения. Одни выступали за поддержку Фронта Национального Освобождения и, следовательно, за независимость Алжира, другие считали, что Алжир уже стал частью Франции, поэтому уход французов из страны скажется негативно на её развитии. Среди значительной части французских колонистов, а также военных было распространено мнение, что де Голль таким образом «предал Францию».

Последствием ухода французов из страны стало то, что от 55 тыс. до 75 тыс. харки были разоружены и оставлены на произвол

¹ Why was the Crémieux decree (granting Jews living in French Algeria the French citizenship) voted??? <https://www.quora.com/Why-was-the-Crémieux-decree-granting-Jews-living-in-French-Algeria-the-French-citizenship-voted-Why-did-it-not-include-the-other-indigenous-communities>

судьбы в Алжире. Позднее стало известно о том, что 29 октября 1961 г., во время секретных переговоров с представителями ФНО в Базеле, Франция выдвинула принцип отказа от возмездия, согласно которому алжирское государство воздержится от каких-либо санкций против мусульман, преданных Франции. Алжирская сторона обещаний не выполнила. В результате «они стали жертвами массовых репрессий... были маргинализированы, подверглись остракизму, стали жертвами расизма... Франция отреклась от них, стыдилась, используя их в своих целях»¹.

Масса малограмотных деревенских парней из распущенных воинских подразделений осталась в стране, не подозревая, что их (и членов их семей) ждет наказание от своих соотечественников.

В апреле 1962 г. Временное правительство Алжирской Республики, желая проявить себя, опубликовало директиву в отношении харки, согласно которой они должны контролироваться на местах и регистрироваться в «черном списке». Уже 5 июля началась охота на харки. Этих людей сначала арестовывали, затем отправляли в следственные изоляторы, пытали, а затем казнили. Местное население принимало участие в репрессиях, унижая, пытая и линчуя тех, кто помогал французам. Le Monde от 13 ноября 1962 г. сообщила об убийстве 10 тыс. харки только за период с 18 марта по 1 ноября. Всего же, как историки констатировали, было убито не менее 80 тыс. человек².

* * *

Перебравшись во Францию, репатрианты из Алжира, *pieds-noirs*, алжирские евреи и харки постепенно начали переходить к поискам идентичности, но уже скоро обнаруживается неоднородность прибывших, которых действительно связывают только Алжир и 1962 г. Тех харки, которые сумели перебраться во Францию, разместили в специальных поселках, где были наспех построены бараки, или тех лагерях, которые остались после немецкой оккупации. Характерно, что власти стремились рассеять семьи из одной

¹ Les harkis qui etaient ils?// <https://histoirecoloniale.net/les-harkis-qui-etaient-ils.html>

² Точной численности казненных харки в Алжире не существует. По некоторым оценкам, в результате насильственных репрессий от рук самих же алжирцев, стремившихся отомстить за своих родственников, погибло от 75 тыс. до 150 тыс. человек.

деревни, чтобы избежать создания каких-либо общественных структур. В 1963 г. насчитывалось 75 поселков, в основном расположенных в регионе Прованс – Альпы – Лазурный берег. Власти стремились рассредоточить алжирцев, расселяя их по 25 семей в глухой провинции. Большинство харки было задействовано в системе Национального управления лесного хозяйства, где они занимались обслуживанием лесных массивов: посадка и вырубка деревьев и кустарников, борьба с лесными пожарами, защита окружающей среды.

Считается, что сегодня численность потомков харки, до сих пор проживающих в лагерях на юге Франции, составляет около 500 тыс. человек. С 1974 г. молодое поколение харки, уже родившееся во Франции, начало проводить голодовки и марши протеста, чтобы обратить внимание властей на бедственное положение этой категории населения. Их родители с трудом интегрировались во Франции. Простой обыватель приравнивал их к североафриканским иммигрантам, хотя бывшие соотечественники их отвергали, несмотря на то что президент Алжира Абдельазиз Бутефлика в 2005 г. заявил, что «дети харки не несут ответственности за действия своих родителей». Ранее, в декабре 1999 г., критикуя их жилищные условия во Франции, он исключил их возвращение в Алжир, заявив, что «Алжир не является их страной».¹

Закон 1974 г. закрепил за проживавшими во Французской республике харки статус ветеранов войны. Через десять лет 15 тыс. семей бывших харки было выплачено по 110 тыс. франков в качестве разовой компенсации².

Летом 1975 г. произошли восстания среди жителей лагерей Биа и Сен-Морис-л'Ардуаз, а также в нескольких деревнях лесозаготовителей. Власти приняли меры: активисты были расселены в другие лагеря для харки. Однако политика рассредоточения не помогала. В конце концов в августе 2003 г. правительство объявило День памяти харки – 25 сентября. В тот день президент Жак Ширак признал, что в 1962 г. «имели место массовые убийства, совершенные в Алжире, которые поразили как военных, так и гражданских».

¹ Boutefflika: l'Algérie a été injuste avec les familles des harkis. 27.07.2019 // <https://histoirecoloniale.net/Boutefflika-l-Algerie-a-ete-injuste.html>

² Макрон анонсировал закон о «признании и репарации» для ветеранов алжирской войны 20.09.2021 // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12457715?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

данских лиц, женщин и детей и которые навсегда оставят отпечаток варварства. Они должны быть признаны»¹. С тех пор 25 сентября Франция отдает дань уважения той роли, которую сыграли харки во время Алжирской войны. В период правления президента Ширака в Почетном зале Дома инвалидов была открыта мемориальная доска в честь харки. Аналогичная мемориальная доска была установлена в 27 префектурах Франции.

Еще один шаг в пользу удовлетворения прав харки был сделан в 2005 г., когда был принят закон о выплате пособий для харки². Закон от 23.02. 2005 г. определил условия выплаты компенсации харки в знак благодарности за их службу и признания их страдания. Однако общественные организации харки были не согласны с некоторыми формулировками закона.

Николя Саркози, 23-й президент Франции, в апреле 2012 г. (за месяц до окончания президентского срока) отправился в лагерь Ривесальт, где начиная с 1962 г. проживали несколько тысяч харки. Надо отдать ему должное: он был первым президентом, кто посетил лагерь харки. Его соперник Франсуа Олланд, также боровшийся за президентское кресло, в одном из предвыборных выступлений торжественно обещал признать (если он будет избран) ответственность Франции за судьбу харки³.

Ф. Олланд выполнил свое обещание 25 сентября 2016 г., признав ответственность французских правительств за этот печальный эпизод в национальной истории. Он констатировал отказ французских правительств от харки, в результате чего произошла расправа над теми, кто остался в Алжире, а те, кому удалось перебраться во Францию, оказались в бесчеловечных условиях⁴.

В конце сентября 2018 г. госсекретарь при военном министре Франции Ж. Даррьесек объявила о выделении 40 млн евро в

¹ Харки, эти забытые солдаты Франции, интеграция которых была трудной // <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2016/09/25/01016-20160925ARTFIG00156-les-harkis-ces-soldats-oublies-de-la-france-dont-l-integration-a-ete-difficile.php>

² Харки, эти забытые солдаты Франции, интеграция которых была трудной // <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2016/09/25/01016-20160925-ARTFIG00156-les-harkis-ces-soldats-oublies-de-la-france-dont-l-integration-a-ete-difficile.php>

³ Харки, эти забытые солдаты Франции, интеграция которых была трудной // <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2016/09/25/01016-20160925ARTFIG00156-les-harkis-ces-soldats-oublies-de-la-france-dont-l-integration-a-ete-difficile.php>

⁴ François Hollande reconnaît «l'abandon des harkis» par la France. 25.09.2016 // <https://www.marianne.net/societe/francois-hollande-reconnait-l-abandon-des-harkis-par-la-france>

качестве материальной помощи харки и их потомкам на ближайшие четыре года. Э. Макрон, в свою очередь, распорядился наградить более 20 ветеранов харки орденом Почетного легиона.

Однако социальное положение харки, безработица, низкий уровень образования способствовали тому, что эта категория населения Франции оставалась в самом низу социальной лестницы. Повышение самосознания новых поколений харки, родившихся уже во Франции, укрепляло солидарность харки, проживающих в разной местности. Это привело к созданию организаций, которые в первую очередь стремились доказать роль своих предков в истории Франции.

Все исследователи этой ситуации отмечают, что болезненность этой проблемы питается враждебностью, которая существует между харки и алжирскими иммигрантами. Конфликт между харки и алжирцами передается следующим поколениям.

В Алжире проблема харки также не забыта. Президент Бутефлика (2.09.2005) признал ошибочной практику уничтожения родственников тех харки, которые служили французам. Несколько ранее (16.06.2000) во время официального визита во Францию Бутефлика заявил, что народ Алжира «еще не готов» принять возвращение харки в Алжир¹. В 2012 г. алжирская газета El Watan опубликовала результаты опроса, согласно которому более 84% алжирцев поддерживали точку зрения, что «прощать харки нельзя....».

В открытом письме, опубликованном 4.07.2021, депутат-республиканец Жюльен Обер и 32 других депутата призвали Эммануэля Макрона «сделать решительный жест благодарности потомкам тех, кто отдал свою жизнь или посвятил себя Франции» и выплатить харки и их потомкам специальную компенсацию в дополнение к уже существующему пособию. В ответ на это Макрон пообещал представить законопроект, признающий ответственность государства перед харки и предусматривающий «возмещение ущерба» за судьбу, которую они пережили на протяжении десятилетий.

Спустя 60 лет после окончания Алжирской войны за независимость французский Сенат 23.03.2022 г. утвердил законопроект (N 2022-229), в котором были официально принесены извинения алжирским солдатам харки, которые сражались от имени французской колониальной армии. Это открывает путь для компенсации

¹ Bouteflika répond à Chirac le Parisien.fr , 18.07. 2000.

тысячам членов семьи и потомков¹, которые были вынуждены жить в ужасных условиях по прибытии во Францию. Это решение стало кульминацией мер, принятых президентом Э. Макроном, который попросил прощения у харки на церемонии 20 сентября 2021 г.: «Франция не выплатила свой долг харки, их женам, их детям после войны, – сказал он, добавив: ...харки отдали свою силу, пролили свою кровь за Францию»².

Характерно, что принятый закон мало отличается от тех мер, которые были приняты предшественниками Макрона. Закон не предлагает программы комплексных мер, которые могли бы способствовать улучшению социального положения, повышению уровня образования и решения других проблем этой категории населения.

Bibikova O.P.

Harki – an non-healing wound of the Algerian people

Olga P. Bibikova,

PhD (History), Senior Research Associate,

Institute of Oriental Studies, RAS

e-mail: olbibikova@mail.ru

Abstract. *The French government finally decided to fulfill its obligations to the descendants of the Harki, Algerians who served France during the colonial period. We are talking about the implementation of the Evian Agreements (03/18/1962) and ensuring the rights of the descendants of the Harki living in France.*

Keywords: *Harki; Algerian immigrants; colonial heritage; Evian agreements.*

¹ Особо в законе оговорены права женщин, сопровождавших в эмиграцию своих мужей. Вдовы имеют право на пособие по случаю потери кормильца, в том числе и те, кто поселился в стране ЕС.

² Le Sénat français officialise ses excuses aux harkis algériens et à leurs familles. 16.02.2022 // <https://www.dutcheastindiacompany.in/le-senat-francais-officialise-ses-excuses-aux-harkis-algeriens-et-a-leurs-familles/>

Погорельская С.В.*

ГЕРМАНИЯ. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ ИСЛАМА НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ФРГ

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.10

***Аннотация.** Интеграция ислама и его носителей в систему общественных взаимосвязей страны, никогда коренным мусульманским населением не обладавшей, – это комплексный, многосторонний процесс, включающий в себя институциональные, политические, правовые, культурные и социальные аспекты. В данной статье внимание будет уделено исключительно формальной стороне вопроса, т.е. институтам интеграции, основной из которых – Исламская Конференция Германии под эгидой МВД ФРГ.*

***Ключевые слова:** Федеративная Республика Германия; ислам; интеграция; Исламская Конференция Германии.*

Более десяти лет назад германский федеральный президент (в то время им был Кристиан Вульф, ХДС), размышляя о «христианско-иудейской истории Германии», упомянул по ходу, что и ислам в Германии стал уже немецким исламом, стал частью страны, принадлежит к ней¹. Спорная и вызвавшая немало нареканий фраза звучала как констатация факта, однако на самом деле отнюдь его не выражала. Это был скорее лозунг, обозначивший амбициозную цель правительства Ангелы Меркель, начиная с ее прихода к власти, – преодолеть недостатки во взаимоотношениях государства и массового, «иммигрантского» ислама, допущенные всеми предыдущими германскими правительствами и приведшие к тому, что исповедуемая значительной частью населения религия функционировала практически безо всякого значимого соприкосновения с институтами германского государства, но зато в тесной связи с религиозными (а иной раз и государственными) институтами тех

* Погорельская С.В., кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, e-mail: pogorelskaja@yahoo.de (ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158)

¹ Wulf Ch. “Der Islam gehört zu Deutschland”. – Handelsblatt. 3.10.2010, S. 3 – Mode of access: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/wulff-refede-im-wortlaut-der-islam-gehoert-zu-deutschland-seite-3/3553232-3.html>

стран, откуда прибывали в Германию носители ислама и его поведники.

После почти полувековой истории, по ходу которой германская политика упорно закрывала глаза на рост мусульманской диаспоры, убеждая себя и немецких граждан, что ислам в массе своей — религия мигрантов, беженцев, гастарбайтеров, т.е. временных контингентов населения, не нуждающихся в интеграции, власть решила привести ислам по мере возможности в такое же административное отношение к институтам германского государства, в котором находятся и другие представленные в нем крупные конфессии. В Германии взаимоотношения между государством и представленными в нем конфессиями урегулированы на уровне официальных договоров. С католической церковью заключены конкордаты (договоры с Ватиканом); протестантские церкви и иные крупные, признанные государством религиозные сообщества заключают договоры непосредственно с государством. Отношения с церквями и религиозными сообществами находятся в компетенции МВД¹. Условием подобных договоров является статус конфессии именно как «признанного религиозного сообщества», что дает ее организациям право получить статус «субъектов общественного права»². Ислам никогда не был «признанным религиозным сообществом» и долгое время даже не претендовал на этот статус.

Интеграция ислама и его носителей в страну, ранее не обладавшую коренным мусульманским населением, — задача многосторонняя, она включает в себя институциональные, политические, правовые, культурные и социальные аспекты. В данной небольшой статье внимание будет уделено исключительно формальной сто-

¹ Например, христианская церковь принимает участие в общественной жизни, выражает позицию в важных вопросах государственной политики, Пасха и Рождество являются выходными днями, в федеральных землях с преобладанием католиков или протестантов выходными являются также их праздничные дни. Государство взимает с граждан церковный налог (около 9%), а церкви оплачивают государству эту процедуру.

Во всех федеральных землях, кроме Берлина и Бремена, предмет «религия» входит в школьные программы, школьники изучают его согласно исповедуемой конфессии. В университетах на факультетах теологии церкви имеют решающее право голоса в назначении профессуры. Государственный договор на уровне бундесканцлера, с одной стороны, и Центрального совета иудеев — с другой, заключен и с иудаизмом.

² Некоторые религиозные сообщества признаны только на уровне федеральных земель и там заключают договоры с земельными властями. Например, свидетели Иеговы судились за данный статус с федеральными землями.

роне вопроса, т.е. институтам интеграции, основной из которых – Исламская Конференция Германии (ИК) под эгидой МВД ФРГ¹.

* * *

Несколько слов о нынешнем состоянии мусульманской диаспоры.

В религию, практикуемую значительной частью населения, ислам начал превращаться лишь по ходу восстановления экономики Западной Германии в 50–60-е годы XX в. и ее расцвета в ходе «экономического чуда», когда Германия приняла значительные контингенты турецких гастарбайтеров в основном из сельской, консервативной и религиозной Анатолии.

До Второй мировой войны в стране насчитывалось всего лишь около трёх тыс. мусульман, в основном из благополучных слоёв. Сейчас их более 5 млн (общее население страны 82 млн), 38% мусульман с миграционными корнями из исламских стран обладают немецким гражданством (ранее это были 45%, однако их доля уменьшилась по ходу массового въезда в страну новых мигрантов из арабского пространства в 2014–2015 гг.)². Более половины мусульман, таким образом – иностранные подданные, причем вопрос их интеграции тесно связан с их религией³.

Около 63% мусульман турки, причем, основная их часть – лояльное Турции потомство гастарбайтеров. Беженцы мусульманского вероисповедания прибывали в страну в основном из арабских стран, из Афганистана, Пакистана, Боснии, Косова. В ходе миграционного кризиса 2015 г. усилилась доля сирийцев. Соответственно, по направлениям ислама в стране преобладали турецкие сунниты, за ними следовали шииты (алевиты, иранские имамиты, турецкие шииты, измаилиты), суфийские группы. Территориально диаспора концентрируется в больших промышленных городах бывшей Западной Германии.

¹ Deutsche Islam Konferenz (DIK). URL: <http://www.deutsche-islam-konferenz.de/>

² Muslime mit Migrationshintergrund nach Herkunftsregion und Staatsangehörigkeit- URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1232542/umfrage/muslime-mit-migrationshintergrund-nach-herkunftsregion-und-staatsangehoerigkeit/>

³ См.: BAMF (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge)- Integration. Muslimisches Leben in Deutschland 2020. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/ProjekteReportagen/DE/Forschung/Integration/muslimisches-leben-deutschland-2020.html?nn=283560>

Для защиты своих интересов диаспора создала разветвленную структуру союзов и объединений. Однако она не имела единой головной организации: мусульмане различных направлений не видели возможности объединиться даже в интересах взаимодействия с государством, которое принесло бы им решение многих вопросов повседневной религиозной жизни.

В 80-е годы были созданы два совета и каждый претендовал на роль головного. Исламский Совет ФРГ объединял 37 преимущественно турецко-суннитских организаций, а Центральный совет мусульман Германии, объединял 21 организацию, преимущественно арабские и мультиэтнические. Над ними попытался утвердиться созданный в 2007 г. Координационный совет, однако на деле взаимодействовать с государством влиятельные союзы предпочитали без посредников.

Количество активных участников союзов составляет около 20%, однако мусульманину вовсе не обязательно формально числиться в организации, достаточно симпатизировать ей.

Пересмотр своих позиций по отношению к исламу немцы, как и другие европейские государства, начали после террористических актов в США 11.09.2001 г., однако «всерьез» им занялись с приходом к власти Ангелы Меркель в 2005 г. Стало очевидным, что неопределенный правовой статус ислама давно уже соотносится с его реальной внутривластной силой.

Следует отметить, что в Германии к тому времени был представлен и так называемый «либеральный» ислам, открытый западным ценностям и полагающий, что ислам как религия в основных своих направлениях вполне может с ними ужиться и способен функционировать в демократии и с демократией. Однако он представлен в основном интеллигентами, нередко либеральными исламоведами из мусульманских стран, находящимися в Германии в силу преследований в своих странах, немалая их часть политически близка немецким «Зеленым»¹. Количество его сторонников было ничтожно мало по сравнению с народной толщей, которую «пасли» имамы, присланные из Турции и из арабских стран. Влияния среди живущих в Германии мусульман либеральные интеллигенты не имели. В стране, в основном за счет миграционных процессов, всё более росла доля традиционных, а иной раз и радикальных мусульман, но их религия не была увязана в систему пра-

¹ Либеральный ислам в Германии был организован в несколько союзов, а с 2017 г. имеет свою мечеть в Берлине, «Мечеть Ибн-Рушд-Гёте».

вовых, общественных и культурных взаимосвязей в той мере, в какой интегрированы в нее христианство и иудаизм. Причина была лишь отчасти в организационных особенностях ислама, исключаящих объединение в централизованные структуры иерархического подчинения, но в значительной мере и в государстве, не отягощавшем себя попытками систематического взаимодействия с данной конфессией.

Так называемые «параллельные общества» начали складываться еще во времена гастарбайтеров; по мере прибытия к ним семейств и родства стали усиливаться по ходу приема страной мусульманских беженцев, однако в начале нового тысячелетия эти «общества» пытались на правовых путях обставить свою жизнь в Германии с максимальными для себя религиозными удобствами (например, иски мусульманских учительниц разрешить ношение хиджаба, иски турецких родителей к школам, касающиеся освобождения девочек от уроков физкультуры и от путешествий с ночевками и т.д.). Ислам, причем во всем своем конфессиональном многообразии, стал социально наступательным и начал представлять угрозу общественной стабильности, недвумысленно дав понять: не будучи интегрирован в систему государственных взаимосвязей, он интегрирует их под себя, например, в вопросах действенности шариата.

Осознавая, что «ислам принадлежит Германии» и страна ответственна перед немецким населением за тех, кого завезла к себе, но не интегрировала, немецкая политика задалась вопросом, как урегулировать отношения с этой религией. Главной задачей для «государства политических партий», как официально называет себя германская демократия, было выработать единую, *надпартийную* стратегию во взаимоотношениях с исламским сообществом Германии, представленным в объединениях и союзах.

Выход был найден в создании института постоянного взаимодействия и диалога между государством и исламом. В нём, с одной стороны были представлены: федерация (в лице министра внутренних дел и возглавляемого им ресурса), а также земли и коммуны, а с другой – влиятельные и массовые исламские союзы. Участие в данном институте рассматривалось одновременно как поощрение для данных союзов, награда за умеренность и признание их права представлять мусульманское население в его отношениях с государством.

Инициатива создания института, получившего название Исламская Конференция Германии, принадлежала опытному христианско-демократическому политику Вольфгангу Шойбле, получившему пост министра внутренних дел. Она начала работу в 2006 г.

Из соображений политической корректности государство пригласило к участию не только наиболее сильные, так называемые «головные объединения», как турецкий DİTİB, которые действительно несли с собой массу нерешенных проблем, но и либеральные организации и даже отдельных живущих в Германии интеллектуалов мусульманского происхождения, являющихся персонами общественной жизни, как правило, светски настроенных и достаточно критично относящихся к исламу. Тем самым государство хотело подчеркнуть: для него ислам в Германии не исчерпывается консервативными религиозными объединениями и, с точки зрения государства, либеральный европейский ислам и светские исламские интеллектуалы – такая же часть исламской жизни ФРГ, как и организации иммигрантского немецкого ислама.

В первые годы своей работы Исламская Конференция Германии функционировала как постоянный рабочий форум, в задачи которого входила идентификация лояльных мусульманских организаций с целью дальнейшей интеграции, а также политическая и социальная маргинализация радикальных направлений ислама. Исламская Конференция Германии это инструмент интеграции ислама, способного интегрироваться. Организации, тяготеющие к радикализму, в ней не участвовали, члены их общин лишались преимуществ, которыми обладали союзы, сотрудничающие с государством.

Второй задачей стала идентификация и поиски решений таких актуальных для мусульманской диаспоры проблем, решить которые без государства было невозможно (например, преподавание мусульманским школьникам ислама в рамках школьного предмета «религия»). Подразумевалось, что постоянные и лояльные участники Исламской Конференции смогут со временем получить статус «субъекта общественного права», который наделил бы эти мусульманские объединения возможностями, предоставляемыми церковным правом¹.

Конференция проводилась раундами, в тематических кругах, как по общим вопросам (секуляризация, гендерная тематика), так

¹ Первые такой статус получили ахмадиты (Ахмадийский мусульманский джамаат) в 2013 г. на земельном и приравненном к нему уровне (земля Гессен и ганзейский город Гамбург). Исламская Конференция – инструмент интеграции интегрируемого ислама. Те же действующие в Германии исламские организации, которые тяготеют к «всемирности» и радикализму, предполагается ущемить на правовых путях, а если это невозможно, то изолировать политически и нейтрализовать общественно, исключая их из сотрудничества и лишая тем самым членов этих организаций тех удобств, которыми обладают союзы, сотрудничающие с государством.

и по специальным, таким как преподавание ислама в школах, подготовка имамов в Германии или строительство мечетей.

К сожалению, время показало существенный недостаток данного института, связанный с особенностями политической культуры Германии как государства политических партий. Курс Исламской Конференции, характер обсуждаемых тем показал сильно выраженную зависимость от позиций менявшихся министров внутренних дел, а следовательно, от политических партий, стоящих у власти. Так, сменивший инициатора Исламской Конференции Шойбле на его посту Томас де Мезьер (ХДС) превратил в одну из главных тем переговоров борьбу с терроризмом, что повлекло выход из Конференции некоторых влиятельных мусульманских объединений. Все последующие годы работа Конференции, да и сам факт ее существования, несмотря на заявленный *надпартийный* характер этого института, инструментализировался политическими партиями. В итоге германской политике пока так и не удалось разработать единой концепции взаимоотношений государства с исламом, свободной от межпартийной конкуренции.

Тем не менее концептуально Конференция – это, возможно, единственный вариант интеграции иммигрантского ислама в демократической стране с таким многообразием его направлений, как Германия. В настоящее время представленным в ней союзам уже удалось согласовать, например, преподавание ислама в школах или подготовку мусульманских проповедников в Германии. В десяти немецких университетах на теологических факультетах уже введен предмет «исламская теология», готовящий преподавателей для школьных занятий. Эти занятия уже введены в федеральных землях с большой долей мусульманского населения. В более чем 900 школах в них уже принимают участие около 600 тыс. школьников¹. На последних раундах Конференции удалось согласовать даже частичное участие государства в зарплатах для немецких имамов².

В Оснабрюке работает специальный Исламский колледж.

Трудно недооценить это достижение. Ранее ислам мусульманские дети изучали в школах Корана при мечетях, принадлежащих соответствующим мусульманским организациям, у проповед-

¹ Islamischer Religionsunterricht (IRU) in Deutschland im Spannungsfeld von Religion, Bildung, Politik und Gesellschaft – SpringerLink. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41682-022-00120-5#ref-CR24>

² Der Staat könnte Imame bezahlen – Herder Korrespondenz Hefte Heftarchiv 2022 Heft 4/2022, S. 25.

ников, присылаемых в них из соответствующих стран. Мечети турецкого «DİTİB» (мощный, лояльный Турции союз турецких суннитов), например, ориентировались на поддержку связей бывших соотечественников с Турцией, в мечетях других союзов проповедовали иной раз откровенные исламисты, что вело к радикализации мусульманской молодежи.

Поэтому работа с мусульманской молодежью ведется теперь и государством. Исламская Конференция по ходу своей работы создала молодежное отделение – Молодую исламскую конференцию, которую проводят в преддверии ежегодных форумов Исламской Конференции Германии.

Исламская Конференция – детище «эры Меркель», продолжавшейся 16 лет. После ухода Ангелы Меркель с поста канцлера и прихода к власти коалиции из СДПГ, «Зеленых» и либералов возникли опасения в связи с дальнейшей деятельностью этого института. Ведь в прежние годы именно «Зеленые» выступали главными критиками Конференции, выражая недовольство недостаточным, по их мнению, количеством представленных там свободных критических интеллектуалов, этнически являющихся выходцами из исламских стран. К тому же, совсем недавно видный политик «Зеленых», глава земельного правительства Баден-Вюртемберга Винфрид Кречманн, вызвал негативные реакции как раз мусульманских интеллектуалов и политиков (не говоря уже об организациях и союзах), заявив, что «ислам в Германии недостаточно интегрирован», должен быть реформирован, и потребовав от мусульман Баден-Вюртемберга в случае, если они обладают немецким гражданством, считать Кречманна своим представителем, а не исламские организации и союзы¹.

Однако в мае 2022 г. ситуация прояснилась. Новый министр внутренних дел, Ненси Фезер, в ходе работы Конференции выступая перед представителями более чем 40 участвующих в ней мусульманских головных организаций, подтвердила продолжение работы этого института². Она предложила три тематических комплекса, по кото-

¹ Kretschmann W. Der Islam ist nicht wirklich integriert in Deutschland – SWR Aktuell, 2022. – URL: <https://www.swr.de/swraktuell/baden-wuerttemberg/was-tut-deutschland-fuer-die-integration-von-muslimen-100.html>

² Innenministerin Nancy Faeser will Islamkonferenz weiterentwickeln. – Herder Korrespondenz, 6/2022 S. 36. – URL: <https://www.herder.de/hk/hefte/archiv/2022/6-2022/innenministerin-nancy-faeser-will-islamkonferenz-weiterentwickeln-muslime-in-deutschland/>

рым будет вестись работа: «Поддержка общественного сотрудничества», «Предотвращение организованных конфликтов» и «Усиление структур мусульманской самоорганизации».

Если на начальных этапах ИК еще нередко были критические голоса, согласно которым этот институт по тем или иным параметрам непригоден и должен быть отменен, то за прошедшие годы посредством него были достигнуты слишком весомые результаты, чтобы от него отказываться. Ислам в Германии остается в фазе активной интеграции, а ИК останется основным институтом этого процесса. Немецкое государство продолжает взятый им курс: интегрировать лояльных, изолировать неинтегрируемых. Особый упор, как показала практика, и далее будет делаться на «германизацию» (но не на либерализацию)¹ иммигрантского ислама с тем, чтобы он преподавался мусульманским школьникам педагогами, получившими образование в немецких университетах.

References

1. BAMF (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge)- Integration. Muslimisches Leben in Deutschland 2020. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/ProjekteReportagen/DE/Forschung/Integration/muslimisches-leben-deutschland-2020.html?nn=283560>
2. Deutsche Islam Konferenz (DIK). URL: <http://www.deutsche-islam-konferenz.de/>
3. Innenministerin Nancy Faeser will Islamkonferenz weiterentwickeln. – Herder Korrespondenz, 6/2022 S. 36. URL: <https://www.herder.de/hk/hefte/archiv/2022/6-2022/innenministerin-nancy-faeser-will-islamkonferenz-weiterentwickeln-muslime-in-deutschland/>
4. Islamischer Religionsunterricht (IRU) in Deutschland im Spannungsfeld von Religion, Bildung, Politik und Gesellschaft – SpringerLink. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41682-022-00120-5#ref-CR24>

¹ Государство не планирует влиять на ислам в плане его содержательной либерализации. Либеральный ислам существует своим сообществом, мало пересекающимся с традиционными мусульманами, а его деятельность, являясь предметом гордости властей (Берлин объявил, что гордится мечетью Ибн-Рушд-Гёте) более чем спорна для массы живущих в Германии мусульман. Например, в июле 2022 г., в преддверии ЛГБТ-праздника Кристофер-Дей в Берлине, эта мечеть вывесила радужный флаг «прайда» под лозунгом «Любовь это халяль», что вызвало критику со стороны ряда исламских объединений. – См.: Month P. Berlin: Erste Moschee Deutschlands hisst Regenbogenflagge. – Berliner Zeitung. Mode of acces: <https://www.berliner-zeitung.de/news/pride-month-berlin-erste-deutsche-moschee-hisst-regenbogenflagge-li.243843>

5. Kretschmann W. Der Islam ist nicht wirklich integriert in Deutschland – SWR Aktuell, 2022. URL: <https://www.swr.de/swraktuell/baden-wuerttemberg/was-tut-deutschland-fuer-die-integration-von-muslimen-100.html>
6. Month P. Berlin: Erste Moschee Deutschlands hisst Regenbogenflagge – Berliner Zeitung. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/news/pride-month-berlin-erste-deutsche-moschee-hisst-regenbogenflagge-li.243843>
7. Muslime mit Migrationshintergrund nach Herkunftsregion und Staatsangehörigkeit-. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1232542/umfrage/muslime-mit-migrationshintergrund-nach-herkunftsregion-und-staatsangehoerigkeit/>
8. Pick U. Zahl der Muslime deutlich gestiegen // Tagesschau, 28.04.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/muslime-deutschland-studie-101.html>
9. Red.: Der Staat könnte Imame bezahlen. – Herder Korrespondenz Hefte Heftarchiv 2022 Heft 4/2022, S. 25.
10. Schäuble W. Der Islam ist Teil Deutschlands. URL: <https://wolfgang-schaeuble.de/wp-content/uploads/2015/04/060925sz.pdf>
11. Wulf Ch. “Der Islam gehört zu Deutschland”. – Handelsblatt 3.10.2010, S. 3. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/wulff-rede-im-wortlaut-der-islam-gehoert-zu-deutschland-seite-3/3553232-3.html>

Pogorelskaya S.V.

Germany. Institutional issues

**of integration of Islam on the example
of the Islamic Conference of Germany**

Swetlana V. Pogorelskaja,

PhD (Political Science),

PhD of the University of Bonn,

Senior Research Associate, INION RAN,

e-mail: pogorelskaja@yahoo.de

***Abstract.** The integration of Islam and its bearers into the system of social relations of a country that has never had an indigenous Moslem population is a complex, multilateral process that includes institutional, political, legal, cultural and social aspects. In this article, attention will be paid exclusively to the formal side of the issue, i.e. the institutions of integration, the main of which is the Islamic Conference of Germany under the auspices of the Ministry of Internal Affairs of Germany.*

***Keywords:** Federal Republic of Germany; Islam; integration; Islamic Conference of Germany.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Садыкова Э.Л.*

К ВОПРОСУ О РОЛИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.31249/rimm/2022.03.11

***Аннотация.** В современном глобальном мире, отличающемся культурно-цивилизационным многообразием, диалоговые механизмы обладают коммуникативным потенциалом во всех сферах жизни общества, включая столь актуальную проблему, как обеспечение прав человека. Настоящая статья посвящена научно-практическим аспектам развития и углубления диалога между различными религиями. Освещаются особенности современного этапа формирования многополярного мира и обострения геополитической обстановки, обуславливающие возрастание роли конструктивного потенциала межрелигиозного диалога в установлении партнерства и уважения к религиозным традициям различных народов.*

***Ключевые слова:** западные стандарты прав человека; исламские государства; международные отношения; межрелигиозный диалог; проблема универсальности прав человека; религиозно-традиционная система права.*

Актуальность вопроса о межрелигиозном диалоге в контексте проблемы универсальности прав человека в современном мире

* Садыкова Э.Л., канд. юрид. наук; доктор полит. наук, исполнительный директор Фонда стратегический диалог и партнерство с исламским миром; начальник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии; профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: richone@rambler.ru

© Садыкова Э.Л., 2022

вызвана тем, что религиозные организации и движения обладают существенным потенциалом, позволяющим рассматривать их в качестве влиятельной силы в мировой политике. Религиозный фактор является важной составляющей обеспечения международной безопасности. Исследование обозначенной тематики предполагает применение междисциплинарного подхода в комплексе философских, религиоведческих, этнологических, политологических и культурологических точек зрения.

В контексте философской парадигмы концепт межрелигиозного диалога имеет длительную историю, начало которой можно отнести к древнегреческим мыслителям. В современном мире все большую значимость приобретает его практическое воплощение в международных отношениях как инструмента политической коммуникации в разных сферах, благодаря конструктивному потенциалу. В условиях возрастания числа межнациональных вооруженных конфликтов, сопровождающихся многочисленными жертвами, усиливающимися угрозами экстремизма и терроризма, чрезвычайную остроту приобретает проблема незащищенности этнических и религиозных групп, что в конечном счете ведет к нарушению прав человека. В противовес демонстрации и применению военных мер и экономических санкций актуализируется роль дипломатии «мягкой силы».

В большинстве стран мира в последние десятилетия происходят сложные процессы изменения конфессионального состава населения, вызванные динамичными глобальными тенденциями, повышается значение цивилизационной идентичности. После распада биполярной системы в международных отношениях на первый план выходит цивилизационная парадигма мирового развития, определяющая особенности диалоговых форматов в рассматриваемой сфере.

Эволюция мировой истории сопровождалась становлением и неравномерным развитием различных культурно-цивилизационных сообществ. Европейские страны, основываясь на негативной идее цивилизационного превосходства, проводят политику игнорирования специфических этнокультурных, религиозных особенностей традиционных обществ. «А.Дж. Тойнби еще в середине XX в. отмечал экспансионистский характер западной цивилизации, в силу ее более высокого уровня технологического и научного развития. Народам, чей образ жизни на протяжении их исторической эволюции отличался жесткими семейно-родовыми традициями, сложнее воспринимать западные эталоны прав человека и свободные демо-

кратические принципы политической системы, что не означает их неспособности к саморазвитию и экономической модернизации в соответствии с требованиями времени»¹.

В практической плоскости вопросы межрелигиозного диалога связаны с развитием международных общественных регуляторов диалоговых моделей с участием государственных и общественных структур, международных организаций. В выступлении председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия митрополита Волоколамского Илариона, на конференции «Диалог культур и цивилизаций» 15 марта 2019 г. отмечается: «К сожалению, последние десятилетия были ознаменованы спекуляциями на религиозных чувствах людей и попытками разжечь противостояние между Востоком и Западом, между христианами и мусульманами. Я говорю о событиях на Ближнем Востоке, где экстремисты и террористы годами усиленно пропагандировали среди населения идеи противостояния мусульманской и христианской цивилизаций. В этом регионе не прекращаются волнения по поводу статуса священного города трех авраамических религий – Иерусалима»².

Острые политические, социально-экономические проблемы в современном мире обуславливают необходимость общих усилий участников международных отношений для разработки эффективных стратегий развития в целях формирования гарантий устойчивости безопасности прав человека перед такими угрозами, как вооруженные конфликты, насилие, экологические и эпидемиологические катастрофы и др. Так, на Африканском континенте на протяжении последнего столетия разворачивались межконфессиональные войны, сопровождавшиеся кровопролитием и многочисленными человеческими жертвами, как это было в Судане, Нигерии и других странах. Еще один регион этнополитической конфликтности – это Балканы, сложный узел конфессиональных, межкультурных противоречий, трагичными результатами кото-

¹ Садыкова Э.Л. Теоретические и практические аспекты : дисс. ... доктора полит. наук : 23.04. Москва, 2014 // <http://dipacademy.ru>

² Выступление Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия митрополита Волоколамского Илариона: Актуальность межрелигиозного диалога в современной системе международных отношений / Статьи / Патриархия.ru (patriarchia.ru)

рых являются такие события на территории бывшей Югославии, как хорватский, боснийский, косовский кризисы.

Масштабные миграционные процессы и перемещения, вызванные длящимися конфликтами в Сирийской Арабской Республике, Йемене, Центральнo-Африканской Республике, Демократической Республике Конго, Южном Судане и других странах приводят к огромным лишениям, нарушениям прав миллионов людей. В ряде европейских стран, в том числе Великобритании, Германии, Соединенных Штатах Америки, Франции, в результате активных миграционных процессов сформировались многочисленные мусульманские общины. Также значительно возросла численность мусульман в Норвегии, Польше, Швейцарии, Швеции и других государствах Европы. Указанные тенденции с особой остротой актуализируют вопрос о необходимости новых механизмов государственного управления, обеспечивающих интеграцию иммигрантского населения в инородную среду и обеспечение комплекса прав человека, в том числе и в религиозной сфере.

Проявлением западной идеологической концепции «столкновения цивилизаций» является книга члена правления Бундесбанка Тило Саррацина «Самоликвидация Германии», изданная в 2011 г., в которой автор обосновывает неспособность иммигрантов из мусульманских стран ассимилироваться в немецкое общество и рассматривает их как угрозу национальной идентичности страны¹. Стоит также упомянуть и публикации карикатур на Пророка Мухаммада, появившиеся в датских и некоторых других европейских средствах массовой информации, что вызвало острую реакцию в мусульманских государствах.

Известный историк-востоковед В.В. Наумкин отмечает: «Вредно и ошибочно приписывать исламскому миру якобы присущие ему нетерпимость и неприятие свободы. Если обратиться к мусульманскому историческому наследию, то нельзя не вспомнить о тех поразительных проявлениях свободомыслия и терпимости, которые существовали в нем на протяжении многих веков»². Стоит подчеркнуть, что проблемы восприятия Запада исламским миром

¹ Саррацин Тило. Германия: самоликвидация. Пер. с нем. М. Рид Групп, 2012. С. 400.

² Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе / Вестник Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. 2013. № 4. С. 34 // [file:///C:/Users/ricon/Downloads/islamskiy-mir-i-islamskie-organizatsii-v-sovremennoy-miropoliticheskoy-sisteme%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/ricon/Downloads/islamskiy-mir-i-islamskie-organizatsii-v-sovremennoy-miropoliticheskoy-sisteme%20(3).pdf)

осложняются в настоящее время активно развивающимися тенденциями подрыва основ семейных ценностей в европейских государствах, когда разрешается регистрация однополых браков и даже воспитание в них детей. В Социальной доктрине российских мусульман от 14 июня 2015 г. указано: «Выработка европейцами в XVIII–XX вв. деклараций и законодательных документов по правам человека свидетельствует о стремлении человеческого духа вырваться из тьмы невежества к истине. Однако умаление в этих актах консервативно-религиозных ценностей привело в конечном счете к таким крайностям современного либерализма, как публичная легитимизация пороков, включая подмену исторически сложившегося понятия семьи понятием “однополых браков”»¹.

Практическая реализация комплекса прав человека, закрепленных в универсальных международных документах в современном мире, сталкивается с множеством серьезных трудностей и проблем. Принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций стало важным этапом в закреплении широкого круга основных прав и свобод человека, гарантирование которых должно быть вне зависимости от гражданства, места проживания, пола, национального или этнического происхождения, религии, языка или иного положения. Центральное место в комплексе прав человека занимают принципы равенства и недискриминации, важность которых подтверждается.

В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года ООН особое внимание уделяется созвучной принципам безопасности человека концепции «мира, свободного от нищеты, голода, болезней и нужды, ...свободного от страха и насилия»². При ООН была создана специальная структура – Управление Верховного комиссара по правам человека, а также Уставной орган – Совет по правам человека, 10 договорных органов, контролирующих выполнение основных международных договоров в области прав человека, таких как, например, комитеты против пыток, по правам ребенка, по насильственным исчезновениям и др.

¹ Социальная доктрина российских мусульман от 14 июня 2015 г. // <https://dsmr.ru/images/Knigi/Socdoctrina.pdf>

² См.: Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года <https://www.un.org/humansecurity/ru/agenda-2030> -

В Декларации Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» указано: «Нам видится мир, в котором обеспечиваются всеобщее уважение к правам человека и человеческому достоинству, верховенство права, справедливость, равенство и недискриминация, уважение к расовому, этническому и культурному разнообразию; мир равных возможностей, позволяющий в полной мере раскрыть человеческий потенциал и способствующий всеобщему процветанию. Мир, который осуществляет инвестиции в своих детей и в котором каждый ребенок растет, не зная, что такое насилие и эксплуатация»¹.

При постановке вопроса о роли межрелигиозного диалога в контексте проблемы универсальности прав человека в реалиях современного мирового сообщества стоит выделить один из наиболее дискуссионных аспектов, касающийся противопоставления стран западного мира с его гарантиями прав и свобод, индивидуалистическим мировоззрением и исламских государств с особенностями их религиозных традиций и культуры². Западные стандарты прав человека сложно сочетаются с религиозно-традиционной системой права исламских государств, основанной на положениях Корана и Сунны Пророка.

В международном формате странами исламского мира были приняты ряд ключевых документов о правах человека, а именно: Всеобщая исламская декларация 1981 г., Каирская декларация 1990 г., Арабская хартия прав человека 2004 г. Общим концептуальным подходом указанных международных нормативных актов стало то, что основой закрепленных в них прав человека являются такие принципы, как равенство, справедливость, свобода, достоинство. Перечисленные важнейшие идеи соответствуют принципам прав человека, установленных западными стандартами, но свобода человека в исламе определяется нормами шариата, это отражается в конституционных актах государств. Так, в соответствии со ст. 20 Конституции Исламской Республики Иран, «все иранцы, независимо от пола, одинаково пользуются покровительством закона и располагают всеми гуманитарными, политическими, экономическими, социальными и культурными правами с уче-

¹ Декларация Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

² Ключков В.В. Религия государство, право. М., 1978. С. 115.

том соблюдения исламских норм»¹. Одновременно в указанном документе в ст. 14 гарантируются права *не-мусульман*: «Согласно аяту правительства Исламской Республики Иран мусульмане обязаны с добротой и исламской справедливостью обращаться с немусульманами и соблюдать их человеческие права. Этот принцип действует в отношении лиц, не выступающих против ислама и Исламской Республики Иран и не участвующих в заговорах»². Иран относится к числу стран, в которых на конституционном уровне закреплено подчинение светской власти религиозной. В страны, где ислам как государственная или официальная религия оказывает непосредственное влияние на внутригосударственную систему права, входят: Алжир, Афганистан, Бангладеш, Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Малайзия, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Саудовская Аравия и др.

В современном мире развивается устойчивое стремление народов сохранять и укреплять свою национальную или религиозную идентичность. В то же время религиозный фундаментализм нередко используется националистами и этносепаратистами для достижения политических целей. Затяжные международные конфликты, сопровождающиеся гуманитарными проблемами, вынуждают людей уезжать в другие страны в поисках мирной жизни. В результате усиливается легальная и нелегальная иммиграция в европейские страны.

В этих условиях возрастает роль мировых религий в направлении поиска мирных средств решения острых проблем, вызванных новыми вызовами и угрозами, в центре которых стоят практические вопросы прав человека. Вопреки позиции представителей секуляризации жизни общества, позитивный потенциал религии обладает способностью влиять на укрепление духовной сферы. Эта тема нашла отражение в одном из важных документов – Родосской декларации-2009, принятой на Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций» на острове Родос в Греции. «Мы призываем лидеров религиозных течений и верующих всего мира продолжать диалог и сотрудничество, делая все возможное для достижения взаимного понимания и уважения, способствуя тем

¹ Конституция Исламской Республики Иран // https://www.cis-emo.net/sites/default/files/images/imce/constitution_of_iran.pdf

² Там же.

самым прогрессивному развитию и миру на земле, где не было бы места конфликтам и кризису»¹.

Реальность возможности миротворческих усилий традиционных конфессий при кризисных и конфликтных ситуациях в то же время может снижаться в результате отсутствия единства внутри религиозных структур, о чем свидетельствует пример церковного раскола на Украине, где в 2018 г. по инициативе экс-президента П. Порошенко была создана «Православная церковь Украины» (ПЦУ). Указанная новая «церковь» получила томос об автокефалии (грамоту о независимости) от Константинопольского патриарха Варфоломея. В результате Русская православная церковь прекратила евхаристическое общение с Константинопольским патриархатом. Отмеченный внутрирелигиозный раскол безусловно затрагивает гражданские права верующих. Показательно, в этой связи понимание остроты проблемы в решении Комитета Организации Объединенных Наций по правам человека от 11 ноября 2021 г., посвященном проблеме нарушения прав верующих Украинской православной церкви. «Этот документ также предписывает властям Украины гарантировать осуществление свободы религии в стране и обеспечить расследование всех имевшихся там случаев насилия в отношении верующих»². В настоящее время православные церкви по всей Украине подвергаются грабительским нападениям со стороны вооруженных националистов. Конфессиональный фактор в данном случае выступает детонатором обострения политической напряженности.

В этой ситуации существенно возрастает практическая значимость межконфессионального диалога в формировании общего подхода к событиям на Украине. Вопросы о необходимости скорейшего достижения прочного мира на Украине, основанного на справедливости, были обсуждены 16 марта 2022 г. во время встречи в дистанционном формате Святейшего Патриарха Кирилла и Архиепископа Кентерберийского Джастина Уэлби. Святейший Патриарх особо отметил, что у каждого человека должно быть право свободно исповедовать свою веру и говорить на родном языке, не подвергаясь при этом политическим преследованиям³. Важность такого диалога в ситуации с украинским кризисом безусловно высока также с точки зрения достоверного информацион-

¹ Родосская декларация 2009 года // <https://mgimo.ru/about/news/experts/214943>

² <http://www.patriarchia.ru/db/text/5864893.html>1

³ <http://www.patriarchia.ru/db/text/5864893.htm>

ного обмена сторонами, в условиях попыток изоляции российских СМИ со стороны Запада.

Практические шаги по развитию межрелигиозного диалога в контексте столь значимого вопроса, как защита прав человека, требуют с очевидностью и объединение усилий государств как на двустороннем уровне, так и в многосторонних форматах. В этом направлении государственной деятельности необходимо отметить российский опыт. Высокий авторитет в мусульманском мире позволил Российской Федерации получить в 2005 г. официальный статус наблюдателя при Организации Исламского сотрудничества. Важная роль в развитии диалога с мусульманским миром принадлежит Группе стратегического видения (ГСВ) «Россия – Исламский мир», которая была организована в 2006 г. по инициативе В.В. Путина и под руководством выдающихся личностей Е.М. Примакова, М.Ш. Шаймиева. 23–26 ноября в Королевстве Саудовская Аравия в г. Джидда прошло традиционное ежегодное заседание Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», посвященное сохранению традиций межконфессионального диалога. В мероприятии с повесткой «Россия – Исламский мир: диалог и перспективы сотрудничества» приняли участие 33 государственных и общественных деятеля из 27 мусульманских стран. Один из членов ГСВ Альхадж Сайед Назибул Башар Майзвандари, председатель Федерации Тарикат Бангладеш и действующий член парламента, в своей публикации по итогам участия в указанном заседании, подчеркнул, что под руководством президента Татарстана Рустама Минниханова Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир» превращается в сильного защитника интересов мусульман на международной арене с глубоким пониманием исламских ценностей и важности местного наследия и культуры¹.

В заключение представляется возможным выделить ряд выводов:

- роль мировых религий в становлении и развитии международных основ комплекса прав и свобод человека носит объективно обусловленный характер;

- теоретические подходы к оценке межрелигиозных диалоговых форматов определяются осмыслением следующих важных посылов, основанных на анализе глобальных тенденций мирового развития: с одной стороны, попытки использования межцивилиза-

¹ <https://russia-islworld.ru/>

ционных расколов для своих практических целей политических сил; с другой стороны, – процессы глобализации меняют формы коммуникативного взаимодействия людей, понимание сущности влияния религии как на внутригосударственном, так и международном уровне на усиление проблем национальной идентичности и актуализация исследования вопросов эффективности действующих коммуникационных механизмов в религиозной среде на соблюдение основных прав и свобод человека, идей гуманности, как основных ценностей;

– межрелигиозный диалог способствует поиску механизмов согласования общих начал международно-правового регулирования в сфере прав человека с национальными государственно-правовыми системами;

– эффективность реализации международных норм, регулирующих права и свободы человека, может определяться на основе сочетания фундаментальных прав человека и исторически сложившейся правовой культуры и религиозных особенностей народов;

– попытки абсолютизации западных стандартов в обеспечении прав человека в условиях возрастания и укрепления роли новых незападных мировых центров сил и влияния в системе международных отношений, сталкиваются с противостоянием дискриминации их культурной идентичности;

– проблема существует не только в разных подходах к оценке принципа универсальности прав и свобод человека, закрепленных в документах, принятых ООН, но и в практических реалиях, связанных с нарушениями соответствующих норм международно-го права со стороны ряда государств;

– современный, по существу переломный, этап в истории международных отношений определяет актуальность роли религий, интенсификации духовного обмена для поиска точек соприкосновения и понимания в противовес политике конфронтации и угрозе ядерной катастрофы.

Sadykova E.L.

**On the role of interreligious dialogue in the context
of the problems of the universality of human rights**

Elmira L. Sadykova,

DSc (Political Science), PhD (Law),

Executive Director of the Fund of Strategic Dialogue

and Partnership with the Islamic world, Kazan,
Head of the Center for Interfaith Dialogue,
Bolgar Islamic Academy; Professor,
Institute of International Relations,
Kazan Federal University,
e-mail: richone@rambler.ru

Abstract. *In the modern global world, characterized by cultural and civilizational diversity, dialogue mechanisms have a communicative potential in all spheres of society, including such an urgent problem of ensuring human rights. This article is devoted to the scientific and practical aspects of the development and deepening of dialogue between different religions. The features of the modern stage of the formation of a multipolar world and the aggravation of the geopolitical situation are highlighted, which determine the increasing role of the constructive potential of interreligious dialogue in establishing partnership and respect for the religious traditions of various peoples.*

Keywords: *western human rights standards; Islamic States, international relations; interreligious dialogue; the problem of the universality of human rights; religious and traditional system of law.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2022 – 3 (325)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.В. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/VIII – 2022 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,7 Уч.-изд. л. 7,1
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 59

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У